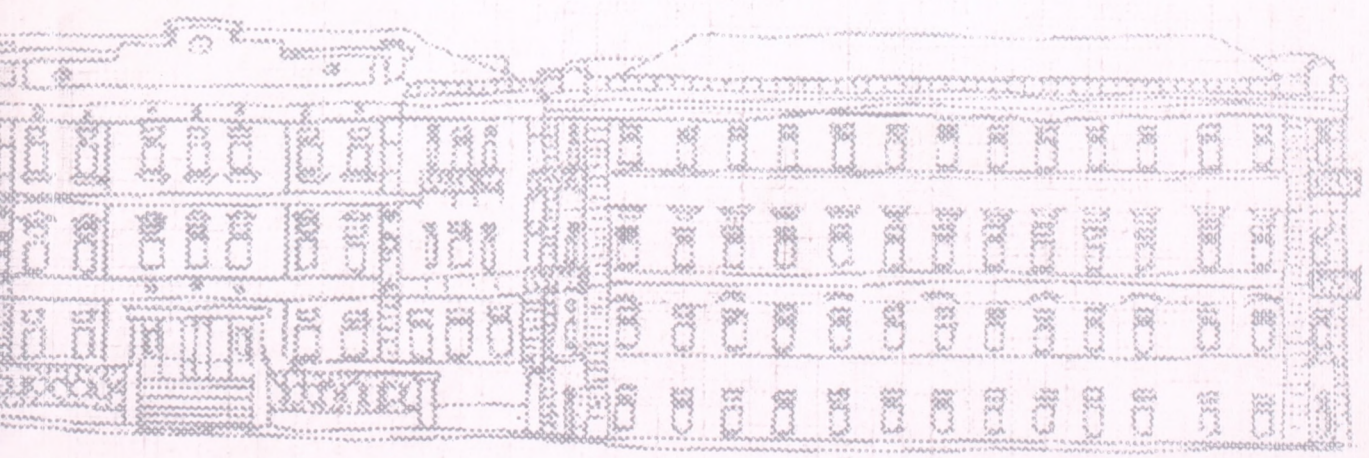
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

9

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

9

HUNGARO-ROSSICA

Москва
ИВ РАН
2002

ББК 78.37
Б98

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев, Е.И. Кычанов
Р.Б. Рыбаков (председатель),
И.М. Стеблин-Каменский,
А.А. Столяров (секретарь),

Б98 **Бюллетень Общества востоковедов.** — Вып. 9: **HUNGARO-ROSSICA:** История и культура евразийской степи. — М.: Институт востоковедения РАН, 2002. — 286 с.

ISBN 5-89282-198-6

Ответственный редактор: Д.Д. Васильев

Составители: Д.Д. Васильев, И.В. Зайцев, И. Зимони

Сборник статей венгерских и российских востоковедов, подготовленный к III Всероссийскому съезду востоковедов (Санкт-Петербург, сентябрь 2002 г.).

ББК 78.37
Б98

ISBN 5-89282-198-6

© Институт востоковедения РАН, 2002
© Общество востоковедов РАН, 2002

Содержание

HUNGARO-ROSSICA: 6
История и культура евразийской степи
Сборник статей российских и венгерских востоковедов
к III Всероссийскому съезду востоковедов
HUNGARO-ROSSICA:
History and Culture of Eurasian Steppe
Articles of Russian and Hungarian Orientalists
to the 3rd All-Russian Orientalists' Congress

Берта А. 8
Новые взгляды относительно венгерских племенных
названий тюркского происхождения
Berta Á.
New views on the Hungarian Tribal Names of Turkic Origin

Васильев Д.Д. 37
Руноподобная надпись на костяной пластине
из Калоча (Венгрия)
Vasilyev D.D.
Runic-like Inscription on Stone Plate Found in Kalocs (Hungary)

Горелик М.В. 47
Три племени кабар
Gorelik M.V.
Three Kabar Tribes

Дробышев Ю.И. 60
Некоторые аспекты отношения монголов
к окружающей среде в эпоху завоеваний
Drobyshev Yu.I.
Some Aspects of the Mongols' Attitude towards the Environment
in the Conquests Epoch

Зайцев И.В. 109
Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда османскому султану Мураду II: Османская империя, Золотая Орда и государства Восточной Европы в конце XIV- первой трети XV века
Zaitsev I.V.
The Letter of the Golden Horde Khan Ulug-Muhammed to the Ottoman Sultan Murad II: the Ottoman Empire, Golden Horde and the Eastern European States at the End of the 14th - the First Three Decades of the 15th Centuries

Зимони И. 130
Венгры в Волго-Камском бассейне?
Zimonyi I.
Were the Hungarians in the Volga-Kama Basin?

Зуев Ю.А., Кадырбаев А.Ш. 187
Древние народы Центральной Азии в эпоху «Великих переселений» (III в. до н.э. – V в.).
По материалам китайских династийных историй
Zuev Yu.A., Kadyrbaev A.Sh.
The Ancient Peoples of Central Asia in the Epoch of «Great Movements» (3rd c. BC – 5th c. AD).
On the Base of the Chinese Dynastic Chronicles

Рона-Таш А. 217
Новые данные к истории этнонима «хазар»
Róna-Tas A.
The new data on the Origin of the Ethnonym «Khazar»

Сюч Е. 231
Очерк древней истории венгров (фрагмент)
Szücs J.
Essay of an Ancient History of the Hungarians

Шандор К. 272
Некоторые графо-тактические расшифровки секейской и восточно-тюркской рунической письменностей
Sándor K.
Some Graphotactical deciphering of Szekely and Eastern Turkic Runic Scripts

Васильев Д.Д., Зайцев И.В. 282
Новое венгерское периодическое издание по истории (Chronica. Annual of the Institute of History. – University of Szeged. 2001 – Vol. 1.)
Vassiliev D.D., Zaitsev I.V.
New Hungarian Periodical on History Studies (Chronica. Annual of the Institute of History. University of Szeged. 2001. Vol. 1.)

Список сокращений 286

HUNGARO-ROSSICA:
История и культура евразийской степи
Сборник статей
российских и венгерских востоковедов
к III Всероссийскому съезду востоковедов

В данном выпуске «Бюллетеня» Общества востоковедов при Российской Академии наук начинается публикация материалов, подготовленных совместно с национальными обществами и ассоциациями востоковедов зарубежных стран. Эта серия изданий предпринята нами в связи с комплексом мероприятий, посвященных проведению международного конгресса востоковедов, который состоится в 2004 г. в Москве.

Востоковедение Венгрии имеет давние традиции и представлено в настоящее время группами и подразделениями, входящими в состав Венгерской Академии наук, преподавателями и научными сотрудниками университетов Будапешта, Сегеда, Дебрецена, Печа и сотрудниками многих венгерских музеев. Кроме этих официальных центров, в Венгрии долгие годы действует добровольное объединение востоковедов – Научное общество имени выдающегося путешественника и исследователя Кереши Чома. Общество имеет свое периодическое издание – журнал «Келеткутоташ».

Традиционно в венгерском востоковедении одно из центральных мест занимают исследования по истории кочевых народов Евразии, тюркология, монголоведение, османистика. Именно эти востоковедческие отрасли и представлены в настоящем сборнике. Редколлегия располагает также и предложенными венгерской стороной материалами: по индологии, китаеведению, буддологии и духовной культуре народов Востока. Эти материалы также найдут свое место в дальнейших публикациях.

В силу ряда обстоятельств, не зависящих от издателей, отдельные места в статьях венгерских коллег, опубликованных в настоящем выпуске «Бюллетеня», было решено оставить в авторской редакции. Имеются в виду написания имен собственных, топонимов, некоторых стилистических оборотов, связанных с индивидуальным пониманием предмета исследования, а также оформление библиографических описаний в списках литературы и сносках.

Обращаем внимание членов Общества востоковедов при РАН, что следующие выпуски этой серии «Бюллетеня» будут подготовлены совместно с востоковедами Польши, Турции, Болгарии, стран-членов СНГ из Закавказья и Центральной Азии. Мы будем также рады оказать содействие аналогичным предложенным вами проектам и опубликовать сборники статей, составленные совместно с востоковедами других стран.

А. Берта

Новые взгляды относительно венгерских племенных названий тюркского происхождения

Общеизвестно, что достоверные исторические источники повествуют о том, что венгры, обретшие родину, жили в рамках племенных союзов, были разделены на племена. Исследователи, интересующиеся вопросами древней истории, однако, хорошо знают и то, что до сих пор еще не выяснены основные вопросы относительно венгерского племенного союза, не говоря уже о подробностях этой проблемы.

Мы не знаем, когда возник венгерский племенной союз, где сформировались рамки племенного союза, какие внешние и внутренние факторы создали союз венгерских племен: являлся ли этот союз единовременной и кратковременной организацией или, наоборот, формирование рамок племенного союза стало результатом продолжительного исторического процесса, состоявшего из нескольких периодов.

Предположения на этот счет, однако, имеются. Одни венгерские исследователи относят формирование союза племен к периоду, предшествующему эпохе обретения родины венграми, но встречаются и такие отечественные историки древней эпохи, которые относят возникновение союза непосредственно к этой эпохе. Представители последней точки зрения полагают, что формирование союза племен может быть результатом лишь продолжительного процесса.

Существуют, однако, и точки соприкосновения, даже среди крайних взглядов. Ведь исследователи не сомневаются в том, что едва ли можно дать правильные ответы на вопросы, касающиеся союза венгерских племен, без исследования вопроса об их названиях. Таким образом, нет такого обзора древней истории венгров, который не затронул бы вопроса названий племен.

Первые попытки истолкования названий венгерских племен появились уже в XVIII в., но они не поднялись выше уровня наивных дилетантских попыток. Решающий поворот в истории исследования названий венгерских племен принес 1930-й год. В это время появилась работа Дьюлы Немета (Gyula Németh)"Формирование венгров, обретших родину", которая и ныне оказывает большое влияние на исследователей и имеет решающее значение по вопросам названий племен. Д. Немет был первым, кто предложил научное объяснение названий венгерских племен, и до сих пор его трактовку мы можем считать наиболее всеобъемлющей попыткой в этой области.

Хотя уже с самого начала исследования в специальной литературе наблюдались некоторые неопределенности и даже сомнения относительно некоторых этимологических объяснений Д. Немета, его выводы всё же были распространены, а исследователи древней венгерской истории в целом приняли его этимологические решения и стали строить свои концепции на его материале.

Согласно этимологиям Д. Немета, среди восьми названий венгерских племен, *-Nyék* - финно-угорского происхождения; *Megyer* - с угорским корнем, но в венгерском языке тюркского происхождения, а остальные шесть имеют тюркское происхождение. Среди них происхождение трех названий - *Gyarmat, Jenő* и *Keszi* - ведет к болгаро-тюркской языковой ветви; о трех других названиях *-Kürt, Kér* и *Tarján* Д. Немет предполагал, что они могут происходить и из общетюркского языкового субстрата.

Взгляды Д. Немета в такой мере "вписались" в специальную литературу по древней венгерской истории, что они не только не поколебали свои твердые позиции кое-где проявляющимся скепсисом, но этого не могли сделать и контраргументы некоторых критически настроенных авторов; более того, это не удалось и самому Д. Немету, который в 1975 г. в последней своей статье среди прежних своих объяснений аннулирует этимологию *Megyer, Gyarmat* и *Kér*. Прошло 13 лет, но еще и в 1989 году мы могли прочитать такую «Древнюю венгерскую историю», автор которой повторяет взгляды Д. Немета 1930 года.

Более критические авторы, конечно, уже и раньше хорошо видели, что этимологии Д. Немета имеют и слабые места. Наиболее компетентным и обладающим должной эрудицией критиком Д. Немета является Лайош Лигети (Lajos Ligeti). В своем последнем большом обобщающем труде, в 1986 г., собственную точку зрения относительно названий венгерских племен он подытожил следующим образом: "Я полагаю, не созрели предпосылки приемлемого объяснения названий венгерских племен...". Точка зрения Л. Лигети, кажется, чем-то большим, чем обычной его осторожностью, это чрезвычайно скептическое мнение. Во всяком случае, создавшееся положение хорошо характеризуется этим высказыванием Л. Лигети: с 1930 г. не появилось лучшего этимологического объяснения, чем у Д. Немета; мало того, и сам Д. Немет отвергает некоторые свои ранние взгляды. Исследования зашли в тупик.

За прошедшее время, когда моя работа сформировалась таким образом, что я мог заниматься, в первую очередь, вопросами названий венгерских племен и связанными с ними вопросами древне-венгерской истории, констатируя подобное положение, я стремился взвесить возможные шансы дальнейшего продвижения в решении проблемы, продумать его возможности. В результате этого, я полагаю, что не могу присоединиться к только что цитированному здесь негативному мнению Л. Лигети. Я не считаю, что невозможно разгадать назва-

ния наших племен, и полагаю, что некоторым образом удалось продвинуться в проблеме их объяснения. Именно об этом мне и хотелось бы сообщить ниже.

Относительно названий племен венгров, обретших родину, мы имеем два основных источника. Первый - сочинение византийского императора Константина Багрянородного "Управление империей", а второй - материалы венгерских топонимов.

О произведении императора, написанном ок. 952 г., его источниках, о венгерских информаторах императора, посетивших Византию - о *Bulcsú* и *Termacsu*; о возможных филологических проблемах названий венгерских племен, которые в греческом тексте имели окончание родительного падежа и связанных с ними вопросами имеется литература в объеме небольшой библиотеки. Исследователи, в основном, единодушны в том, что считают достоверным список названий имен, сообщенных императором, и полагают, что встречающиеся там формы отражают тогдашнее древне-венгерское произношение. Звучали они следующим образом: *Nyeki, Megyeri, Kürtügyermatu, Tarjan/u/, Jeney, Keri, Keszi.*

Второй источник к названиям венгерских племен - топонимы, разбросанные по территории исторической Венгрии. Мы давно знаем, что каждое название племени в списке императора можно найти и в качестве топонима; более того, они очень часты! Одно тогдашнее название племени может отражать 20-30, а иногда и 40-50 топонимов. Нетрудно современные венгерские топонимы *Nyék, Megyer, Kürt, Gyarmat, Tarján, Jenő, Kér* и *Keszi* отождествить с тогдашними древневенгерскими звуковыми оболочками названий, отмеченных у императора.

Несмотря на пламенный спор среди историков относительно возникновения этих топонимов, вне сомнений остаётся то, что часть встречающихся топонимов непременно происходит из названий племени. Таким образом, исторические дан-

ные дают важную опору и для объяснения этимологии названий племен.

Приведу два коротких примера, чтобы показать, что два источника, т.е. византийский список названий племен X в. и материал, который дают топонимы, - обязательно следует исследовать вместе.

Первый такой пример - противоречие, объясненное разными способами. У императора перечислены семь названий племен (сейчас оставим вне внимания кабар, которые открывают этот список; о них мы знаем, что кабары отделились от хазар), но восемь венгерских топонимов сохраняют память о семи племенах. Византийский источник говорит о названии племени *Kürtügyermatu*, у нас же нет такого топонима, но есть *Kürt* и есть *Gyarmat*. Они, следовательно, в то время были самостоятельными племенами, потом с ними что-то произошло (об этом речь пойдет дальше) и у императора в качестве одного названия фигурируют два.

Второй пример относится к выяснению некоторых древне-венгерских звуковых оболочек. В списке императора гласный первого слога в названии племен *Keri* и *Keszi* пишется с α. В принципе, это может означать «á», «å», даже «o» и «e». Исторические данные топонимов *Kér* и *Keszi* делают однозначным то, что α византийского источника здесь в обоих случаях обозначает открытое e̲. Один известный тюрколог - не венгр, который, не зная материала венгерской топонимии, данные Константина *Keri* читал как *Karï*, а *Keszi* – как *Kasï* и, исходя из ошибочных прочтений, не мог прийти в правильным выводам. *Karï* он объяснил как «старый», а название племени *Kasï* объяснил как «загон».

Естественно, только лишь совместное использование двух источников может спасти от подобных заблуждений.

Исследователи пришли к единодушному мнению и в том, что из звуковых оболочек, отмеченных у императора Константина, могут быть хорошо понятны современные топонимические названия, то есть *Nyék* из *Nyeki*, *Megyer* из *Megyeri* и

т.д. -— это все такие фонетические изменения, которые не противоречат нашим знаниям. Единственным исключением здесь является название племени *Keszi*, но к нему мы вернемся позже.

Таким образом, многое выяснилось в отношении названий венгерских племен, но открытым остался один из наиболее важных вопросов: каким образом мы можем объяснить известные древне-венгерские формы? Более того, как мы видели, стало проблематичным — можем ли мы вообще истолковывать названия наших племен?

Сомнения понятны. Историческая ономастика чрезвычайно зыбкая сфера. В нашем распоряжении, правда, имеется более или менее краткая звуковая оболочка и в противовес именам нарицательным ее значение неизвестно. Вопрос упирается в то, какое значение, даже какие значения, мы можем найти для этой формы.

Я исходил из того, что невозможно определить название одного венгерского племени, другими словами, обречена на провал и бесперспективна любая попытка, если, отделяя одни названия племен от других, рассматривать их самостоятельно. Шанс для их расшифровки может быть только тогда, если мы попытаемся найти ту систему, которую образуют названия венгерских племен, предполагая, конечно, что такая система вообще имеется среди этих названий. То, что такая система существует, хорошо показывают названия печенежских племен, также отмеченные у императора Константина.

Названия печенежских племен в этом источнике с успехом расшифровал именно Д. Немет, и если несколько деталей так и остались туманными, то все же несомненно, что его решение правильно, поскольку именно сама систематичность названий печенежских племен подтверждает, что "разгадка" верна. Каждое название известных восьми печенежских племен состоит из двух членов. Первый его член у каждого названия - обозначение масти лошади, а второй член - название сана. Это

совершенно симметричная ясная система, где названия племен объясняют друг друга.

Вопрос, следовательно, таков: можем ли мы найти систему среди названий венгерских племен? Я полагаю, что да, если даже и не такую "правильную", как в случае названий печенежских племен.

Между прочим, исследуемые названия венгерских племен - как мы увидим позже - сами объясняют причины наблюдаемой асимметрии, и этим они повышают достоверность системы.

По нашим представлениям, среди названий восьми венгерских племен первые два элемента следует рассматривать отдельно. Названия племен *Nyék* и *Megyer* могут относиться к особой категории не только в силу их происхождения, но и по своему значению.

Значение *Nyék* «ограда» очень вероятно. Это чрезвычайно древнее слово, хотя я и не убежден в его угорском происхождении. Я поддерживаю (здесь нет места для детализации) - по весомым причинам - возможность того, чтобы форма *Nyék* заняла место в категории древних венгерских слов, то есть среди очень ранних наших тюркских заимствований, где мы можем учитывать и по сей день проблематичное соответствие *ń* древнего общетюркск. *y* - в начале слова.

Название второго венгерского племени *Megyeri* тоже отнесено к отдельной категории. *M* - в начале слова, если оно исконно, исключает возможность тюркского происхождения. Вероятно, это финно-угорское слово. Как видно, оно противостоит любым попыткам его "разгадать". Предложения, встречающиеся в специальной литературе, только гипотезы - не более. Новая попытка решения, предложенная Л. Лигети (1986 г.) также не продвинула данный вопрос к его разрешению. Как и прежде, неопределенность "окружает" нас в определении его этимологии.

Остальные шесть названий венгерских племен - *Kürt, Gyarmat, Tarján, Jenő, Kér* и *Keszi* я считаю тюркского проис-

хождения. В этом основном вопросе, следовательно, я присоединяюсь к точке зрения Д. Немета, хотя по четырем его этимологиям не могу с ним согласиться (это названия *Kürt, Gyarmat, Jenő* и *Kér*). По-иному объясняю и происхождение названия племени *Keszi*, несмотря на то, что относительно его значения не вижу причин отклоняться от решения Д. Немета.

Объяснение этимологии названий венгерских племен начнем с конца.

Исконное значение названия венгерского племени *Keszi* было «обломок», «кусок», «отрезок», как это установил Д. Немет. Он полагал, что это слово болгаро-тюркского происхождения и для названия венгерского племени реконструировал передающую форму **Kesey*. Исследователь обратил внимание на то, что между древне-венгерской формой **Keszi* византийского источника X в. и формами венгерских топонимов *Keszi, Kesző, Keszü* наблюдается противоречие, так как для древне-венгерского **Keszi* в современном венгерском языке ожидается соответствие **Kesz*. В целях разрешения противоречия Д. Немет искал ответ в венгерском языке. Я не могу следовать его объяснению и считаю, что Паис Децо (Pais Dezső) и Лайош Лигети пошли по верному пути, когда не исключили возможности того, что в венгерский язык могли попасть две разные передающие формы.

Я полагаю, что источником названия древнего венгерского племени **Keszi* было тюркское слово Kes со значением 'обломок', в то время как формы *Keszi, Kesző, Keszü*, отражающиеся теперь лишь в названиях венгерских топонимов, имеют происхождение от тюркского слова *Kesek* со значением 'маленький обломок'. Звуковая оболочка последнего слова (*Kesek*) является производным (*kes* с суффиксальным образованием *-ek*).

Мы отклоняем объяснения этимологии Д. Немета не только в отношении предположения двух разных передающих форм, но и в том, что форму *Kesek* считаю не глагольным образованием - ведь Д. Немет исходил из глагола *kes-* со значе-

нием «резать» - а именным образованием. Кроме того, мы не видим причин считать название венгерского племени болгаро-тюркским по происхождению. Однако, справедливо и то, что мы не можем исключить возможности болгаро-тюркского происхождения названия племени, поскольку наше слово не имеет общетюркского критерия.

Относительно названия венгерского племени *Kér* Д. Немет в 1930 г. считал, что оно имеет значение «колосс», «великан». Позднее он отошел от этого объяснения. Мы уже упоминали об ошибочной концепции Менгеса и отметили, что была и недоказуемая попытка, которая название венгерского племени соотносила со старым венгерским словом *kér* со значением «кора».

Я считаю, что название племени *Kér* можно расшифровать из тюркского. Его источником могла быть тюркская передающая форма **Kerü/Keri*, а исконное значение было «задний, конечный, последний».

Тюркское слово - по своему происхождению - производное. Его основа - словесная форма **ke* со значением «часть, расположенная сзади; место, расположенное сзади», к реконструкции которой у нас имеется твердая основа, так как различные древние производные от корня **ke* хорошо проявляются в тюркских языках.

-rü/ri - по своему происхождению - окончание обстоятельства, обозначающего направление. Формы *kerü/keri* и их дериваты во многих современных тюркских языках известны в значении обстоятельства направления, как правило, со значением «позади, обратно, назад». В то же время в тюркских языках (так было уже и в древнетюркском) частым явлением было субстантивирование наречий. Это наблюдаем и в случае *kerü/keri* . В качестве примера упомянем значения османск. geri (правильное производное на месте *keri/keru*): «позади, сзади; остаться сзади, позади; задняя часть; спинной; место, находящееся сзади; (у птиц) хвостовой; тыл; тыловой» и т.д.

Что касается фонетической стороны этимологии, следует упомянуть одно единственное обстоятельство: гласный первого слога тюркского слова исконно, несомненно, был закрытый *e̲*, однако, в древне-венгерской звуковой оболочке - как свидетельствует α византийского источника - находился открытый звук *e̲*. Если этот древне-венгерский открытый *e̲* был не диалектным вариантом, то необходимо предполагать, что в тюркской передающей форме был не этимологически закрытый *e̲*, а открытый *e̲*. Это - гипотеза, но такая гипотеза, которая не встречает никаких трудностей с этимологической точки зрения, ведь по истории тюркских языков нам известны подобные многочисленные случаи, более того, тюркские заимствования в венгерском языке ясно показывают, что древняя тюркская оппозиция между открытым и закрытым *e̲* нарушилась в очень ранний период.

Более того, мы считаем, что в данном случае мы можем не только предполагать, но и доказать, что на месте закрытого *e̲* в тюркском было и открытое *e̲*. Детализация этого вопроса могла бы завести очень далеко, поэтому в данной статье придется от нее отказаться.

Объяснение этимологии названия венгерского племени Jenő, данное Д. Неметом, широко признано в специальной литературе. Даже Л. Лигети поддержал расшифровку Д. Немета. Согласно этому объяснению, название племени Jenő происходит из болгаро-тюркского слова **Yeney/*Yiney/*Iney* со значением «доверенный, советник, министр». В реконструированных болгаро-тюркских формах *y* - вторичный, протеичный звук; предположением является и гармония гласных с высоким тоном. В общетюркском можем показать одну подтвержденную форму - *ïnaq*. Иными словами, объяснение этимологии Д. Немета - минимум трех-, а скорее, четырех-звездная реконструкция, которая хотя и имеет право на существование, но которая крайне неустойчива, потому что достаточно поколебаться одному члену предполагаемой реконструкционной цепи, как вся конструкция рухнет.

Я полагаю, что этимологию названия венгерского племени Jenő можно объяснить значительно проще. В качестве передающей формы я исхожу из тюркской формы **Yenek*, значение которой могло быть «сторона» или же «лицо». Альтернативность исконного значения **Yenek* вытекает из того, что передающая форма в равной мере может быть объяснена из древней формы **Yanak* или столь же древней **Yaŋak*. Следовательно, исходя из любой из этих форм (*Yanaq* или формы *Yaŋak*) в конечном счете, я подразумеваю производное очень хорошо известного древнетюркского слова *yan* со значением «сторона». У слова yan есть производное *yanaq*, где *-aq* — является уменьшительным суффиксом. А слово *yaŋaq* - деноминальное суффиксальное производное от того же слова – *yan+gaq*". Значение *yanaq* — «сторона», а слова *yaŋaq* - исконно было «лицо, две стороны лица», то есть «то, что находится по сторонам».

Создается видимость того, что уже в ранний период мы можем наблюдать хорошо прослеживаемое смешение в общетюркском языке слова *yan* и его производных, а также тоже хорошо известного тюркского слова *eŋ* и его производных. Значение слова *eŋ* исконно было «лицо, щека, две стороны лица», а потом отсюда – «дверной косяк». К последнему изменению значения хорошую аналогию предоставляет английское слово cheek («лицо»), форма множественного числа которого («cheeks») означает «дверной косяк». Тюркское слово *eŋ* также имеет производное *eŋek* (*eŋ* + *gek*), точно так же, как у слова *yan* суффиксальная форма на *gaq*. Слово *eŋek* имеет значение «подбородок, челюсть». Поэтому не стоит удивляться тому, что доказуемые значения слова *eŋek* следующие: «подбородок, челюсть», «лицо, две стороны лица», «сторона», «дверной косяк, два косяка двери». Из современных лингвистических данных также можно сделать определенные выводы, но они далеко завели бы наш анализ.(В скобках заметим лишь, что возможное соответствие форм *yan* и *eŋ* на древней ступени не исключено.)

С точки зрения предложенной этимологии названия венгерского племени Jenő достаточно удовлетвориться обозначением не требующих реконструкции форм *yanaq* и *ya aq*.

С точки зрения предложенной этимологии нужно дать ответ на вопрос: есть ли у нас возможность исходить из передающей формы **Yenek*? Мы полагаем, что на данный вопрос можем дать решительный положительный ответ, и это предположение никоим образом нельзя назвать поспешным; более того, исходя либо из формы *Yanaq*, либо из формы *Yaŋaq*, принятие формы **Yenek* можно считать правильным.

Изменение *a e* — хорошо известное явление в тюркском языке, к тому же в таком случае, в каком находится наше слово. Причина изменения — звук *y*. Мы уже давно знаем, что это изменение можно считать системным в некоторых кипчакских языках. Знаем также, что явление известно и в исторических кипчакских языках, в том числе в половецком и печенежском. На изменение печенежского *ya > ye* хороший пример находим в отрывке, повествующем о печенегах, все в том же труде императора Константина, перечисляющем и названия венгерских племен. В ней император дает печенежское название реки Урал в форме *Γειχ - *Yeyig / *Yeyix*. Тюркское название реки – *Yayiq*, однако, император гласный первого слога обозначает как ε. Несомненно, в печенежском было изменение *ya > ye*. Кстати, и в болгаро-тюркской языковой ветви найдем пример на кондициональное изменение *a > e*. Слово *J, ̌abγu* в венгерский язык попадает не с *a* в первом слоге, а с *e*: **J, ̌ewü*, **J, ̌ewi*. Всё это значит, что у нас имеются очень ранние примеры изменения *a>e*.

Что касается вопроса - в положении середины слова, в том случае, если отправной точкой была форма *yaŋaq*, а не форма *yanaq*, - здесь мы также не сталкиваемся с трудностями. Раннее существование изменения *ŋ>n* мы можем показать опять-таки из печенежского языка. Более того, чтобы аналогия была более совершенной и явной, показать из такого слова,

которое относится к печенежским заимствованиям венгерского языка. Это *Tonuzoba*, которое отражает печенежскую форму *Tonuz-ata*. Его первый член – слово *tonuz* со значением «свинья», которому в общетюркском языке соответствует более исконная форма *toŋuz*.

Я полагаю, что, несмотря на заманчивые печенежские параллели, не обязательно следует предполагать печенежское заимствование относительно названия венгерского племени *Jenő*. Пока мы можем лишь сказать, что название нашего племени могло происходить из языка печенежского типа, и оно включает в себя критерии общетюркского языка.

Как мы видели, название венгерского племени Gyarmat византийский источник X в. упоминает вместе с названием племени *Kürt*, - в объединенной форме *Kürtügyermatu*. Данные венгерских топонимов наглядно показывают, что здесь речь идет о двух племенах, которые по каким-то причинам объединились или оказались близкими друг другу. Вопрос этот с давних пор является спорным: было предпринято много попыток разрешить его. Я считаю, что и на этот вопрос мы можем получить ответ от названий венгерских племен, но сначала посмотрим значение названия двух, в ту пору самостоятельных, племен.

Название племени *Gyarmat* в специальной литературе характеризуется неизвестным происхождением, хотя на это обстоятельство обратили внимание не все наши историки этого периода. Поэтому - то здесь, то там - всплывает старое объяснение Немета, согласно которому значение названия венгерского племени «неустанный». (В скобках заметим, что, насколько мне известно, даже Иштван Мандок Конгур [Mandoky Kongur Istvan] еще не отступил от недоказанной идеи, по которой название венгерского племени *Gyarmat* связано с этнонимом "сармат".)

Лайош Лигети многократно обращался к названию *Gyarmat* и считал очень вероятным его тюркское происхождение. Идею Д. Немета о происхождении этого названия Лигети

с самого начала считал ошибочной. В своем последнем фундаментальном труде 1986 г. он, в качестве идеи, ждущей подтверждения, упоминает, что название племени Gyarmat можно объяснить из какой-либо болгаро-тюркской глагольной формы *j, ˇar - общетюркского yar - «колоть».

Д. Немет и Л. Лигети не случайно искали этимологию Gyarmat в тюркском языке. Это название венгерского племени также тюркского происхождения, и из близко сходной формы я попытаюсь его расшифровать, как это и предполагали упомянутые ученые.

Древне-венгерская форма *Gyarmatu названия племени Gyarmat восходит к древне-венгерской форме со звуковой оболочкой *Dzarimati. Эта древняя венгерская форма происходит из языка чувашского типа. Ее источником была форма *J, ˇ arïmatï < *J, ˇarïmartï со значением «за спиной, (находящийся) позади». Предложенная этимология не сталкивается ни с фонетическими, ни с морфологическими, ни с семантическими трудностями. Из предполагаемой древне-венгерской звуковой оболочки, согласно правилам, логично вытекает старовенгерское слово. С тюркской стороны также нет особенных препятствий. Тюркская передаточная форма *J, ˇarïmatï обладает явными разговорными языковыми критериями. J, ˇ в начале слова, отсутствие r перед -t- и -m- — всё это вместе делает несомненным, что это название венгерского племени происходит из болгаро-тюркской языковой ветви.

Тюркская форма *J, ˇarïmartï - сложное слово. Первый его член - J, ˇarïm, у которого в общетюркском было соответствие yarïn. Исконное значение слова yarïn «лопатка». Слово имеется и в чувашском в форме śurăm со значением «спина», Форма śurăm совершенная, во всех отношениях ожидаемое соответствие на месте болгаро-тюркского *j, ˇarïm.

Второй член сложного слова - art. Его значение исконно «затылок», а затем отсюда «задняя часть чего-либо; за чем-

либо». Окончание слова - *ï* в морфологическом отношении - притяжательный суффикс 3-его лица.

Следовательно, словосложение **J, ̆arïmartï* - во всех отношениях правильная конструкция. Изменение *arti* > *ati*, то есть исчезновение *-r-* перед *t* — частое явление, и хотя само по себе не может считаться "чувашским" критерием, хорошо известно в чувашском языке. Ср., напр., чувашск. *vit* – «закрывать», *vitĕ* - «крышка», общетюркск. . *ört-*; чувашск. *хăтăл*, *хӧтӧл* «спастись», общетюркск. *kurtul*; и особенно важно чувашское слово *ïtă* со значением «нечетное число», которое имеет в общетюркском соответствие *art*, *artï*. Исчезновение *r* - перед *-t-* — не новое явление в чувашском: в волжско-болгарских надписях на месте слова *erti* «был» стоит *eti* «есть», и даже *eči*, то есть время исчезновения *r-* нужно отнести ко времени перед процессом **ti* > *či*. Исчезновение r известно также и в дунайско-болгарском языке.

Старо-венгерская звуковая оболочка названия венгерского племени *Kürt*, предположительно, была **Kürtï*, хотя исторические данные некоторых венгерских топонимов, происходящих из названия племени, открывают возможность наличия в ту пору долгого гласного в первом слоге (см. *Kuurth*, *Kyürth*, *Kyurth*).Однако, верно и то, что эти последние письменные формы известны в XIII-XIV вв., а мы как раз встречаемся с написанием слова через -u- в материале более раннего периода, XII в.

У данного названия племени в специальной литературе нет устойчивой этимологии, но и в этом случае объяснение Д. Немета считается наиболее распространенным. По его мнению, исконное значение *Kürt* – «подснежник, снежная лавина, снежные заносы». Д. Немет поддерживал это объяснение, главным образом, в силу семантических причин. Он считал: название племени *kürt* хорошо вписывается в группу названий тюркских народов и народностей, которые восходят к какому-то слову со значением «снежная масса, ледяная глыба».

Название венгерского племени я также попытаюсь объяснить из тюркского, а именно из болгаро-тюркского языка. Я полагаю, что источником *Kürt* была болгаро-тюркская форма **kögür* со значением «грудь», и с ней сочетался древневенгерский уменьшительный суффикс *-tü*. С тюркской точки зрения принятие *-*g*- в середине слова, единственный пункт, требующий обоснования. *-K*- в середине современного чувашского слова *kăkăr* «грудь» указывает на исконное **k*, и с этимологической точки зрения следовало бы ожидать **k*, поскольку тюркское слово со значением «грудь» является производным от глагола **kök* «сосать».

Вопрос, однако, не так прост. Современные огузские формы (см. османск. *göğüs – göğüz*, туркм. *гөвүс* – таг. *гўўс*) могут пониматься не благодаря **к* в середине слова, а благодаря **g*, мы не можем также сказать, что появление *-*g*- на месте этимологического *-к*- является вторичной инновацией, относящейся только к одной тюркской языковой ветви, так как в «Codex Cumanicus» находим формы *kögüs, kövüs*. *–G* - в половецкой форме правда, можем считать кипчакским результатом на месте раннего *-*k*-, но -*v*- в форме *kövüs* можно объяснить лишь из -**g*-. Следовательно, с полным правом мы можем сделать предположение относительно раннего тюркского диалектного колебания **köküz~*kögüz* и соответствие его в болгаро-тюркском языке **kökür~*kögür*.

Старо-венгерский звук *-*ü*- или *-*ū*-, венгерский звук *-ü*-, проявляющиеся на месте болгаро-тюркского *-*ögü*-, в фонетическом отношении хорошо объясняются спирантизацией звука *-g*-, а затем - сокращением двух слогов посредством долгого гласного. Отметим, что существует два древних тюркских заимствования в венгерском языке, в которых в ту пору звукосочетание *-*ögü*- было в тюркском языке. Это венгерские слова bölcs и bü. В первом слове, следовательно, на месте тюркского *-*ögü*- стоит *-ö*-, а во втором *-ü*-. В свою очередь, название племени *Kürt* показывает уже третью демонстрацию — звук *-ü*-

. Это не удивительно, если задуматься, что у нас имеется небольшое количество примеров, и наши заимствования относятся не обязательно к точно тому же хронологическому слою.

-T- в конце слова *Kürt*, которое является правильным следствием древне-венгерского и старо-венгерского **-tü*, я считаю уменьшительным суффиксом. Общеизвестно, что в древне-венгерском и старо-венгерском периоде употребление уменьшительных суффиксов было чрезвычайно частым явлением. Мы знаем также, что и в венгерских заимствованиях они проявляются очень часто. Аналогию представляют личные имена тюркского происхождения *Árpád* и *Gyeücsa*, в которых *-d* и *-csa* являются венгерскими уменьшительными суффиксами. Мы также видели, что в названиях венгерских племен *Kesző*, *Keszi* и *Jenő* имеется уменьшительный суффикс, правда, в этих формах уменьшительность проявляется уже с тюркской стороны.

Мы провели обзор названий венгерских племен. Относительно названия племени *Tarján* мне особенно нечего сказать. Это название племени, как уже более ста лет назад установил Ференц Саломон (Ferenc Salomon), а вслед за ним подтвердил Д. Немет, происходит из формы *tarxan*, тюркского титула *tarqan*. Исконное значение этого титула было (священный) «кузнец». К венграм *tarxan* попал в качестве обозначения еще очень высокого титула, который затем, к монгольской эпохе (как и вообще обозначения чинов), постепенно девальвировался. Само слово, между прочим, не тюркского происхождения, в специальной литературе оно считается вообще жуан-жуанским словом.

Названиям венгерского племенного союза, имеющим, по предложенной расшифровке, тюркское происхождение, мы можем дать следующие исконные значения: «маленькая грудь» - «за спину» — [племя] *tarxan* - «сторона (лицо)» - «последний» - «маленький обломок».

Какую закономерность мы здесь видим? К каким выводам мы можем прийти на основе раскрытых этимологий? Од-

ним словом, о чем повествуют нам названия венгерских племен?

Я ограничусь перечислением лишь наиболее существенных моментов:

1. Названия *Kürt*, *Gyarmat*, *Jenő* и *Kér* относятся к одной семантической группе. Эти названия указывают на место племени внутри племенного союза.

2. Название *Kürt* со значением «маленькая грудь» и название *Gyarmat* со значением «за спину», очевидно из одной временной эпохи. Оба названия несут в себе критерии чувашского типа, оба они - древние заимствования. Семантическое противопоставление данных названий проясняет, что одно название предполагает существование другого. Естественно также, что они имеют смысл, если между ними находится еще одно племя, предположительно племя - "Вождь", впереди которого «у груди» стоял *Kürt*, а «позади него» - *Gyarmat*, выполнявший функции оборонительного племени.

3. Если название *Jenő* совпало бы по возрасту с названиями *Kürt* и *Gyarmat*, оно едва ли имело общетюркское происхождение. Но название *Jenő* может в возрастном отношении соответствовать названию *Kér*, хотя последнее одновременно могло попасть в венгерский язык не только с формой *Jenő*, но и с названиями *Kürt* и *Gyarmat*. Это, однако, скорее лишь принципиальная возможность, намного вероятнее, что названия *Jenő* и *Kér* - "одногодки", как и пара *Kürt/Gyarmat*. Если может быть установлена такая параллель: *Kürt/Gyarmat* и *Jenő/Kér*, то становится также вероятным, что исконное значение названии *Jenő* было «лицо». *Jenő* и *Kér* также могли быть оборонительными племенами, *Jenő* стоял «у лица» или «со стороны» Главного племени (Вождя), а *Kér* - «позади него».

4. Список императора Константина после названия *Megyer* упоминает *Kürtügyermatu*, потом следуют названия племен *Tarjan, Jene, Keri*. Поскольку в начальной стадии формирования венгерского племенного союза племя *Megyer* (и естественно, *Nyék*) с большой долей вероятности был уже членом систе-

мы, можно предположить, что *Megyer* и было тем Главным племенем, которое окружали племена *Kürt* и *Gyarmat*. Место племени *Nyék* со значением «ограда» могло находиться у края или краев формирующегося племенного союза.

5.В более позднее время в племенном союзе появилось новое Главенствующее племя - *Tarjan*, а его оборонительными племенами стали *Jenő* и *Kér*.

6. Название *Keszi* со значением «маленький обломок» не случайно находился в конце списка императора. Это, предположительно, совсем новое название. Возможно, что ново не только его название: этническая группа вновь примкнула или присоединилось к племенному союзу.

7. Название, встречающееся в списке императора Константина в форме *Kürtügyermaty*, которое показывает объединение племен *Kürt* и *Gyarmat* (а точнее: соподчинение друг другу), могло возникнуть лишь после появления племени *Tarján* как главенствующего племени. Племя *Megyer* уже обладало большим правом привилегий оборонительного племени. Тогдашнее авангардное племя Kürt очутилось за племенем *Megyer*, рядом с *Gyarmat*. Таким образом, *Kürtügyermatu* превратилось в оборонительное племя *Tarján-a*. Оборонительными племенами племени *Tarján* были также *Jenő* и *Kér*. Такое истолкование ведет за собой, по крайней мере, такой вывод, согласно которому племя *Jenő* было фланговым оборонительным в этой системе.

8. Относительно венгерского племенного союза и его структуры на основе названий племен мы можем установить, что этот союз строился на военно-боевом распорядке.

9. Названия венгерских племен не могут быть самоназваниями. Такие названия, однако, могут происходить от тогдашнего Главенствующего племени и/или от внешней мощной силы, которая играла активную роль в формировании племенного союза.

10. Не каждое название племени обладает однозначно оцениваемым языковым критерием и такими приметами древ-

ности, которые могли бы дать информацию относительно установления времени заимствований. Но всё же выясняется, что формирование венгерского племенного союза, возникновение его организационных форм, о котором повествует византийский источник X в., можно представить как результат многовекового, состоящего из нескольких периодов исторического процесса, временами перемежавшегося с реорганизационными устремлениями. Для экзактного лингвистического подтверждения достаточны свидетельства названий венгерских племен.

11.Из названий венгерских племен следует также и то, что в ходе формирования венгерского племенного союза мы можем учитывать в первую очередь влияние болгаро-тюркского языка, и только потом - влияние общетюркского языка.

12.Не следует удивляться тому, что среди племен венгров, в большинстве своем говоривших на финно-угорском языке, почти у каждого имеется название тюркского происхождения. Мы не знаем, какой же этнос скрывается за тем или иным названием. Не знаем также, был ли еще какой-либо член у формирующегося племенного союза в начальный период наряду с уже, вероятно, существовавшими племенами *Nyék, Megyer, Kürt* и *Gyarmat*; и если был, то какое название он имел? Мы можем сказать лишь то, что в ранний период, скорее всего, не могло быть названий племени *Jenő* и *Keszi*, но, конечно, в это время под каким-то другим названием уже могло быть то племя, которое впоследствии получило название, напр., *Jenő*. С большой долей вероятности можно предполагать, что у нас есть такие племена, у которых древнее финно-угорское название сменилось затем названием тюркского происхождения.

Само собой разумеется, в задачу данной не входит оценка предполагаемых здесь этимологий. Однако, следует коснуться вопроса: каким образам можно доказать вышеназванные решения этимологии?

Дьюла Немет полагал, что для расшифровки названий венгерских племен необходимым и одновременно достаточным условием является семантическая классификация тюркских этнонимов. Проведя огромную работу, он в статье 1975 г. писал уже о том, что может предоставить более 60 семантических категорий - в качестве результата семантического исследования тюркских названий народов, племен, ветвей и родов. Всё это - с некоторым преувеличением - однако, означает, что вскоре трудно будет найти этноним с такой звуковой оболочкой, который нельзя было бы причислить к какой-либо (или к каким-либо) семантической группе. Этот способ свидетельствует о его несостоятельности.

Я считаю, что надежной и прочной станет не такая раздутая классификация, а внутренняя система. Если, следовательно, у нас есть список названий племен, где встречаются такие формы, чтение которых, скажем, «два», «синий», «молния» и «возчик», так как звуковые оболочки названий в списке соответствуют перечисленным звуковым оболочкам имен нарицательных, расшифровку еще нельзя назвать определенно результативной, даже и в том случае, если мы знаем, что имеются тюркские этнонимы, ведущие происхождение от имен числительных или названий цветов. Имеются также и такие, которые обозначают явление природы или средства передвижения. В противоположность этому расшифровку можно считать надежной, если названиям племен, фигурирующим в списке, мы можем обеспечить такие значения, как, напр., 'синий', 'желтый', 'красный', 'черный'. Это, конечно, пример довольно крайний. Мы не можем полагать, что исторически взаимодействующие друг с другом этнонимы могут быть классифицированы в одну семантическую группу. Мы знаем также, что в процессе истории племенные союзы подвергались многократным реорганизациям. Тем более, мы не можем надеяться на то, что системы племен формировались с учетом поздних ономастических исследований. Так, возможно, существует племенной союз, состоящий из племен, названия которых означают

«синий», «три» и «левый». Однако, для подтверждения такой гипотезы в настоящее время я не вижу пригодного методического принципа. В такой ситуации поможет то, если с помощью исторических данных мы подтвердим, что название племени со значением «синий» вышло из группы категорий обозначения цвета; значение «три» - из категории имени числительного, а этноним «левый» вышел из категории, обозначавший различные направления. С методической точки зрения, следовательно, я на первый план выдвигаю внутреннюю систему и полагаю, что названия венгерского племенного союза, имеющие тюркское происхождение, формируют хорошо толкуемую внутреннюю систему, и это решающим образом выступает за достоверность установленных выше этимологий.

Такой метод доказательства, когда доказуемый тезис можно подкрепить лишь предположением, также требующим доказательства, не считается удачным. И все-таки мы не можем пройти мимо без замечания, что в списке названий племен императора Константина порядок следования племенных названий подтверждает предложенные расшифровки.

Очень важен вопрос аналогий. В том случае, если предложенные этимологии верны, естественно, ожидается, что и внутри тюркских племенных союзов мы можем найти такие военные организации, какие видели внутри венгерского племенного союза: т.е. только что примкнувшая часть войск; племя, защищающее границы; оборонительные племена спереди, по флангам, сзади; и стоящее в центре Главное племя. Более того, можно ожидать, что технические термины тюркской военной организации, терминология военного распределения, названия единиц, относящихся к военному порядку, должны показать если не тождество, то, по крайней мере, аналогии с названиям венгерских племен, так как исконно эти этнонимы были военными терминами.

Здесь у нас нет возможности подробно говорить о тюркской военной организации. Сделав обзор, начиная с древней истории тюрков, с VI до XVII вв., истории военных орга-

низаций, подразделений армий и боевого порядка, можно было установить, что наиболее часто употребительным и применимым был так называемый тип "классической пятерки". Этот тип состоял из передовой защиты (авангарда), флангов, главных сил и тыловой защиты (арьергарда). Правда, внутри этого типа могли быть разнообразные варианты. Мы покажем только несколько характерных примеров военных организаций.

Древнетюркская система, по свидетельству древнетюркских надписей и китайских источников, кроме разведчиков состояла из следующих военных единиц: передовая защита - правое крыло - левое крыло. Вероятно, в системе были также главные военные силы, и тыловая защита.

Единицы караханидского боевого порядка (на основе словаря Махмуда Кашгарского и поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутудгу Билиг», оба произведения– XI в.) - это разведчики - передовая защита - правое крыло - левое крыло - разделенные главные силы - тыловая защита.

Один из любимых боевых порядков Тимура был таковым: обладающий авангардом правый фланг -главные силы - левый фланг - боковое прикрытие - тыловая защита - резервы.

Можно было бы продемонстрировать разнообразные типы боевого строя. По вопросу имеется обширная литература, хотя полагаем, что всеобъемлющих выводов исследователи еще не сделали.

На основе своих исследований мы пришли к заключению, что терминология, относящаяся к тюркскому боевому порядку, большей частью совпадает с той, что мы наблюдаем у названий венгерских племен. Мы, по крайней мере, находим внутри тюркского - в качестве терминов боевого строя - слова *art, yan, ked, keri* и можем показать дюжину аналогий. Некоторые из них упомянем (из них не исключим и термины, монгольского происхождения в тюркском; их пропорция столь многочисленна, потому что в монгольский период они "заняли место" ранних тюркских терминов). Таковы, следовательно:

alih	«лоб»	«авангард»
ma glay	то же	то же
qol	монг. «рука»	«крыло»
gar	то же (монг.-тюркск.)	то же
bogrek	«печень»	«боковое прикрытие»
yan	«сторона»	то же
art	«затылок»	«арьергард»
arqa	«спина»	то же
boy	«тело, корпус»	«главные силы»

У нас в распоряжении имеются много подобных явлений. Любопытно перечисление в «Кутудгу Билиг», согласно которому в войске есть следующие части: «передняя сторона», «задняя часть», «правый» и «левый» фланги, а у армии противника есть еще и «шея» (boyin). Мы знаем, что монгольское слово *gej, ǰige* со значением «вспомогательный отряд, арьергард» исконно имело значение «коса». Отличную семантическую параллель представляет славянский термин «тыл». Интересное изменение значения наблюдается в случае монгольского слова *qosigun* > *gosūn*. Его исконное значение было «клюв», потом отсюда «продвинутая вперед единица, отряд», а позднее - название одной из административных и должностных единиц.

Мы знаем, что и у венгерской армии есть "нос" (Бестерщский словарь); известно также, что Аноним дозорной части армии дает название *scumtey*, т.е. «глазок». В венгерском языке говорится о корпусе (теле) войска, лицевой линии фронта, крыльях. Можно привести аналогичные примеры и из других языков.

Следует еще выяснить вопрос: известны ли нам такие тюркские этнонимы, которые исконно были терминами, связанными с военным порядком? На этот вопрос мы можем дать положительный ответ. И здесь упомянем всего лишь несколько примеров. Мы знаем, что в тюркских каганатах различали

"внешние" и "внутренние" племена. Очень древнее разделение также «правый» - «левый». Это укоренилось уже во времена сюнну, известно оно и в Китае. Тюркские источники свидетельствуют об *iç* (внутренний) и *dış* (внешний) огузах; об *içku* (внутренний) и *taşqi* (внешний) племенах салор (*salur*).

Из статьи Сыдыкова мы знаем, что киргизы свою систему племен разделяют на три основные группы. Их названия - однозначные военные термины: *oŋ- sol-ičkilik*, т.е. – «правый фланг - левый фланг - главные военные силы». Более того, есть еще одна киргизская группа, название которой *arqa qïrgïzï*, то есть «задние киргизы». Правда, здесь только название дает аналогию, но само слово *arqa* это не военный термин. Собственно говоря, это означает, что они «остались позади» (ср. с этим *yataq* огузов у Ибн Фадлана); речь здесь идет о такой киргизской группе, которая во время крупных нападений на киргизов ойрат не была с основной массой, с киргизами, продвигавшихся к югу.

Между прочим, очень много схожих аналогий среди названий народов и народностей. Они также могут представлять для нас некий интерес; ср., напр., у чувашей *anatri* (находящийся снизу, нижний) и *viryal* «верхняя деревня», раннее *kayyenči* (верхний, задний) и *mal-yenči* (передняя, нижняя). Названия такого типа, как «нижний край деревни - верхний край деревни», можно встретить повсеместно. Таковы формы в марийском языке: *šengel mari* (задний мариец) и *oncil mari* (передний мариец). Другая категория этнонимов со значением «край, конец» - коми, украинец, пермяк, лопарь, якут и т.д.

Возвращаясь к проблеме военных терминов, отражающихся в этнонимах, можем упомянуть и многочисленные монгольские примеры. Наиболее известное название *dzungar*, которое в форме *Dzsungaria*, является и географическим названием. Исконное его значение было «левый фланг», происходит из монгольского военного термина *j, ̌egün gar*. Этноним *dahur* объясняют значением «последующий, следующий в боевом строю». Этноним *xalxa* имеет значение «щит». Исконное зна-

чение названия монгольского племени *Caqar*, *Caxar* могло быть «телохранители». Есть название тюркского племени - азербайдж. *tanqatar* с таким же значением. Среди названий племен у Бабура встречается *Tugči* прапорщик.

В заключение, в качестве выводов можно привести еще один аргумент в пользу нового предложенного объяснения этимологии названий венгерских племен. Я считаю, что названия венгерских племен не только подходят друг к другу, но являются также органической частью большей системы. Истолкование названий венгерских племен дало ключ к разрешению таких этнонимических проблем, которые до сих пор были удовлетворительно объяснены. История этих народов тесно переплетается с венгерскими племенами, с венгерским племенным союзом, с венграми, обретшими родину. Таково, например, название *szavarti*, которое до сих пор объясняли из этнонима "савир", таковы могут быть названия племен *Berény*, *Ladány*, *Ság*, названия "секей" и "кабар". Существует большая вероятность того, что здесь место и этнониму "башкир", сюда же следует отнести названия *ungar*, *hungarus*, использовавшиеся иностранцами для обозначения венгров. Последнее принято объяснять из этнонима "оногур".

Надеемся, что в ближайшем будущем мы сможем дать истолкование и этим названиям.

Литература

Ашмарин Н.И. Thesaurus linguae tschuvaschorum. I-XVII. Казань-Чебоксары, 1928-50.

Баскаков Н.А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980. С.199-207.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Этнонимы. М., 1970.

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке. XI-XVII вв. Л., 1970.

Турецко-русский словарь. Москва, 1977.
Bárczi G. Magyar hangtörténet (История венгерской фонетики). Bp., 1958.
Bartha K. A magyar szóképzés története (История венгерского словообразования). Bp., 1958.
Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I-IV. Wiesbaden, 1963-75.
Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
Grønbech K. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.
Gyóni M. A magyar nyelv görög feljegyzéses szórványemlékei (Памятники венгерского языка греческим письмом) // Magyar-görög tanulmányok (Венгеро-греческие исследования). Bp., 1943.
Györffy Gy. Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza (Историческая география Венгрии эпохи Арпадов). I, II-III. Bp., 1987.
Györffy Gy. Krónikáink és a magyar őstörténet (Венгерские хроники и древняя венгерская история). Bp., 1948.
Györffy Gy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről. A nemzetségtől a vármegyéig, a törzstől az országig. Kurszán és Kurszán vára (Статьи о происхождении венгерского государства. От родов до комитатов, от племени до страны. Курсан и крепость Курсана). Bp., 1959.
Heuser-Şevket Türkisch-deutsches Wörterbuch. Wiesbaden, 1953.
Jakubovich E. A tihanyi alapitólevél olvasásához (К чтению документа об основании Тиханьского монастыря) // MNy. 19, 1923. 78-87; MNy. 20, 1924. 9-21.
Kniezsa I. A magyar helyesírás a tatárjárásig (Венгерское правописание до татарского нашествия) // MNy. 24, 1928, 188-97, 257-65, 318-27.
Kniezsa I. Magyarország népei a XI-ik században (Народы Венгрии в XI веке). In: Szent István Emlékkönyv (Сборник статей, посвященных Святому Иштвану). II. Bp., 1938. P. 367-472.
Köprülü F. Proto-Bulgar hukukuna dair notlar // THITM 2, 1939, 1-6.
Kristó Gy. Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig (О племенном союзе Леведи до государства Святого Иштвана). Bp., 1980.
Kristó Gy., Makk F., Szegfü L. Adatok "korai" helyneveink ismeretéhez (Данные к истории «ранних» венгерских топонимов). I. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. XLIV. Szeged, 1973.

Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van (Тюркские связи венгерского языка и все, что их окружает). I-II. Budapest Oriental Reprints. Series Al-2. Bp., 1977-79.

Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. (Тюркские связи венгерского языка до приобретения родины и в эпоху Арпадов). Bp., 1986.

A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I-IV. (Историко-этимологический словарь венгерского языка). Bp., 1967-1984.

Mándoky Kongur I. Jenő és Yänäy // Keletkutatás (Восточные исследования), 1986. tavasz (весна), 70-74.

Mándoky Kongur I. Magyar eredetű törzsek a baskíroknál (Племена венгерского происхождения у башкир). Tiszatáj 30, 1976, 41-44.

Melich J. Adatok a magyar nyelv és helyesirás történetéhez /A ch ~ h jegy s a mai ó, ő-végű szavak írása (Данные к истории венгерского языка и правописания ch ~ h/ правописание современных слов с конечным ó, ő) // NyK. 34. 1904, 132-47.

Melich J. A honfoglaláskori Magyarország. A magyar nyelvtudomány kézikönyve 1, 6. (Венгрия в период обретения родины. Настольная книга венгерского языкознания). Bp., 1925-29.

Melich J. Névmagyarázatok (Объяснения имен) // MNy. 6, 1910, 241-47.

Melich J. Ó-magyar szóvégi -γ tót helynevekben (Древневенгерский γ в конце слова в словацких топонимах) // MNy. 24, 1928, 239-46.

Menges K.H. Etymological Notes on Some Päcänäg Names. // Bizantion 18, 1944-45, 256-80.

Mikos J. A fehérvári keresztesek 1193. évi oklevele mint magyar nyelvemlék (Грамота 1193 г. фехерварских крестоносцев как памятник венгерского языка) // MNy. 31, 1935, 152-67, 243-58, 288-309.

Moór E. Studien zur Früh- und Urgeschichte des ungarischen Volkes // Acta Ethnographica 2, 1951, 25-138.

Moravcsik Gy. Biborbanszületett Konstantin. A birodalom kormányzása (Константин Багрянородный. Об управлении империей). Bp., 1950.

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türkvölker in der byzantinischen Quellen. Berlin, 1983.

Nagy G. A magyar nemzetségek (Венгерские роды). I-II. Turul, 28, 1910, 18-32, 52-65.

Németh Gy. A baskír földi magyar őshazáról. Élet és Tudomány (О венгерской прародине в Башкирии). 1966, 596-99.

Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása (Формирование венгерской нации, обретшей родину). Bp., 1930.

Németh J. Kereit, Kerey, Giray // UAJb. 36, 1964, S.360-65.

Németh J. Magyar und Miser // Acta Orient. Hung. 25, 1972, 293-99.

Németh Gy. Szabirok és magyarok (Савиры и венгры) // MNy. 25, 1929, 81-88.

Németh J. Türkische und ungarische Ethnonyme // UAJb. 47, 1975, 154-60.

Németh J. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // ALingu. 16, 1966, 1-21.

Németh J. Der Volksname Karluk und seine semantische Gruppe // ALingu. 19, 1969, 13-18.

Pais D. Gyila, Julus // MNy. 31, 1935, 53-54.

Pais D. Konstantinos Καδη törzsneve (Название племени Καδη у Константина) // MNy. 26, 1930, 298-99

Pais D. Magyar Anonymus. Béla király jegyzőjének könyve a magyarok cselekedeteiről (Венгерский Аноним. Книга нотариуса короля Белы о подвигах венгров). Bp., 1926.

Radloff W. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. I-IV. SPb., 1893-1911.

Rásonyi N. L. A honfoglaló magyarsággal kapcsolatos török tulajdonnevekhez (Тюркские имена собственные, связанные с обретшими родину венграми) // MNy. 28, 1932, 100-105.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Róna-Tas A. Ethnogenese und Staatsgründung. Die türkische Komponente in der Ethnogenese des Ungarntums // Studien zur Ethnogenese. Bd. 2. Rheinisch-Westfalische Akademie der Wissenachaften. Westdeutscher Verlag, 1988. S.107-142.

Vámbéry A. A magyarok eredete. Ethnológiai tanulmány (Происхождение венгров: этнологическое исследование). Bp., 1882.

Д.Д. Васильев

Руноподобная надпись на костяной пластине из Калоча

Во время археологических раскопок в Центральной Венгрии в районе Калоча в конце XIX в. было обнаружено курганное погребение воина-кочевника, датированное по инвентарю и типу похоронного обряда, примерно, 895 г. В 1964 г. во время реставрационных работ обнаруженного в погребении инвентаря в Венгерском Национальном музее профессором Иштваном Диенешем на костяной обкладке саадака была обнаружена руноподобная надпись, которая была любезно предоставлена нам для исследования.[1] (Рис.1)

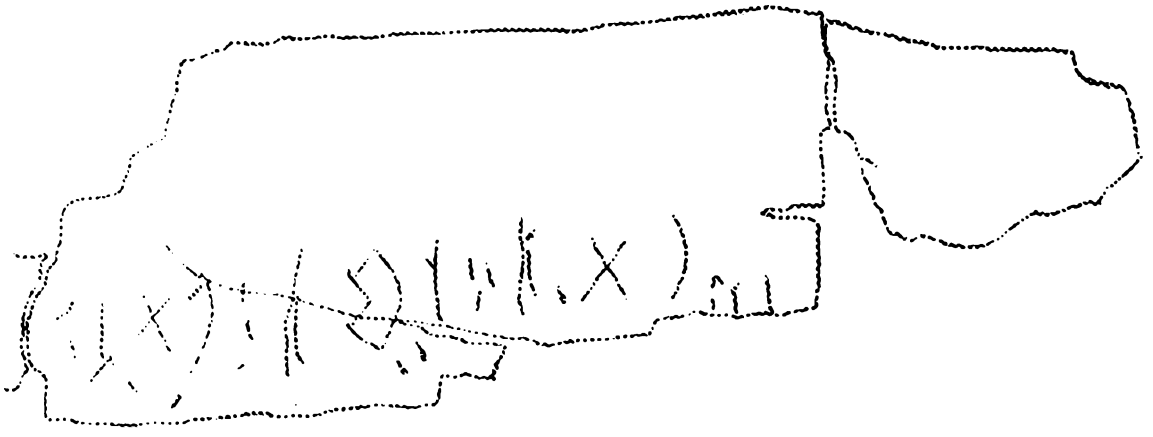

Рис. 1.

Надпись на фрагменте костяной пластинки, которая декорировала в качестве накладки саадак конного воина, погребеного в Калоче, представляет собой лишь часть текста и состоит из 12 руноподобных знаков и двух разделительных двоеточий. Выполнена надпись техникой тонкой гравировки не-

профессиональным резчиком и имеет отношение скорее не к моменту изготовления оружия, а к периоду его использования. Функционально надпись была, по-видимому, связана с обладателем оружия, который, как можно предположить, был носителем языка данного памятника письменности. Общий фонд памятников так называемой «руноподобной» письменности раннесредневековых кочевников Евразии, кроме этой находки содержит еще только два примера такого рода. Одна из них - надписи на двух костяных срединных накладках лука, обнаруженных в 1971 г. Б.Б. Овчинниковой в тюркском погребении на территории могильника Аймырлыг, близ поселка Чаа-Холь в Туве[2] (Рис.2); вторая – относительно большая надпись,

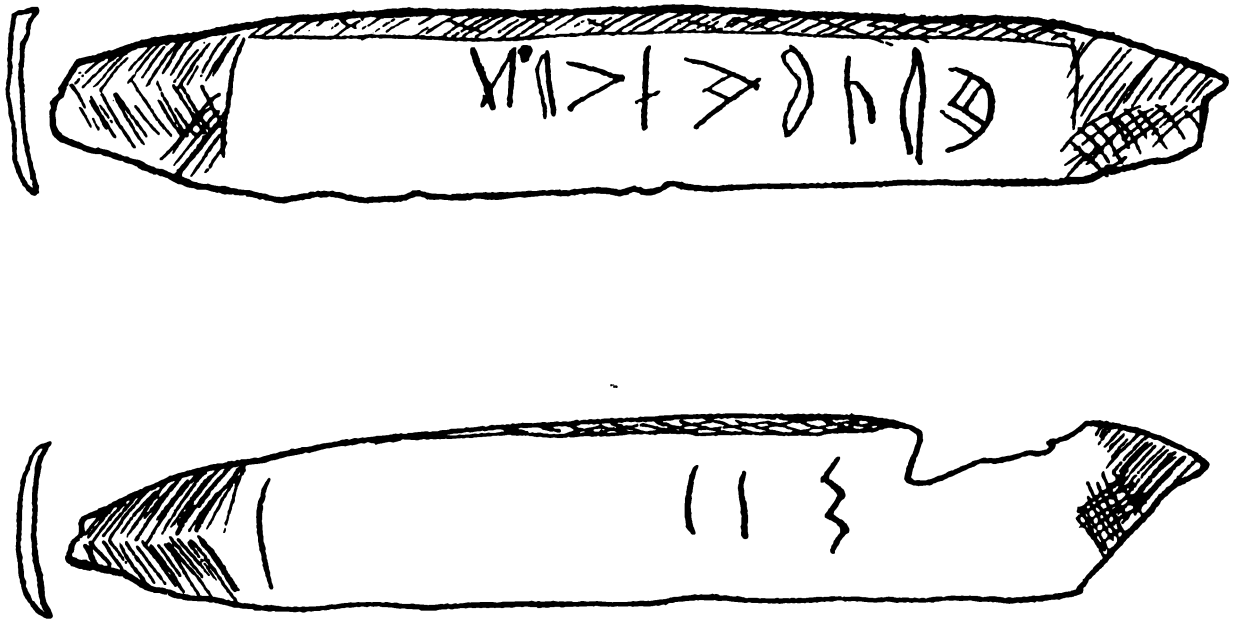

Рис. 2
Накладки лука из Тувы
(по Б.Б. Овчинниковой)

состоящая из 24 руноподобных знаков, найденная на обкладке лука хазарского (центральноазиатского) типа из курганного погребения на реке Маныч (приток Дона)[3] (Рис.3).

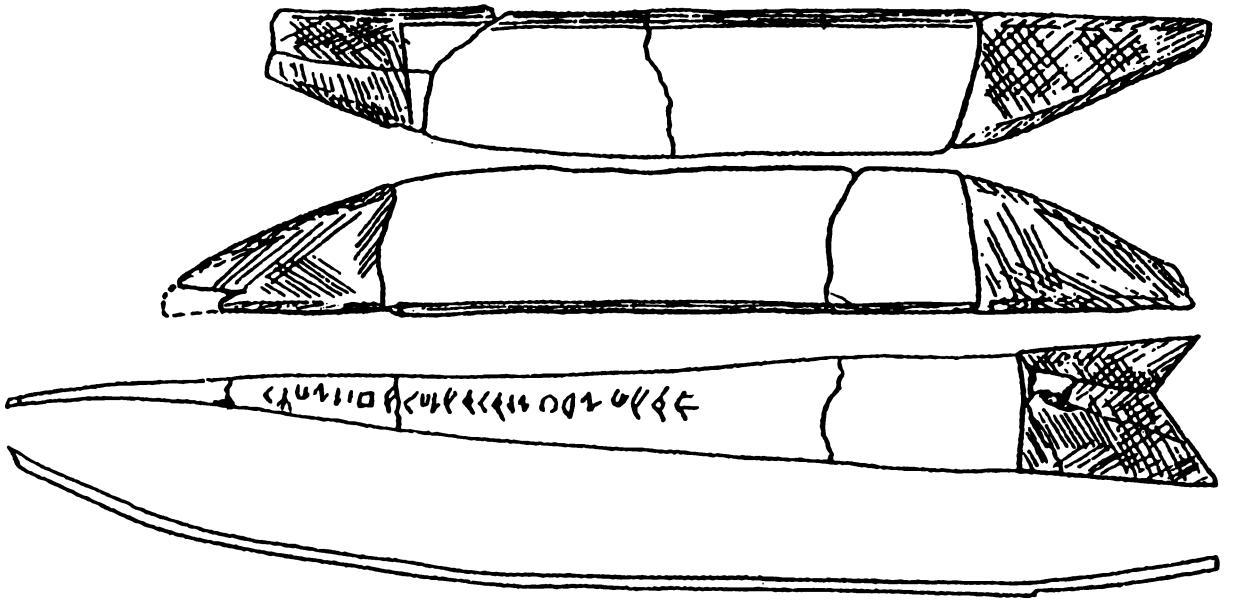

Рис.3

Обкладка лука хазарского типа

Оба комплекса датируются вполне определенно: лук из Аймырлыга - VII-VIII вв., хазарский - примерно серединой VIII в.[4] Следует отметить, что все три надписи, кроме функционального имеют некоторое сходство в репертуаре знаков, совпадения графических вариантов и их пространственной ориентации.

Несмотря на большую территориальную удаленность друг от друга пунктов находок надписей на снаряжении раннесредневековых лучников степной полосы Евразии, все они по своей графике могут быть отнесены к одной из разновидностей того типа тюркского руноподобного письма, который более известен как восточно-европейская руника (ВЕР).[5] Имеющие в своем репертуаре несколько этно-региональных графических вариантов руноподобные надписи восточно-европейского типа не имеют до настоящего времени достаточно убедительного прочтения и безусловной этно-исторической интерпретации. Хронологическая же атрибуция их колеблется у разных исследователей в широком диапазоне от VI до X вв.[6] Прочтение этих текстов затруднено тем, что фонетическое значение знаков ВЕР несопоставимо с центральноазиатскими (орхоно-енисейскими) древнетюркскими рунами (ЦАР).

Однако терминологическое определение «ВЕР» становится все менее корректным. Это связано с новыми находками в азиатской части ареала распространения руноподобных эпиграфических памятников, знаки которых соответствуют в большей степени не орхоно-енисейскому или семиреченскому региональным репертуарам, а графическому репертуару ВЕР. Хорошо известны первые азиатские находки такого типа - таласская палочка и маленькие каменные пряслица (грузила) из коллекции Минусинского музея, которые часто сопоставлялись в графическом отношении с восточно-европейскими руноподобными надписями.[7] Каждая новая находка сделала уже традиционным в публикациях построение таблицы, где фонетически не определенные, но имеющие значительные совпадения знаки различных и весьма удаленных друг от друга памятников ВЕР и таласской палочки помещаются в одном позиционном фонетическом ряду. Это естественно, поскольку каждому исследователю бросается в глаза идентичность значительной части знаков. Видимо, по той причине, что число графически совпадающих с ВЕР руноподобных надписей в Центральной Азии было весьма незначительно, поскольку были известны лишь надписи на мелких предметах, а также из-за того, что существовал очень протяженный среднеазиатский разрыв между Семиречьем и Северным Кавказом - крайними точками, где были зафиксированы образцы ВЕР, - исследователи избегали гипотез, объясняющих это сходство генетическим родством. Число известных сейчас в азиатском ареале руноподобных надписей, близких по своей графике к ВЕР, превысило уже два десятка. Особенно важно то, что появились новые пункты находок надписей этого типа - пункты, которые можно представить теперь в виде цепочки, показывающей ареал функционирования или путь того варианта (или, вернее, нескольких вариантов) руноподобной письменности, которая именовалась ВЕР. Находками, которые могут повлиять на новое развитие гипотез о путях распространения, ареале функционирования, а возможно и дешифровку можно считать новые находки в бассейне Енисея,

на Алтае - наскальные, в Приаралье - на керамике, в Кызылкумах - наскальные, в Поволжье - предметные[8] (Рис.4-7).

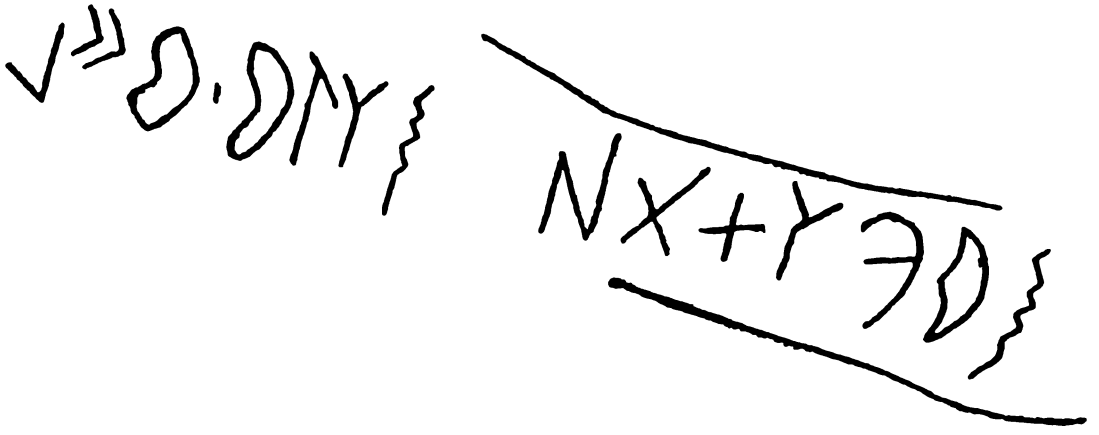

Рис. 4
Надпись из Тувы
(Ортаа Саргол – по М.А. Дэвлет)

Рис. 5
Наскальная надпись из Тувы,
р. Чинге

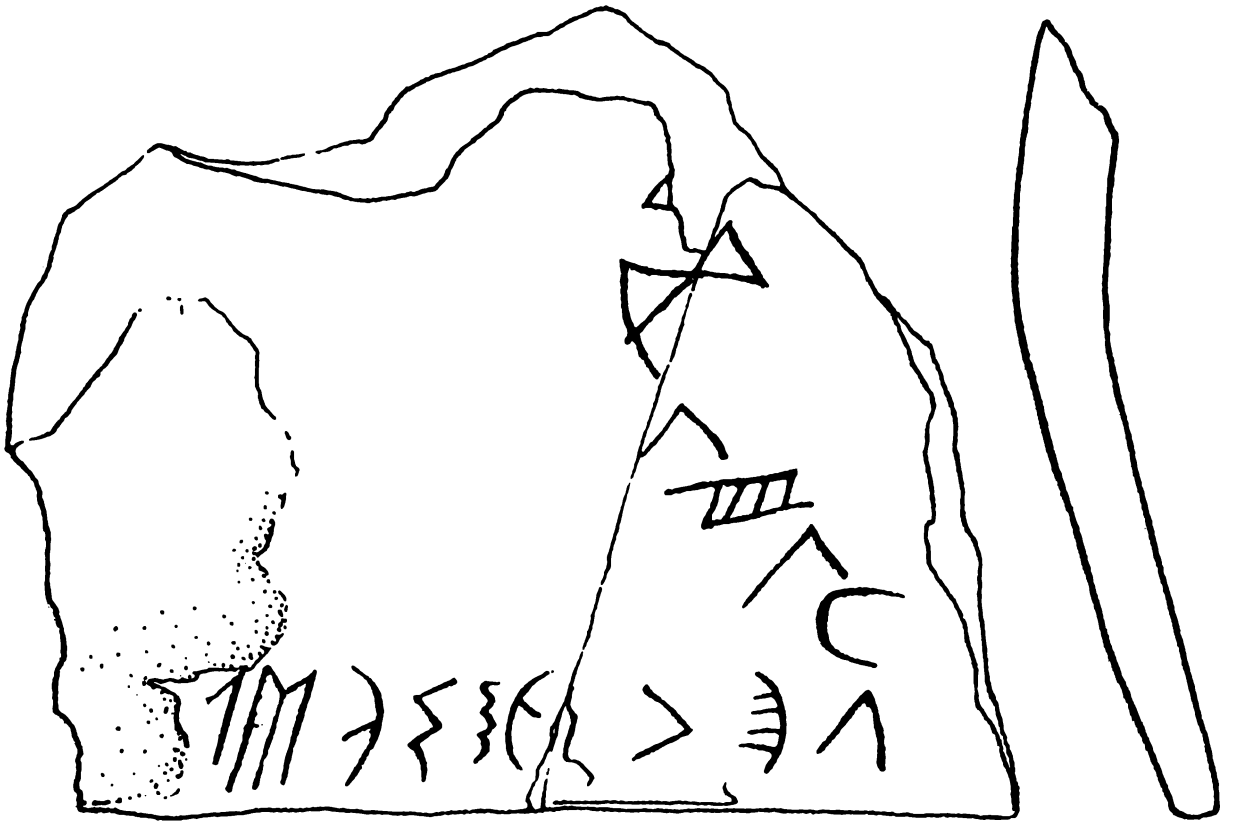

Рис. 6
Надпись из Восточного Приаралья
(по Л.М. Левиной)

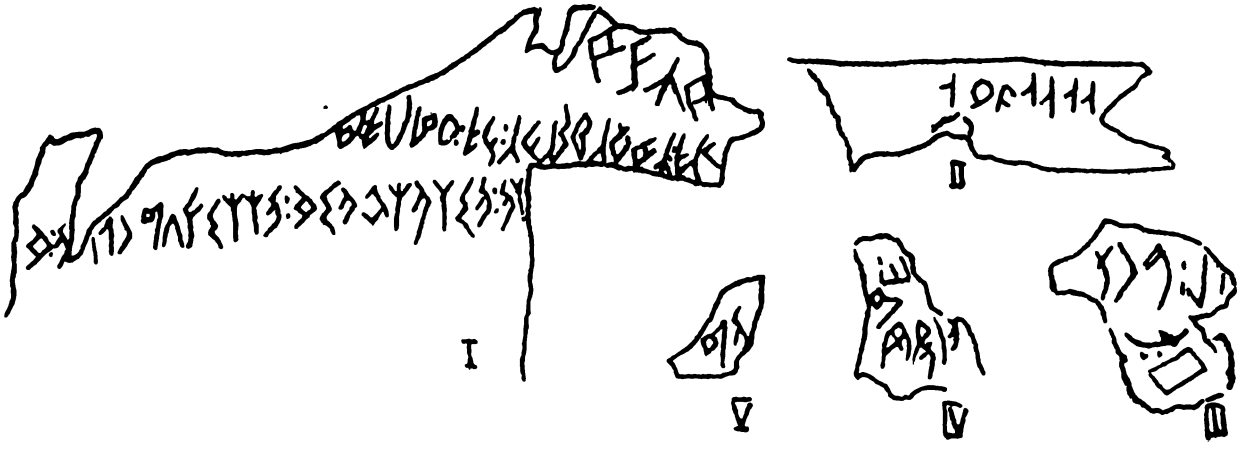

Рис. 7
Надпись на черепе быка из Поволжья
(по С. Кляшторному и И. Вашари)

Здесь цепочка соединяется с памятниками, которые традиционно составляли фонд BEP, вплоть до крайних западных - в Сарваше и Калоче.

Невозможность предложить в настоящее время надежное чтение данных руноподобных надписей акцентирует внимание исследователей на корреляциях их графики. Это подчеркивается и тем, что фонд ВЕР не единообразен, а имеет еще и внутреннюю вариативность. В исследованиях сложились уже определенные критерии сопоставлений графики ВЕР, к сожалению не учитывающие типологически близкие образцы из азиатского ареала. Основным аргументом для аналогий в таблицах сопоставлений являются, как правило, несколько наиболее характерных для ВЕР знаков. Следуя этой традиции, мы можем выделить в калочской надписи на снаряжении лучника знак , отсутствующий в орхоно-енисейских памятниках ЦАР.

Этот характерный знак встречается в надписях Надь-Сент-Миклошского клада, на камнях Хумаринского городища, на черепе быка из Поволжья, Сарвашской, в надписях на скале и обкладках лука из Западной Тувы. Палеографические особенности надписи из Калоча позволяют высказать предположение о близости ее к восточным модификациям руноподобного письма. Композиционные особенности и традиция нанесения надписей на костяные накладки снаряжения лучника также позволяют сопоставить ее с тюркскими аналогами. В наскальной надписи на Енисее знак с достаточным основанием может быть реконструирован как *m* в слове *elim* *«мое государство», «мой племенной союз»* и т.п., распространенном и характерном для енисейских рунических надписей. Хотя и не имеется достаточных оснований для того, чтобы предложить чтение Калочской надписи, используя для ее знаков фонетические соответствия ЦАР, все же хочу обратить внимание на следующее. Фрагмент с некоторыми допущениями мог бы быть прочитан как *qağanımqa «моему кагану»*, если бы он встретился в не очень нормированной, например, енисейской или алтайской, надписи ЦАР. Зеркальный поворот знака для *q* встречается во многих надписях Енисея, а то, что это, скорее, зеркальный поворот велярного варианта, а не палатальной t^2 , подтверждает соседняя [ğ],

которая невозможна в сочетании с палатальными. Ненормированное употребление 𐰴 вместо 𐰽 [n^l], которую следовало бы ожидать в слове *каган*, если бы оно было в нейтральной форме, можно объяснить, также ссылаясь на нередкую замену 𐰽 на 𐰴 в енисейских надписях в позициях контактных с аффиксами.

Высказанное предположение гипотетично, но гипотетичностью отличаются и вообще современные возможности дешифровки ВЕР.

Архаические тюркские системы письма в Центральной Азии реформируются в период государственного созидания Второго тюркского каганата. Этот процесс учитывает согдийскую письменно-графическую систему и традицию, которые были широко известны и использовались ранее в восточной части государства тюрков. Результатом этого процесса, претворявшегося в жизнь под контролем верховной власти, является создание более унифицированной, но также отражающей в графике и орфографии диалекты, орхоно-енисейско-семиреченской (на более позднем этапе – и восточно-туркестанской) руники. На западе, в европейской части тюркоязычного ареала процесс функционирования руноподобной архаики протекает иначе. Архаическая письменная система вместе с тюркскими протобулгарскими племенами во главе с союзом теле распространяется и в западном направлении до Поволжья, Подонья, где существует в виде нескольких, в разной степени усовершенствованных вариантов. Также с усилением государственности, но уже хазаро-болгарской, архаическая графическая основа получает новое развитие, которое у различных тюркских племен по-разному отражает традиции родовой символики и распространение грамотности, локальные историко-культурные особенности и иноязычное знаковое воздействие. Однако общегосударственной задачи реформировать и унифицировать в имперских масштабах древнюю принесенную издалека письменную традицию по различным причинам не возникло, и руноподобная архаика представляла собой

здесь «угасающую»[9] письменную систему. Разноплеменные ее реликты накапливали все большее число графических отличий. Все это способствовало возникновению различных модификаций, но в равной степени могло и законсервировать у отдельной этнической группы в виде сакрального родового реликта архаический вариант, например, центральноазиатских рунообразных знаков.

Среди ВЕР исследователями выделяются несколько этно-региональных модификаций. Надпись на костяной накладке снаряжения лучника, найденная в Калоче, представляется относящейся к ранним графическим модификациям ВЕР. Палеографически ее можно отнести к надписям, принадлежащим тюркоязычным протоболгарским племенам, затем вошедшим в состав Хазарского каганата, предки которых находились в составе племенного союза теле, в ходе их продвижения с Северного Кавказа к бассейну Дуная.

Владелец лука был представителем, по-видимому, одного из западных тюркоязычных племен Хазарского каганата. Конный лучник состоял, возможно, на службе в составе личной охраны одного из предводителей союза мадьярских племен и заслужил уважение соратников-соплеменников, о чем говорит погребение в соответствии с обычаями его народа. Для тюркского воина-кочевника его военачальник, являвшийся представителем правящего клана, естественно олицетворялся с образом кагана, несмотря на то, что собственно у венгров подобного титула не зафиксировано. Надпись может быть датирована периодом, по-видимому, не ранее 890-х гг. и связана с одной из тех тюрко-хазарских этнических групп, например – кабарами, которые в этот период мигрировали вместе с союзом мадьярских племен за Карпаты.

---

[1] *Dienes I.* Landnahmezeitliche Kerbinschrift aus dem Graberfeld von Homokmegy-Halom in der Umgebung von Kalocsa // Folia Archaeologica XLIII. – Budapest. 1994. – S. 167-179.

[2] *Овчинникова Б.Б.* К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 133-134; *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983. – С. 46, 61.

[3] *Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1966. – Вып. 29. – С. 108-109. В литературе имело место упоминание еще об одной надписи на обкладках лука, обнаруженном в курганном погребении на Дону – см. *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 125; *Семенов А.И.* Указ. соч. – С.102-103, рис.4. - Кирово IV, курган 2, памятник датируется VШ-IX вв.

[4] *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С.129; *Семенов А.И.* Указ. соч. – Табл. на С. 102-103 .

[5] См. *Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // Советская археология. – 1979. – №1. – С. 270.

[6] *Щербак А.М.* Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок. – СПб, 2001. – С. 32-79.

[7] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959. – С. 65-65. *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // Тюркологический сборник-1975. – Москва, 1978. – С. 96-98.

[8] *Васильев Д.Д.* Нерасшифрованный вариант сибирской руники // Узбек тили ва адабиети. – Ташкент, 1986. – №4. – С.42-44; *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С.106-144; *Кляшторный С.Г., Левина Л.М.* Об одной рунической надписи с городища Алтын-асар (Восточное Приаралье) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус, 1989. – С.87-96; *Дэвлет М.А.* Петроглифы на кочевой тропе. – М., 1982. – С. 109; *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983. – С. 47; *Klastornij S.G., Vasary I.* Inscription on a Bull-Skull from the Volga Region // Between The Danube and the Cauasus. – Budapest, 1987. – P. 171-180; *Rona-Tas A.* A szarvasi tütarto felirata // Különlenyomat a Nyelvtudomanyi Közlemenyek 87. – Kötetenek. 1 szamabol. 1985. – P. 225-377; *Vassiliev D.* Hozzaszolos Dienes Istvan elöadasahaz // Eletünk. – Budapest, 1992. – № 5. – S.547- 548.

[9] Термин был применен в отношении так называемых секейских рун, но в данном случае представляется нам адекватным и для ранних надписей ВЕР (см. о термине *Munkacsi B.* Zum Problem der Szekler Runenscrift // KSz. 1913/1914. – S. 229.)

М.В. Горелик

Три племени кабар

«39. О народе каваров

Да будет вам известно, что так называемые кавары произошли от рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и, когда разгорелась междуусобная война, эта прежняя власть их одержала победу. Одни из них были перебиты, другие бежали, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой - язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на *три рода каваров*), существующий и по сей день.

40. О родах каваров и турок

Первый - этот, от хазар отколовшийся вышеназванный род каваров, второй - род Неки, третий - Мегери, четвертый - Куртугермат, пятый - Тариана, шестой - Генах, седьмой Кари, восьмой - Каси. Так, соединившись, кавары вместе с турками поселились в земле пачинакитов».[1]

Кабарская проблематика в настоящее время, как представляется очевидным, должна выходить на передний план в изучении не только, и не столько даже истории Хазарского каганата, сколько ранней истории Руси и истории венгров эпохи обитания в южнорусских степях и «обретения родины».

Что касается Хазарского каганата, то из текста столь осведомленного источника, каким является император Константин Багрянородный, процитированный выше, совершенно определенно явствует, что хазарские повстанцы, потерпев поражение от своих противников, отнюдь не покинули всей, наличествующей на момент восстания, территории Хазарской империи: они лишь сосредоточились на землях, в середине X в. (время составления императором Константином цитируемого здесь труда) занятых печенегами, и на которую более чем столетием раньше прикочевали венгры. Южная граница этой территории шла по линии от точки западней низовий Дона до точки западней низовий Южного Буга.

Таким образом, начиная от Саркела, земли к северо-западу можно условно называть Кабарией-Угрией. При этом в ее рамках оказывается большая часть известных памятников хазарской - салтовской археологической культуры, включая самый крупный из них - Верхнесалтовско-Нетайловский комплекс [2].

Тогда вопрос, много десятилетий мучающий исследователей: от кого же защищала Хазарский каганат построенная в 834 г. крепость Саркел[3], - решается автоматически: от враждебных каганату кабар, так как венгры, будучи созниками-«побратимами» (анта) кабар, остались в целом весьма лояльными по отношению к каганату[4], за что получили доступ к порту, как пишет ибн Рустэ, К.р.кх. (хазарская крепость-порт в Крыму Керц, совр. Керчь), где продавали византийским купцам порабощенных славянских подданных в обмен на вино, ковры и ткани[5]. Хотя первые годы, как свидетельствует тот же ибн Рустэ, венгры были Хазарии резко враждебны, так что хазары были вынуждены окапываться от них рвами[6]. Эта враждебность, скорее всего, была связана с венгеро-кабарским заговором. Вот тут-то хазары и могли пойти на срочную постройку Саркела, а как кабарский ответ могла совершиться постройка Правобережной крепости. И лишь после установления дружеских отношений венгров с Хазарией венгры могли, отрезав

своими кочевьями кабар от Хазарии, снести по просьбе новых союзников Правобережную крепость (самим венграм-кочевникам, получивших союзников и с севера, и с юга, замок был ни к чему).

Северные центры Кабарии-Угрии обнаруживаются в Среднем Поднепровье. Из сенсационного письма киевских иудеев, обнаруженного в генизе - хранилище ветхих рукописей древней синагоги в Каире, и датированного авторами публикации временем не позднее первых десятилетий X в., явствует, что один из лидеров «кагала Киева» - некто Гостята (или, что менее вероятно, Гост) был сыном Кьабар-когена[7].

Поскольку кабары, как часть хазар, были тюркоязычны (KYBR письма вряд ли может быть социофорным - обозначением высшей тюркской знати - именем собственным, как предположил О. Прицак[8]); более вероятным значением слова ***кабар, кьабар***, обозначавшего повстанцев, представляется «сборище», «партия» (ср. болгарское имя Кубрат – по-тюркски – «собиратель»[9]), то вторая составляющая прозывания Гостятина отца - коген, означающая высший слой ааронидов-левитов, к коему могут быть причислены только евреи по крови (притом именно левитской), должна означать в данном контексте духовного главу иудаистской общины. В данной ситуации - главу общины кабар, которыми неминуемо должно было быть основное хазарское население Киева в период противостояния Хазарии и Кабарии[10]. Об этом говорит, как удачно определил О. Прицак, название одного из кварталов Киева - Копырев конец[11]. Позднее, когда религиозно-политическая вражда, расколовшая хазарский этнос и общество, стала не столь актуальной, отношения между кабарскими и имперскими хазарами сгладились, и последние стали приезжать в Киев и селиться там. Район их поселения в древнекиевской топонимии известен как «Козаре» (точно следуя еврейской форме данного этнонима - *козраим*). Так что стали возможны совместные благотворительные акции, одной из которых и посвящено письмо из каирской генизы.

Сообщая о кабарах, Порфирогенит специально оговаривает, что они состоят из трех родов (племен). При этом, описывая их вкупе с венграми, он подчеркивает, что у них был единый правитель, тогда как каждое из семи венгерских племен имело своего правителя, равноправного с другими[12]. Константин тщательно перечисляет названия каждого венгерского племени и умалчивает названия племен кабарских, подчеркивая этим политическую актуальность кабар как целого и венгров как семичастного.

Тем не менее, выяснение племенного состава кабар представляется крайне важным, хотя бы и потому, что он отражает племенной состав хазар вообще.

Этногеографический еврейский трактат Иосиппон, составленный в Южной Италии или на Сицилии до середины X в., перечисляет и народы, населявшие южнорусские степи. В двух ее рукописях в одной и той же позиции имеется показательное разночтение, означающее идентичность двух этнонимов, на этой позиции стоящих: в еврейском оригинале стоит «TWRQY», в арабоязычной копии –«Kiabar»[13]. Следовательно, одним из кабарских племен были тюрки - собственный народ - ***будун*** царствующего каганского Синего (***Кёк*** - тюркск., ***Ашена*** - иранск.) рода. Неожиданное подтверждение этому нашлось (буквально - в земле) в Киеве. При раскопках на Подоле в слое пер. пол. – сер. X в. была найдена формочка из местного овручского шифера для отливки поясных бляшек степного типа; на ней куфическим шрифтом дуктом X в. вырезано имя владельца, вторая часть которого читается Б.И. Маршаком как «тюрк»[14]. То есть, мастер был киевским кабаром-мусульманином из племени ***тюрк***. Из этой же среды скорее всего вышел палаш с салтовскими и венгерскими признаками и куфической арабской благопожелательной военной надписью, который был раскопан в Туве в погребении X в., в котором был похоронен кыргызский воин Багыр[15].

Наличие кабар-мусульман нисколько не умаляет первенствующей роли кабар-иудаистов в кабарском обществе Киева.

Это явствует из древней киевской топонимии. Так, сакральное имя цитадели Киева, в передаче Порфирогенита, **Самватас**[16] - из тюркск. **Шамбат**, от еврейск. **Шаббат**. Гора, на которой она стояла, носит имя Хоривица от Хорива, отрога Синайского хребта, на котором Моисей разговаривал с Богом. Второе название горы - Лысая, что может быть калькой еврейск. **Голгофа**. А по киевским поверьям, именно на Лысой горе справлялись шабаши, как иноверцы обзывали субботний ритуал иудеев. Под этой горой речка Глубочица разливается Иорданскими озерами. Не менее ярки тюркские топонимы древнего Киева. Например, **Пасынча беседа**, что, как показал О. Прицак, означало здание таможни[17], вероятно имевшее вид навеса.

Светское название киевской цитадели донесли до нас средневековые восточные тексты, связанные с походами на Русь монголов: Кива (то есть Киев) - Менкермен - в «Сокровенном Сказании»[18], Манкеркан, Манкерц и Манкерман - в разных списках «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина[19], Манкерман - в «Книге побед» Шараф ад-Дина Йезди[20] . Вторая часть слова - **керц** или **керман** обозначает в тюркских языках крепость: первое - заимствованное западносемитское слово ***карт*** , обозначающее **защищенное стенами поселение, город** в собственном смысле, через иранские языки, где ***керт*** имеет то же значение (у хазар ***керц*** применен в названиях таких городов-крепостей, как **Керц** (совр. Керчь, др.русск. Корчев), **Самкерц**[21] (др.русск. Тьмутаракань, греч. Таматарха, совр. Тамань) и, как видим, **Манкерц**; **кермен, керман** - собственно тюркское слово, означающее крепость. Манкерц=Манкеман – «Главная крепость» по-тюркски. Да и само слово **Кыев** (именно в такой форме, донесенной до наших дней украинским языком, существовало в древности это название), как показал С.Г. Кляшторный, восходит к древнетюркскому слову **кый** - селение, пригород[22], что точно соответствует его положению по отношению к цитадели Шамбат-Манкерман.

В том же киевском письме из каирской генизы мы находим имя и этноним персонажа, для нас очень важного - Иуда-саварт[23]. Здесь перед нами - иудаист из одного из основных хазарских племен - саварт (савар, савир, сабир). Ал-Масуди даже считал этот этноним самоназванием хазар[24]. Следовательно, второе кабарское племя - саварт. Но если мы обратимся к тексту Порфирогенита, то увидим, что этнонимы ***тюрк*** и ***саварт*** там приложены к...венграм[25]. И это при том, что подлинные названия семи венгерских племен им практически тут же, как видим, совсем иные. Это противоречие легко снимается, если мы примем, что ***тюрк*** и ***саварт*** - название кабарских племен, членов кабаро-венгерского объединения. Но тогда в том же тексте скрыто и название третьего племени кабар. Оно заключено во второй части двойного «древнего самоназвания турок (венгров)», каковым император Константин считал этноним ***савартойасфалой***. И если в первой части легко читается ***саварт***, то второй сочлен этого «этнонима» означает, как показали венгерские ученые, этноним ***эскэл***[26]. Для истории венгров это очень важный момент, поскольку именно к племени ***эскэл*** восходит происхождение крупнейшей этнографической группы венгров - ***секей*** (письм. ***секель***), составляющих, в частности, основной массив венгерского населения Трансильвании; свою особость секеи сохраняли до XIX в., в том числе и в социальном плане, и еще в XV в. употребляли руническое письмо древнетюркского типа[27].

Венгерские ученые считают ***эскэл*** болгарским племенем, присоединившимся к венграм[28]. Действительно, в составе волжско-булгарского государства племя ***эскэл*** хорошо известно[29]. Но туда же входили и ***саварты- сувары***, точнее - часть савирских родов. Другая их часть входила в хазарское объединение. То же касается и части родов племени ***эскэл***. Ведь и болгары, и хазары были конгломератами, как это обычно бывает у кочевников, практически одних и тех же племен и родов, составляющих, подобно одному и тому же набору цвет-

ных стеклышек в калейдоскопе, разные узоры в зависимости от встряхивания калейдоскопа - изменения политической ситуации.

В сущности, разница между хазарами и болгарами заключалась именно в тюрках: если правящая династия болгар нигде не сопричислена к обладавшему легитимным правом власти над любым тюркоязычным этносом Синему (**Кёк=Ашена**) клану (и потому племени ***тюрк***, как собственного народа - **будун**, принадлежавшего только владыкам из Синей династии, не могло быть в составе болгар даже в качестве политонима), то владыками хазар были как раз представители Синего рода, чей собственный народ всегда назывался ***тюрк*** (даже вне зависимости от происхождения: я полагаю, что в европейских степях не позднее IX в. прозванием ***тюрк*** хазарские каганы из Синего клана награждали племена, оказавшие им особые услуги, то есть «назначали» их ***тюрками***; так, в X в. западные ***огузы***, известные на юге как ***гуззы***, а на западе как ***узы***, в хазарских текстах значатся как TWRQY[30]- для хазарских каганов они громят враждебных им печенегов и усмиряют взбунтовавшихся алан, в древнерусских - ***торкы***; это было бы абсолютным нонсенсом, если вспомнить, что изначально, в Центральной Азии, тюрки были господствующим народом, тогда как все многочисленные племена огузов были их подчиненными и, соответственно, носить высокое имя своих хозяев не могли по определению; но в рассматриваемой европейской ситуации IX-X вв. термин ***тюрк*** уже был практически политонимом).

Таким образом, секейцы являются потомками славных кабар-эскэл. И недаром именно в Трансильвании найден Надьсентмиклошский клад - золотое сокровище кабарских «архонтов».

Итак, повстанцами - кабарами стали представители трех хазарских племен - ***тюрк, саварт, эскэл***. Но в топонимии Венгрии встречено кроме **Szovard** - ***саварт***, также и **Bersel** - от

названия еще одного хазарского племени - ***барсил*** [31]. Можно полагать, что барсилы не участвовали в кабарском восстании, а в Венгрию часть из них перебралась во второй половине X в., после разгрома Хазарии русами и изменившими каганату огузами.

Интересен тот факт, что в период проживания в Центральной Европе, в Венгрии, явное доминирование оказалось за эскэлами: об этом свидетельствует и то, что именно под этим племенным названием кабары сохраняли и свой язык, и письменность, и - особенно долго - свою социально-политическую обособленность; и то, что именно на земле эскэлов оказалось зарытым Надьсентмиклошское сокровище, масштаб которого может соответствовать только уровню надплеменного владыки, каким был общекабарский «архонт». Похоже, что представители племени тюрк, если и были лидерами в начале кабарского движения, со временем это лидерство утратили. Причиной могло быть то, что не стало среди кабар людей из Синего клана, при которых тюрки и были лидерами, а особенно то, что как раз в Хазарии вся система - каган из Синего рода плюс его собственный народ - тюрки - осталась в полной сохранности, пусть в некоторых звеньях и формальной. Но в конце IX в. кабары-тюрки еще числились по традиции главным племенем: недаром именно этим прозванием представились венгры своим византийским партнерам.

Интересно, что, в отличие от византийских и европейских, древнерусские письменные источники не сохранили этнонима ***кабар***. Вместе с тем, представляется, что память о венгеро-кабарской общности на Руси осталась. Дело в том, что славяне Восточной Европы звали венгров так, как те сами представились им при появлении на юго-восточных границах славянского мира: а представились венгры не собственными племенными названиями (видимо, общее для всех племен название еще не было принято; только много позднее название одного из венгерских племен - ***медьер*** - стало общим для всех венгерских племен), а заимствованным несколько столетий

назад прозванием могучего западно-огузского союза тюркоязычных племен - ***огур***, двигавшихся из степей Центральной Азии далеко на запад[32] мимо древних мест обитания венгерских племен. Славяне передали это название очень точно - ***оугры***. Но в русских летописях упоминаются ***угры черные*** и ***угры белые*** [33]. И если первые - определенно собственно венгры, то относительно ***белых угров*** логично предположить, что это - невенгерская часть венгеро-кабарского союза, то есть - кабары.

Из трех кабарских=хазарских племен два - ***тюрк*** и ***эскэл*** - известны в номенклатуре племенных названий Центральной Азии. О ***тюрках*** говорить здесь не место, а вот ***эскэл*** - под именем ***изгиль*** - фигурирует в китайских и тюркских текстах как одно из огузских племен[34].

Но саварты-савиры в Центральной Азии неизвестны: они упоминаются в источниках только среди степняков Восточной Европы. Все это навело исследователей на мысль об их изначально нетюркском происхождении. Конкретные предположения сводятся к признанию их угорским народом западносибирского происхождения. При этом основным доводом в пользу такого суждения служит ссылка на Порфирогенита, где этнонимы ***савартойасфалой*** и ***турки*** прилагаются к венграм. Но, как показано выше, это все - племенные названия хазар кабарского объединения. Названия венгерских племен - совершенно иные. Отсюда следует, во-первых, что савиры-саварты - совершенно необязательно венгры по происхождению, и, во-вторых, что венгры перед «посторонними» называли себя не собственными, никому не известными племенами, а чужими, славными, теми, с подлинными носителями которых они были связаны или хотели показать эту связь. Это относится как к названию ***оугры*** - от тюркоязычных западных огузов - ***огуров***, так и к трем хазарским=кабарским этнонимам - ***тюрк, саварт, эскэл.***

Но вернемся к савартам. Само это слово не имеет достаточно убедительной тюркской этимологии (хотя подобрать ее

можно, но разброс слишком велик). Лучше всего слово ***саварт*** этимологизируется из иранского **сау** - черный, **сауа[р]та** - черные. Вероятно, в этой же среде стоит искать и происхождение народа. Я полагаю, что такой средой может быть с наибольшей долей вероятности огромный массив ираноязычных скотоводов, населявших восточное Приаралье в первой половине I тыс. н.э. и представленных Джеты-асарской археологической культурой. Когда в середине V в. жужань=авары вытеснили на запад массы тюркоязычных огузских племен, западная часть которых (огуры) и явилась основой образования конфедераций оногур, сарогур, болгар, хазар и др.[35], часть северных «джетыасарцев», живших рядом с дорогой огуров и к югу от кочевий венгров, могла легко быть втянута в процесс «переселения народов».

Имея в виду иранские слова **сау** -черный, и **сауа[р]та** - черные, ряд авторов полагает иранским этноним славянского племени **север, северяне**[36]. Это положение основано и на том, что племенным центром северян был Чернигов с его легендарным князем Черным, с его величественными курганами правителей, называвшимися Черная могила и Княжи Черны. Но племенное название **северяне, север** носили не только славяне Поднепровья-Подесенья, но и часть балкано-дунайских славян, покоренных болгарами Аспаруха. А савиры-саварты входили как в хазарское, так и в болгарское племенное объединение. И ***черными болгарами*** русских летописей могла быть как раз часть болгарских савир, не ушедших из Приазовья на Дунай.

Савиры изначально были крайне активной, мощной военно-политической силой юго-восточной Европы в середине I тысячелетия н.э., что было отмечено многими источниками[37]. Все письменные источники VI - VII вв. свидетельствуют о тесных (хотя и непостоянных, что свойственно всем варварам-номадам) связях савиров с сасанидским Ираном[38]. В подчиненных ему районах Закавказья савиры, согласно Менандру, сели-

лись в 60-70-е гг. VI в., где их застает в начале X в. под именем *ас-савардийя* Ибн ал-Факих [39].

Савиры упоминаются в трудах Прокопия Кесарийского в составе иранских войск времени юстиниановых войн середины VI в. Причем зачастую они, будучи всадниками, взаимодействуют с другими «федератами» сасанидского Ирана - пешими отрядами дайламитов - горцев из северо-западной области иранской Дайламан[40], что требовало определенной совместной тренировки в течение достаточно длительного времени. В том же Дайламане в последние десятилетия раскопана целая серия роскошно декорированных золотом и серебром палашей степного типа[41], которые я склонен считать подарками персидских владык своим союзникам - савирским вождям, получившим в Дайламане или/и Атурпаткане земли для поселения.

Именно факты проживания союзных шахиншахам савиров на территориях, подвластных сасанидскому Ирану и послужили, как я полагаю, основой сведений Порфирогенита о том, что «когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии - они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами...»[42]. Только император Константин (или его информатор) ошибочно связал факт поселения в VI-VII вв. части савиров «в краях Персии» с хорошо известным ему фактом недавней истории венгров - печенежским погромом 895 г., «продублировав» его и экстраполировав на несколько столетий до реального налета печенегов.

Так что никаких венгров искать в Иране не надо - там с VI в. жили савиры.

---

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарии. Под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. – М., 1989. – С. 163

[2] *Крыганов А.В.* Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры - остатки древнего хазарского города // Труды

по археологии. Степи Европы в эпоху Средневековья (СЕЭС). – Донецк, 2001. – Том 2. Хазарское время.

[3] Литература полемики огромна, и приводить ее здесь нет возможности. Основные мнения по поводу противника - русы и венгры, а также печенеги. В своей работе «Саркел и "Шелковый путь"» (Воронеж, 1996, С.143) С.А. Плетнева утверждает, что Саркел строили в центре Хазарии как караван-сарай. С этим трудно согласиться (нисколько не отрицая одну из функций Саркела - пристанища и убежища торговых караванов), особенно учитывая постройку и разрушение прямо напротив, на противоположном берегу Дона, другой хазарской крепости - Правобережного Цимлянского городища.

[4] *Константин Багрянородный*. Указ.соч. – Гл. 38. – С. 159-161.

[5] *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. – М., 1997. – С. 106.

[6] Там же.

[7] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-Еврейские документы X в. – Москва-Иерусалим, 1997. – С. 31.

[8] Там же. – С. 54.

[9] Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 462.

[10] На наш взгляд, религиозно-политический конфликт в Хазарии, приведший к гражданской войне, состоял в том, что часть знати, отстаивавшая исконное хазарское исповедание иудаизма в форме, напоминающей караизм (см. его описание в Тексте Шехтера - *Голб Н., Прицак О.* Указ.соч. – С. 138, 139, 156, 157) и традиционно тюркскую форму власти кагана, проиграла партии, воспринявшей раввинистический иудаизм и сплотившейся вокруг каган-бека (шада), лишившего кагана реальной власти, оставив ему лишь власть духовную.

[11] *Голб Н., Прицак О.* Указ.соч. – С.77-78.

[12] *Константин Багрянородный*. Указ.соч. – С.159.

[13] *Голб Н., Прицак О.* Указ.соч. – С. 54

[14] *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю.* О ремесленном производстве на киевском Подоле // Советская археология. – 1980. – № 2. – С. 210-211, Рис.6

[15] *Горелик М.В.* Парадные кабарские клинки // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – М., 2001. – Вып. 2. История. Археология. Палеоклиматология. – С. 99-100, Рис. 4, *2*.

[16] *Константин Багрянородный*. Указ.соч. – Гл.9. – С. 45

[17] *Голб Н., Прицак О.* Указ.соч. – С. 79-80.

[18] *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. – М.-Л., 1941.

[19] *Рашид ад-Дин* Сборник летописей. – М.- Л., 1960. – Том 2. – С. 45.

[20] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. – М.- Л., 1941. – С. 179.

[21] *Голб Н., Прицак О.* Указ.соч. – С. 59.

[22] Древнетюркский словарь. – С. 440.

[23] *Голб Н., Прицак О.* Указ.соч. – С. 31.

[24] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX - X вв. – М., 1962. – С. 132.

[25] *Константин Багрянородный.* Указ.соч. – Гл. 38. – С. 159.

[26] *Вашари И.* О рунических системах письма Восточной Европы // ALTAICA II. – М., 1998. – С.37.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] *Заходер Б.Н.* Указ.соч. – С. 129.

[30] *Голб Н., Прицак О.* Указ.соч. – С. 153, 162.

[31] *Вашари И.* Указ.соч. – С. 37.

[32] *Кляшторный С.Г., Султанов Г.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб, 2000. – С. 137.

[33] *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М., 1998. – С. 270.

[34] *Кляшторный С.Г., Султанов Г.И.* Указ.соч. – С. 139; Древнетюркский словарь. – С. 216.

[35] *Кляшторный С.Г., Султанов Г.И.* Указ.соч. – С. 136-137.

[36] *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Указ.соч. – С. 289.

[37] *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 69 и далее.

[38] *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С.335; *Артамонов М.И.* Указ.соч. С. 74-45.

[39] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.,1986. – С. 82-83.

[40] См., напр.: *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. – М., 1996. – С. 58-59.

[41] *Nicolle D.* Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD. – Stockport, 1996. Fig/36, D, F; *Wilcox P.* Rome's Enemies (3): Parthians and Sassanid Persians. – London. 1986. – P. 36, 43, 44, 47; *Гаврилухин И.О., Иванов А.Г.* Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. – Ижевск, 1999. – Рис. 11, *3-7.*

[42] *Прокопий Кесарийский* Указ.соч. – С. 159.

Ю.И. Дробышев

Некоторые аспекты отношения монголов к окружающей среде в эпоху завоеваний

Проблема взаимоотношений человека и природы приобрела в наше время особую остроту и привлекла внимание специалистов самых разных областей знания. Это не удивительно, так как ее решение нельзя найти, находясь в рамках какой-то одной науки, будь то экология, экономика и т.д. Требуется междисциплинарный подход, взгляд на предмет с различных сторон.

Повышенный интерес к Востоку в данном контексте не случаен. Считается, что именно Восток дает пример равноправных отношений социума и окружающей среды, без претензий человека на господство над природой. Коренное отличие восточной цивилизации от западной - в целостном восприятии мира. Однако вполне очевидно, что подобные слишком широкие обобщения искажают действительность. Достаточно вспомнить, что развитие, допустим, китайской цивилизации сопровождалось серьезными экологическими кризисами, а мусульманский Восток вдохновлялся иными идеалами, чем равенство людей с прочими творениями Аллаха. По-видимому, признанными «экологическими лидерами» следует считать религиозные учения Индии, прежде всего джайнизм и буддизм; даосизм Китая; синтоизм Японии, а также более примитивные анимистические культы, в той или иной степени обнаруживаемые почти по всей Азии и за ее пределами. Среди последних выделяются ярко выраженной экофильностью[1] традиционные

верования народов Центральной Азии, как ныне существующих, так и покинувших историческую арену. Главным аргументом в пользу признания центрально-азиатского анимизма реальным и очень сильным экологическим фактором является замечательная сохранность природы в его ареале. Несмотря на бурную многовековую историю кочевых народов этой обширной части Евразийского материка, ландшафты в ряде мест производят впечатление не задетых человеческим вмешательством. Можно уже считать доказанным, что одними лишь демографическими особенностями региона это не объяснить. В то же время, богатый этнографический материал раскрывает ту значительную роль, которую играли анимистические представления. Принимая изложенное во внимание, не только некоторые экологи, но и гуманитарии указывают на экологический опыт народов Центральной Азии как на образец гармоничного сосуществования человека и природы, заслуживающий изучения и претворения в жизнь. Отнюдь не отрицая его перспективность и желательность быть реализованным в современных условиях, приходится констатировать недостаточную изученность этого вопроса, что дает простор для спекуляций и легковесных выводов.

В этом смысле особенно интересно проанализировать отношение к природе монголов периода их консолидации и последующих завоеваний. Считать монгольских захватчиков благоговеющими перед жизнью гуманистами абсурдно, хотя приходится иногда встречаться и с такими утверждениями. Их кровавые деяния известны всем. Но как же быть с анимизмом, с одухотворением природы? Где же знаменитые экологические традиции кочевников, их бережное обхождение с окружающей средой? В принципе, экофильность и завоевания чужих земель представляются трудно совместимыми, но определенные ее проявления были зафиксированы, а порой даже акцентированы в средневековых летописях, за несколько сотен лет до возникновения самого понятия «экология» и производной от него «экофильности».

Специально эти вопросы, насколько нам известно, в отечественной литературе не поднимались и лишь изредка затрагивались в связи с другими предметами, а те, которые уже рассматривались, еще не получили должной экологической интерпретации. Сделать это тем более необходимо, что в печати уже появляются работы, крайне односторонне рисующие монголов и других обитателей степей, как людей, преисполненных экологической мудрости чуть ли не вселенского масштаба, чьи действия принципиально не могут и не могли вызывать какие-либо негативные изменения в окружающей среде.

Подобные идеи, несмотря на их ошибочность, не могут возникать из ничего. Они имеют, по меньшей мере, две предпосылки к появлению. Во-первых, в исторической ретроспективе между современным исследователем и монгольским средневековым обществом стоит богато документированный период XVII-XX вв., когда под влиянием буддийской проповеди монгольские обычаи претерпели существенные изменения. Сами монголы становились все менее воинственными, а их культура приобретала новые и очень яркие экофильные черты, имманентные буддизму. Во-вторых, несмотря на обилие свидетельств о зверствах монголов на захваченных территориях, в источниках XIII-XIV вв. относительно редки упоминания об уничтожении ими природы или умышленном причинении ей ущерба. При поверхностном ознакомлении с имеющимися материалами трудно судить, действительно ли монголы не тратили силы на подрыв природно-ландшафтной основы существования народов, против которых они воевали, или же потрясенные масштабами человеческих жертв и разрушений летописцы не придавали этому большого значения.

В настоящей статье мы не претендуем на исчерпывающий анализ поведения монгольских захватчиков в естественных и культурных ландшафтах, оказавшихся на их пути, и видим свою задачу, прежде всего, в постановке ряда вопросов, решение которых можем пока предлагать лишь в качестве гипотез. Основным источником сведений при этом послужили

восточные летописи и описания путешествий некоторых европейских авторов; русские летописи не использовались.

Пожалуй, самым весомым аргументом против экофильности монголов и их союзников в захватнических походах является известная практика массовых убийств, уничтожения целых городов и превращения в пустыню цветущих оазисов. Плано Карпини сообщает, что, борясь с сильным противником, монголы «разрушают и опустошают землю», но, к сожалению, оставляет этот тезис без комментариев, хотя дважды повторяет его в одном абзаце[2]. Имеется ли здесь в виду только уничтожение всех укреплений, коммуникаций, источников снабжения водой, пищей и фуражом или проявления экоцида (намеренного причинения вреда окружающей природной среде, дикой природе), остается под вопросом. В любом случае, преследуя врага или осаждая город, монголы едва ли заботились о том, чтобы не причинить ненароком ущерб растениям, животным или целым экосистемам, оказавшимся в зоне боевых действий. Напротив, все доступные ресурсы живой и неживой природы служили не более чем средством для достижения поставленной цели и с легкостью приносились в жертву войне.

Еще худшая участь ожидала осажденный город, если его жители убивали монгольских послов или оказывали упорное сопротивление. После захвата города жителей выводили в поле и безжалостно убивали (случалось даже, что не отделяли ремесленников для отправки в Монголию), а город грабили и затем сжигали. Уничтожению обрекалось также все, что захватчики не могли унести с собой. Ибн ал-Асир писал: «Они [Татары] остаются в городе лишь до тех пор, пока не разрушат всего, мимо чего пройдут, да не спалят и ограбят его; что им негодно, то они сожигают. Собрав [напр.] шелку [целую] гору, они поджигают его; так [они уничтожали] и другие вещи»[3]. Нет необходимости доказывать, что судьба гибнущих в огне растений или животных беспокоила их не больше, чем судьба разбитого противника.

Источники не содержат никаких намеков на то, что монгольские войска или их союзники (тюрки, уйгуры, китайцы и др.) в какой-либо форме оказывали знаки уважения природе покоряемых стран, но полны описаний невиданных зверств и опустошений, когда без разбору гибли и люди, и природа. Даже историки промонгольской ориентации - Джувейни и Рашид ад-Дин - не могли обойти молчанием случаи, когда с лица земли полностью стирались города со всем населением, причем иногда монголы намеренно предавали смерти не только людей, но и домашних животных и вообще все живое, что в них находили.

В Нишапуре во исполнение мести за убитого во время осады монгольского полководца Тогачара были уничтожены даже собаки и кошки[4]. В 1220 г. на пути из Агванка в Армению и Грузию монголы предавали мечу «людей, скот и вплоть до собак даже»[5]. Захватив корейский город Пхёнчжу (1231 г.), монголы не только вырезали в нем все население, но истребили даже кур и собак, - такова была их месть этому городу за то, что в нем долгое время томились в заключении монгольские послы[6]. Все живое, не исключая домашних и диких животных и птиц, монголы вырезали в афганском Бамиане по приказу Чингисхана, у которого под этим городом был смертельно ранен любимый внук Мао-Тукан (Мутуган)[7]. А когда в 1227 г. сподвижники везли гроб с телом самого Чингисхана из разгромленного государства тангутов, они по дороге «убивали все живое, что им попадалось», чтобы никто не проведал о кончине великого завоевателя, и враги, в первую очередь готовящиеся к сдаче своей столицы тангуты, не ободрились бы этим известием[8]. Так завещал сам Чингисхан. Что понимал под «всем живым» персидский летописец, в точности неизвестно, но можно предположить, что дело касалось не только людей, тем более, что в другом месте Рашид ад-Дин пишет: «Они убивали каждое живое существо, которое видели, чтобы весть о его смерти не разнеслась по окрестным местам»[9]. Не исключено, что это, кроме того, был акт мести враждебной стране.

Исходя из этих фактов, трудно предположить наличие у монголов пиетета к природе или страха перед ее сверхъестественными защитниками (коль скоро реальные защитники были сломлены) - духами-«хозяевами», вера в которых носила всеобщий характер на просторах Центральной Азии в течение многих веков и перешагнула в третье тысячелетие (подробнее о них см. ниже). Возможно, та земля, чей народ отказывался признать над собой власть монгольского хана по первому требованию и даже раньше - едва лишь услышал о нем, представлялась монголам лишенной небесной благодати, грешной землей. И как согрешившая, она тоже должна была держать ответ при появлении на ее границах монгольской конницы. Согласно картине мира средневековых монголов, хан был наместником Вечного Синего Неба на земле. Поэтому он - универсальный правитель; двух правителей под Небом быть не может. Кто не изъявляет хану покорность, тот является мятежником, даже если его владения не завоеваны и не соприкасаются с владениями хана. Война против таких народов столь же идеологически и морально оправдана и необходима, как, например, крестовые походы того же XIII в. в глазах большинства христиан[10]. Нежелание подчиниться суть не просто оскорбление хана, а вызов, брошенный самому Небу, и наказание должно было соответствовать тяжести проступка. Отсюда массовые убийства и полное отсутствие жалости к гражданскому населению[11]. Известно, что Чингисхан называл себя «бичом божьим»[12].

Война требовала широкого вовлечения природных ресурсов. Нужно было добывать руду и плавить металл, заготавливать древесину и т.д. Ресурсы, приобретя качество стратегического сырья, едва ли могли рассчитывать на какую-либо форму одухотворения, могущую застраховать их от усиленной эксплуатации. Созерцательному подходу к природе в те времена было не место. В этом плане очень показательно противоречие, возникающее при попытках экстраполяции поздних монгольских обычаев, связанных с древесными растениями, на эпоху завоеваний.

С одной стороны, известны запреты, бытовавшие в Центральной Азии в XIX - начале XX вв., на рубку живых деревьев. Полагалось для хозяйственных нужд и на топливо собирать сухую древесину или валить уже погибшие деревья[13]. Особо строгим был запрет в отношении так называемых «вечных», т.е. хвойных, деревьев, не говоря уже о «шаманских» деревьях, в которые замуровывали останки шаманов. Дерево осмыслялось как ось, соединяющая миры в шаманской картине мира. Если требовалось срубить живое дерево, сначала просили на это соизволение обитающего в нем духа-хранителя и объясняли, с какой целью вообще затеяна была рубка. Процедура молебствий духам, связанная с заготовкой древесины, могла растягиваться на полмесяца[14].

С другой стороны, в XIII в. для снабжения армии требовалось колоссальное количество луков, стрел, пик и другого вооружения, в изготовлении которого используется качественная древесина. Осадные работы поглощали множество лесоматериалов; древесину нередко заготавливали на месте. Так, по свидетельству Ибн ал-Асира, когда осада крепости Мансуркух в хорасанской области Талекан затянулась на 10 месяцев и много монголов было убито под ней, Чингисхан «приказал собрать, сколько можно было, мелкого и крупного леса. Сделав это, они стали класть слой дерева, а поверх его слой земли, и не переставали [делать] это до тех пор, пока образовался высокий холм насупротив крепости»[15]. В ряде случаев было необходимо расчищать дороги среди лесов, а иногда возводить мосты через реки и ущелья. При подготовке похода Чингисхана на Запад его сын Чагатай построил в горах Инь-шань 48 мостов из нарубленного леса[16].

Осадив Гургандж[17] (1221 г.), монголы не пощадили деревья, потребовавшиеся им для продолжения военных действий. «Когда они увидели, что в Хорезме и в его области нет камней для катапульт, они нашли там в большом изобилии тутовые деревья с толстыми стволами и большими корнями. Они стали вырезать из них круглые куски, затем размачивали

их в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни. [Татары] заменили ими камни для катапульт», - свидетельствует ан-Насави[18].

Окружив в 1258 г. Багдад, монгольские войска «срезали пальмы и метали их вместо камней»[19]. Газан-хан в 1300 г. отдал приказ нарезать бревен из деревьев в садах Дамаска, чтобы использовать их для разрушения дамасской цитадели, где укрылся неприятель[20].

Когда некий Кахреман (возможно, курд) разбойничал в Руме на дорогах и скрывался в лесу, ставленник Хулагу Сахиб-диван Шамс-ад-Дин Мухаммед Джувейни с монголами «сжег его вместе с лесом»[21]. Зная жестокий характер монгольских завоевателей, можно было ожидать более или менее частых описаний уничтожения врагов подобным способом, однако, как ни странно, они единичны. Зато тот же источник сообщает, что при разгроме в 1260 г. Китбуки-нойона египетскими мамлюками, монгольский отряд укрылся в камышах, и владетель Египта Кудуз приказал поджечь камыши. Монголы погибли в огне[22].

Описывая произвол, царивший в Иране при первых Хулагуидах, Рашид ад-Дин касается также отношения монгольских гонцов, по делу и без дела рассылавшихся монгольскими князьями по всей стране, к садам: «Они ставили в садах [верховых и вьючных] животных и в один день разоряли сад, который с тысячью трудностей благоустраивали в течение более десяти лет... ломали изгороди садов, а зимой они рубили деревья на дрова. Если в садах замечали прямые деревья, то хакимы и могущественные люди их рубили под предлогом, что они годятся на копья для войска, или же они их получали посредством настойчивого требования»[23].

По-видимому, в самой Монголии в те годы отношение к лесу тоже не было мистическим. При безусловном бытовании анимистических воззрений среди средневековых монголов, мнение о крайне бережном их обращении с деревьями опровергается многими фактами, зафиксированными в летописях.

Уже «Сокровенное сказание» предоставляет несколько примеров, что кочевники относились к деревьям и лесу рационально и приносили их в жертву военной необходимости.

Когда тайчжиуты явились к горе Бурхан-Халдун захватить юного Тэмучжина, его брат Бельгутай построил укрепление из поваленных деревьев. Тэмучжин, узнав, что тайчжиутам нужен именно он, бросился бежать в лес, где провел без еды несколько дней, после чего решил выйти: «Ужели довести себя до бесславной смерти!» На его пути лежал огромный валун, а вокруг - деревья, не дающие прохода, которые он и принялся срезать своим ножом[24].

Во время войны с хори-тумэтами посланный Чингисханом Дорбо-Докшин отдал своему войску приказ сделать просеку через густой лес, покрывающий гору, на которой укрылся неприятель: «Вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и всяким потребным инструментом, он приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно Туматов и полонил их»[25].

Монголы с большим или меньшим успехом ставили природные стихии на военную службу. В принципе, они не были в этом оригинальны. Несмотря на широкое распространение экофильных анимистических взглядов, народы Центральной Азии издавна предпринимали такие попытки, в частности, воздействуя на силы природы с помощью специальных магических предметов и заклинаний. Особую известность приобрел камень *яда* - желчный камень рогатого скота. Традиция устойчиво связывает с ним способность вызывать непогоду[26]. Интересный пример его применения находим у Рашид ад-Дина[27]. Колдовством занялся тюрок-канглы по приказу Тулуя во время похода против цзиньцев в 1232 г. в местности Тунь-гуань в критический для монгольского войска момент, когда оно отступало перед превосходящими силами противника и внезапно подверглось нападению с тыла. Свойство камня таково, что если его положить в воду и помыть, начинается

сильное ненастье: ветер, дождь, холод и даже снег, несмотря на летнее время. Тулуй распорядился всем приготовиться к резкой перемене погоды и не расставаться трое суток со спиной лошадей. Колдовство подействовало, и позади монгольского войска начался дождь, перешедший в снег и метель. Противник, не знакомый с такими холодами даже зимой, пришел в ужас. Монголы заблаговременно остановились в китайской деревне, а их враги были вынуждены пережидать непогоду в поле, где им негде было укрыться от жестокого ветра и холода. На четвертый день, не дожидаясь окончания ненастья, Тулуй ударил по измотанному и деморализованному врагу и одержал полную победу.

Однажды подобное колдовство было направлено против Чингисхана в урочище Койтен найманом Буирухом и ойратом Худухой, когда против объединителя Монголии сложился альянс с Джамухой во главе. Во время битвы военная удача долго не склонялась ни на одну из сторон, и тогда было решено прибегнуть к магии, которая, однако, обернулась против самих же колдунов: над союзным войском разразился ливень и ураган, бойцы спотыкались и падали, и, наконец, все войско разбежалось, говоря: «Видно, мы прогневали небеса»[28].

Водные источники, подобно растительности и другим элементам географической среды, одухотворяются, «оживляются» в анимистической картине мира. Поэтому среди обитателей Центральной Азии, в частности у тибетцев и бурят, бытовали запреты на вмешательство в их жизнь - запруживание, загрязнение и т.п.[29] Однако представляется очевидным, что монголы в эпоху завоеваний относились к рекам и озерам более прагматически.

Запруживание рек или изменения их русел было одним из методов взятия городов и крепостей. По-видимому, впервые монголы применили его осенью-зимой 1209 г. при осаде тангутской столицы г. Чжунсин (до 1205 г. - Синцин). Поскольку взять город быстро не удалось, монголы запрудили текущую поблизости реку, и вода хлынула в город. Начали рушиться

дома, в опасности была также городская стена. К счастью для осажденных, в январе 1210 г. бурный поток прорвал плотину[30], и вода затопила монгольский лагерь, что побудило завоевателей начать мирные переговоры. Итогом этой военной кампании было номинальное признание тангутами зависимости от Чингисхана[31]. Спустя три года, во время похода против империи Цзинь, в 1213-14 гг. при попытке захватить крупный г. Тун-кин-фу (Дун-пин) монголы запрудили реку выше города, но и эта попытка использовать водную стихию в военных целях была тщетна[32].

В дальнейшем, этот прием широко использовался монголами, поэтому упомянут Плано Карпини как обычное средство ведения боевых действий против хорошо укрепленных пунктов, близ которых протекает река[33]. К тому времени монгольские войска включали достаточное количество китайских инженеров, имевших опыт и снаряжение, необходимое для ведения осадных работ.

Согласно Мирзе Улугбеку[34], монголы смогли взять Балх (1221 г.) лишь после того, как разрушили плотину Банди-Амир в верховьях реки Балхаб и затопили город и крепость. Пытавшихся спастись от наводнения горожан монголы ловили, выводили за черту города и убивали. Однако Рашид ад-Дин передает этот эпизод иначе: градоначальники изъявили покорность Чингисхану, но монголы под предлогом необходимости пересчитать горожан вывели их всех в степь и уничтожили, а город сожгли[35]. Из этого краткого рассказа трудно понять причины этой, казалось бы, совершенно неоправданной жестокости и вероломства. По Джувейни, поголовная резня в Балхе была вызвана близостью Джалал ад-Дина, в течение ряда лет оказывавшего монголам упорное сопротивление, и поэтому Чингисхан не доверял подчинившимся врагам. Бойня была столь жестока, что «долгое время дикие звери пировали на их [жителей Балха] плоти, и львы обращались без борьбы с волками, и грифы ели без ссоры с того же самого стола с орлами»[36]. На обратном пути, проходя опять через Балх, Чингисхан приказал лишить

лишить жизни всех, кто сумел спрятаться от монгольского меча, «и во второй раз стер все следы культуры с той области»[37].

Когда легендарный защитник Ходжента Тимур-малик укрепился с тысячью отважных воинов на острове посреди реки Сейхун (Сырдарья), монголы пригнали 50 000 человек хашара (так называемой «толпы», состоящей из пленного гражданского населения) и приказали пешком носить камни с горы, находившейся в трех фарсангах (около 20 км) от реки, и сыпать их в реку, чтобы устроить переправу до того острова[38]. Этот прием не помог монгольскому войску, так как воины Тимур-малика по ночам подплывали на судах и раскидывали камни, а спустя некоторое время, поняв, что держаться на острове становится невозможно, погрузились на суда и покинули его.

При осаде Гурганджа монголы попытались отвести от города воды реки Джейхун (Амударьи), на которой была построена плотина-мост. Три тысячи монгольских воинов внезапно ударили в середину плотины, чтобы пробить в ней брешь, но горожане окружили их и всех перебили. Эта победа придала осажденным мужества, и они усилили сопротивление. Когда город, тем не менее, был взят[39] и разграблен, захватчики затопили его. «Потом они открыли плотину, которою удерживалась вода Джейхуна от города; тогда вода хлынула в него и затопила весь город; строения разрушались, и место их заняла вода. Из жителей его положительно ни один не уцелел, тогда как в других местах некоторым удалось спастись: из них кто спрятался, кто бежал, кто вышел да потом спасся, кто сам ложился среди убитых и потом уходил; в Хорезме же тех, кто спрятался от татар, или затопила вода, или убили развалины. И превратилось все в груды и волны», - писал Ибн ал-Асир[40].

Угэдэй приказал Тайр-бахадуру разбить в районе Нишапура и Туса в Хорасане войско Карачу - эмира Джалал ад-Дина, и затопить водою его жилища и стоянки, но делать это не пришлось: Карачу уже был разгромлен Кол-Булатом и бежал в Систан[41].

В 1258 г. на подступах к Багдаду монголы, открыв плотины «большого пруда», затопили равнину позади багдадского войска, а затем, ударив на неприятеля, обратили его в бегство. Многие были убиты или утонули и увязли в иле[42].

А на Дальнем Востоке уже в 1233 г., осаждая последний оплот цзиньских императоров - г. Цайчжоу, монголы последовали примеру своих южносунских союзников, пробивших брешь в плотине, которая сдерживала воды озера Чай-тхань, служившего для осаждавших серьезной преградой. Вода ушла, и войска смогли пройти по дну бывшего озера, набросав под ноги хворост и тростник. Монголы также прорвали плотину и переправились под городские стены[43]. На следующий год, при первой серьезной военной стычке монголов с войсками Южной Сун, случившейся по вине некоторых недальновидных китайских сановников и пошедшего у них на поводу императора Ли-цзуна (1225 - 1264), т.е. еще до решения монгольского курултая начать войну со своими недавними союзниками, монголы открыли плотины на Хуанхэ близ г. Кайфына. Вода хлынула в озеро Цуньцюньдянь, находящегося к северу от города, и сунская армия утонула почти полностью, спаслись немногие[44].

Когда в 1251 г. на великоханский престол взошел Мункэ, он «от полноты высоких благородных помыслов» издал указ, чтобы в этот торжественный день все отдыхали и радовались, причем не только люди, но вообще все живые существа и даже вода и минералы. Заслуживает внимания, что хан распорядился «проточную воду не осквернять грязью и нечистотами»[45]. Не следует ли отсюда, что в обыденной жизни монголы бросали в реки нечистоты?

В доступных источниках мы не обнаруживаем каких-либо конкретных примеров загрязнения монголами рек, будь то на их родине или в покоренных странах. Пожалуй, единственное исключение - известный факт форсирования монгольскими войсками реки Хуанхэ зимой 1258 г. во время похода на

Южную Сун. Чтобы облегчить себе переправу, монголы насыпали землю на покрывавший реку лед[46].

В XII-XIII вв. реки в Монголии имели поэтический эпитет «прозрачные до черноты» (кара, хара), например Кара-Селенга и Кара-Орхон[47]. Такими реки могли быть, только если они не несли в своих водах муть и различные взвеси, обычно попадающие в водные артерии вследствие эрозии почвы в их водосборных бассейнах. Эрозию могли вызывать как естественные причины (сильные ветры, ливни и т.д.), так и человек. В современной Монголии развитию эрозионных процессов способствует распашка степей, особенно на склонах холмов, и сведение лесов либо вырубками, либо вследствие пожаров. При этом почвы Монголии в силу своих физико-химических и биологических особенностей эрозионно не устойчивы. В результате сотни тысяч кубометров почвы и продуктов выветривания горных пород поступают в водотоки, частично оседая в руслах, а частично переносясь дальше и попадая, в частности, в озеро Байкал. В период монгольских завоеваний распашка хотя и имела место, но была крайне незначительна, чтобы как-то сказаться на качестве вод. Вырубки, по-видимому, также не практиковались широко, несмотря на то, что древесина требовалась для изготовления повозок, вооружения и т.д.

В связи с вопросом чистоты рек трудно пройти мимо одного из монгольских способов казни, когда жертву бросали в речные воды. Так была убита Фатима - фаворитка регентши Туракины-хатун (правила монгольской империей в 1242-46 гг.), обвиненная в том, что навлекла колдовством болезнь на сына Угэдэя Кудэна. Сам клеветник, по имени Шира, был позже обвинен в том же грехе и предан смерти аналогичным способом[48]. Та же участь постигла Огул-Каймиш - вдову Гуюка[49]. Видимо, этот способ казни был собственно монгольским (точнее, центрально-азиатским), а не заимствованным монголами у какого-либо народа в период их экспансии, хотя, например, в «Сокровенном сказании» о нем не сообщается. В пользу этого предположения говорит тот факт, что жертву не

просто бросали в поток, а сначала закатывали в войлок, являвшимся одним из важнейших продуктов хозяйства монголов и остающийся таковым по сей день. Войлок в больших количествах используется в качестве покрытия стен и купола юрты и для других нужд кочевого быта. В сыром виде он очень тяжел, поэтому он не оставлял никаких надежд на спасение закатанной в него и брошенной в реку жертве. Приговоренный к смерти всегда оказывался важным лицом, почему, собственно, и удостаивался почетной казни без пролития крови. Считался ли он ритуально нечистым и загрязняющим реку не в обыденном, а сакральном смысле, не вполне ясно, как не ясно и то, мог ли он, напротив, расцениваться как своего рода жертвоприношение реке или, точнее, ее духу.

Современник монгольского вторжения в Закавказье знаменитый армянский историк Киракос Гандзакеци сообщает, что во время осады Багдада по приказу Хулагу через реку Тигр были переброшены понтоны, а течение перегорожено прочными сетями с железными крючьями, чтобы никто не смог скрыться из города вплавь. После падения города последний аббасидский халиф ал-Муста'сим (1242 – 1258 гг.) с сыновьями и знатью вышел к Хулагу, неся богатые дары, но тот не пощадил никого из них. При этом одного из сыновей халифа завоеватель приказал принести в жертву реке Тигру, «ибо она не согрешила против нас, - сказал он, - а содействовала уничтожению нечестивцев»[50].

Что касается подлинности этого рассказа[51], то мы, по крайней мере, имеем некоторые основания допустить такую возможность. Известно, что монголы совершали человеческие жертвоприношения, правда, не рекам, а знамени. Не исключено, что в данном случае Киракос Гандзакеци передает искаженную информацию о событии, свидетелем которого он не был, и сын халифа действительно послужил жертвой, но не р. Тигр, а боевому монгольскому знамени перед походом на Сирию. Он вполне мог подходить на эту роль как человек знатного происхождения.

По свидетельству того же автора, монголы в 1249 г. под предлогом, что грузинские князья задумали восстание, устремились во все концы Грузии, учинили избиение жителей, многих угнали в плен, а «бесчисленное множество мужчин, женщин и детей было брошено в реку»[52]. Но здесь, скорее всего, речь идет о том, что монголы просто загнали людей в реку и утопили, чтобы не утруждать себя их убиением.

Однако шли годы, покорение стран, в общем, завершилось, и складывающаяся монгольская администрация занялась в своих улусах уже не столько убийствами и грабежом, сколько благоустройством. Делалось это по уже имевшимся образцам и не могло не отразиться благотворно на состоянии окружающей среды.

В Китае монгольские политико-экономические настроения эволюционировали от призывов к полному уничтожению земледельческой культуры в пользу кочевой[53] до управления страной по традиционной китайской модели окитаившимися ханами. Еще до того, как хан Хубилай основал в Китае династию Юань, и даже раньше, когда при Угэдэе еще не была окончательно сломлена Цзинь, к управлению привлекались китайские чиновники, во многом благодаря деятельности советника Чингисхана и Угэдэя киданиня Елюй Чу-цая. Однако несмотря на сопротивление Елюй Чу-цая и его сторонников, в том числе и среди монголов, на севере Китая огромные площади возделываемой земли стали пастбищами, особенно в окрестностях Яньцзина и других крупных городов. Часть земель выделялась под пастбища ханами своим приближенным, однако, еще больше захватывалось монгольской знатью самовольно. В результате, размеры пастбищных угодий превзошли предел экономической целесообразности (ведь пережившее войну оседлое население тоже должно было чем-то питаться), и с середины 1260-х гг. Хубилай начал принимать меры по возобновлению распашки[54].

В то же время, судя по «Юань-ши» и другим источникам, в самой Монголии скотоводство в XIII-XIV вв. не разви-

валось[55]. Вследствие того, что нагрузки на пастбища практически не росли, а возможно, даже уменьшались, должно было произойти, до некоторой степени, естественное восстановление растительного покрова степей или, как минимум, на целые десятилетия могла существенно замедлиться их деградация (так называемая пастбищная дигрессия, являющаяся результатом перевыпаса).

В столичном городе Дайду, построенном по приказу Хубилая, «из каждой области привезли различные фруктовые деревья и посадили там в садах и на баштанах. Большинство [из них] приносят плоды»[56]. Еще он приказал отремонтировать Великий канал протяженностью около 1500 км от г. Ханьчжоу в провинции Чжэцзян до г. Тяньцзин в провинции Хэбэй; восстановительные работы производились в 1289-92 гг.[57] Вдоль канала тянулась широкая дорога, вымощенная камнем. По обеим ее сторонам были посажены ивы и другие деревья, дающие путнику тень. Никто, даже воины, не смели отломить от этих деревьев ни одной веточки или оторвать хотя бы один листок на корм животным[58]. Такие посадки делались по распоряжению хана вдоль главных дорог империи. Марко Поло заметил, что деревья высаживались через каждые два шага, и ко времени его прибытия они уже были велики и видны издали[59]. Надо полагать, в создание и поддержание этих аллей был вложен колоссальный труд, так как засушливый климат степей накладывает сильнейшее ограничение на развитие древесных форм растительности.

Разведение деревьев и озеленение не было в обычае у монголов, и даже в наши дни они делают это неохотно. Вероятно, Хубилай просто дал ход идее кого-либо из своих китайских советников. Говорить же о какой-то экофильности здесь тем более преждевременно, так как целью этих посадок было сделать дороги хорошо заметными среди бескрайних степей и облегчить путь людям в летнюю жару.

С другой стороны, нет оснований думать, будто монгольские ханы были совершенно безучастны к древесной зеле-

ни; источники свидетельствуют, что они поощряли разведение деревьев. Например, в одном из рассказов об Угэдэе Джувейни[60], а за ним и Рашид ад-Дин[61] сообщают, что хан построил недалеко от Каракорума дворец «Тузгу-Балык» («Тургу-Балык» у Рашид ад-Дина), в окрестностях которого никто никогда не видел зеленеющего дерева из-за царящих там холодов[62]. Один человек посадил несколько саженцев ивы и миндаля у подножия холма, на котором располагался дворец, и неожиданно они принялись и покрылись листвой. Угэдэй распорядился выдать тому человеку за каждое дерево по балышу[63].

На противоположном полюсе монгольской империи, во владениях ильханов, с течением времени также возобладала вторая, по И.П. Петрушевскому[64], линия монгольской политики в отношении покоренных земель, когда место безудержного грабежа, убийств, насилия и уничтожения материальных ценностей постепенно заняло упорядочивание управления, создание государственного аппарата, инфраструктуры, налаживание налогообложения и т.д. Правящая монгольская верхушка уже не стремилась к превращению пашни в пастбища и сама начала поощрять земледелие, подобно тому, как это происходило в Китае.

Уже Мункэ, якобы, наставлял Хулагу перед походом в Иран, чтобы он избавил крестьян от непомерных повинностей, привел в благоденствие опустошенные земли и приумножил свои летние и зимние пастбища за счет вновь завоеванных территорий[65]. Разумеется, исполнить эти пожелания было весьма непросто. Не говоря о разрухе - закономерном следствии захватнической войны, бедствием для страны явилось также то, что впоследствии монгольские царевичи и ханы часто враждовали друг с другом и не гнушались разорением городов и областей, как опорных баз противника. Наконец, весной 1269 г. монгольская знать собралась на лугах Таласа и Кенджека на курултай, где после недельных пиров царевичи пришли к согласию в том, что земля не возделана и «крайне опустошена». Была внесена ясность в вопрос о границах кочевий враждую-

щих сторон, и решено жить только в горах и степях, не вытаптывать пашни и не вмешиваться в дела оседлого населения[66]. При дальнейшем изложении событий в Иране Рашид ад-Дин не скупится на славословия в адрес ильханов, которые всячески оберегали возделанные земли от потравы. Спустя лишь год после курултая, в конце апреля 1270 г., когда на полях взошли посевы, Абага-хан (1265 - 1282), выступив из Азербайджана в поход на Ирак и Хорасан, постановил, чтобы «ни одна душа не причиняла вреда даже одному колосу»[67]. На обратном пути, после очищения Хорасана от смуты, он позаботился о том, чтобы «ни одной твари не было нанесено ни на кончик волоса беспокойства»[68]. Газан-хан, правивший в Иране в 1295-1304 гг., в сходных обстоятельствах не раз демонстрировал заботу о благополучии культурных ландшафтов, а в ходе осуществления знаменитых реформ, вдохновителем и проводником которых справедливо считается его везир, врач и историк Рашид ад-Дин[69], не оставлял без внимания сельское хозяйство страны. В частности, он даже санкционировал интродукцию растений, т.е. разведение различных «плодовых деревьев, трав и злаков, которых в Тебризе[70] не было, и которых никогда никто не видел»[71]. За семенами растений Газан-хан посылал гонцов даже в Индию, и эти начинания, по Рашид ад-Дину, вполне удавались[72].

Среди изданных этим просвещенным правителем указов появляются повеления откровенно экофильного содержания. Так, в грамоте Газан-хана, где перечисляются пожертвования на различные общественно полезные и богоугодные дела, предусматривается выделение средств на закупку пшеницы и проса для прокорма зимующих в Тебризе птиц. Зерно предписывалось насыпать на крыши домов, а на тех людей, кто мог бы позариться на кормящихся птиц, призывалось проклятие и гнев божий[73]. Однако наказание виновных, по-видимому, не предусматривалось.

Наконец, персидский историк сообщает анекдотические подробности об отношении Газан-хана к живым существам,

видимо, заслуживающие доверия. «Газан-хан был весьма мягкосерд и совсем не позволял мучить животных, так что даже если когда-нибудь в кушанье попадала муха, он вытаскивал ее своею благословенною рукою тихонько, чтобы не сломались ее крылья, клал [ее], чтобы она оправилась, и пускал ее лететь, однако он говаривал: «Убить невинного комара для меня тяжелее, чем преступного человека, ибо оставление в живых бунтовщика причиняет великий вред, особливо в делах государства и власти»»[74]. Этот эпизод интересен тем, что демонстрирует саму сущность экофильности. Аналогов ему в доступных источниках по монголам XIII-XIV вв. мы не находим. Все живое имеет право на жизнь, каким бы незначительным или подчас неприятным оно нам ни представлялось. Любое насекомое или травинка просто по факту своего бытия заслуживают места под солнцем, и не человеку решать, имеют они право на жизнь или нет. Конечно, можно и нужно совершать облавы на диких зверей, бить птицу или рубить деревья для своих нужд. Убиение вследствие необходимости не может расцениваться как преступление против жизни; без этого невозможно жить человеку. Безусловно, не должен ждать пощады тот, кто сознательно раздувает пламя мятежа, идет против воли хана. Однако преступлением является лишение жизни кого бы то ни было без нужды. Разумеется, Рашид ад-Дин идеализировал образ своего патрона. Трудно ожидать от придворного историка полной объективности в вопросах, касающихся его господина и благодетеля. Тем не менее, сам факт чрезвычайно интересен еще и тем, что опровергает мнение ряда современных ученых о принципиальной несовместимости монотеистических религий и экофильности. Был ли Газан-хан не чужд экофильности лишь потому, что не проникся всецело духом ислама? Или, наоборот, пребывание в культурной мусульманской среде сделало его мягче и, можно даже сказать, сентиментальней? К сожалению, недостаток сведений по аксиологии природы у средневековых монголов дает не просто искаженную, а реверсированную картину: складывается впечатление, что чем больше вре-

мени проходило после монгольского нашествия, тем экофильнее они становились. Если во времена Чингисхана монголы-шаманисты[75] без колебаний сжигали города, не щадя ни людей, ни животных и растений, вырубали сады, вытаптывали посевы, ломали скалы, запруживали реки и т.д., то теперь, приняв ислам, начали проявлять по отношению к окружающему миру известную предупредительность. По-видимому, это явление действительно имело место и проистекало из признания захваченных земель своими не только в правовом, но и в сакральном смысле.

Известно, что в паре с Вечным Синим Небом (Тэнгри), игравшем роль верховного божества монголов и других народов Центральной Азии, выступала Мать-земля - Этуген-эхэ[76]. Поверхностью тела этой богини считалась земная твердь, и в этом одна из причин сакрализации пространства в центральноазиатских культурах. Согласно монгольской средневековой концепции власти, Небо наделяет хана особым качеством - харизмой, которая и делает его власть легитимной[77]. Очевидно, Небо могло быть только одно, даже если допускать его подразделение на слои, сферы и т.п. К нему апеллировали монгольские ханы и полководцы, даже находясь далеко от Монголии. Более того, осенью 1222 г. Чингисхан, близко познакомившись с основами мусульманского вероучения, одобрил их, найдя лишь обязательный хадж в Мекку излишним, так как весь мир он видел домом Бога (т.е. Вечного Неба - Тэнгри)[78]. Небо санкционировало существование лишь одного своего законного, обладающего всей полнотой власти, представителя на земле, именно монгольского хана. Остается предположить, что и Этуген тоже должна быть одна, и различные монгольские и тюркские роды, пусть и враждовавшие между собой, кочевали по ее единому и неделимому телу. Каковы же ее географические границы? Охватывали ли они всю тогдашнюю ойкумену или совпадали с границами расселения монгольских и тюркских племен? Ведь представляется бесспорным, что чу-

жая земля не могла называться матерью и удостаиваться ежедневных жертвоприношений[79].

Начальный период монгольской экспансии, проходивший под лозунгом «объединения народов, живущих за войлочными стенами», преследовал цель создания в центральноазиатских степях новой кочевой империи - преемницы империй хунну, древних тюрков и т.д. К этому широкому замыслу отнеслись с пониманием не только монголы. Поэтому поход Джучи в Южную Сибирь и Северо-восточный Казахстан в 1207 г. обошелся практически без кровопролитий, с восточнотуркестанскими правителями в 1211 г. были заключены «союзы мира и родства», а при очищении Восточного Туркестана от найманов Кучлука в 1218 г. местное население приветствовало монголов как освободителей. По этой же причине перечисленные земли считались не завоеванными, а присоединенными, т.е., по существу, не чужими, а исконно своими[80]. А когда Чингисхан решал вопрос о наследнике образованной им империи и советовался со своими сыновьями, он, видимо, не считал подвластные ему страны не пригодной для жизни монголов чужбиной. Не соглашаясь с предложением Чагатая и Джучи о совместном управлении империей под началом Угэдэя, Чингисхан сказал слова, вроде бы, подтверждающие расширение границ Этуген-эхэ по меньшей мере до традиционных пределов кочевых государств древности: «Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше - будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья»[81].

Важным атрибутом «своей» земли у тюркских и монгольских народов Центральной Азии было, да и сейчас остается, *обо* - в простейшем случае, куча камней с воткнутыми в нее ветками, понимаемая как обиталище духа-«хозяина» (или место его схождения на землю). Не вызывает сомнений генетическая связь культа *обо* с культом предков, которые после своей смерти, как считалось, становились гениями-хранителями членов рода и родовых земель. На *обо* призывали и чествовали

духов, подтверждали свое единение с предками и с территорией обитания. Наличие этих сооружений - визуальный признак того, что территория находится под протекцией духов, и непочтительное к ней отношение либо те или иные отступления от традиций природопользования чреваты их гневом. Эти своеобразные «пра-храмы» можно встретить и на пограничных землях, например, на перевалах, разделяющих владения различных родов или племен. «Хозяевами» таких *обо* будут, скорее всего, персонифицированные силы или явления природы, считаться с которыми людям приходилось независимо от родовой принадлежности.

О почитании *обо* в средневековых источниках о монголах говорится чрезвычайно мало. Даже европейские путешественники не обмолвились о них совершенно, хотя эта традиция насчитывает в Центральной Азии тысячелетия и не могла не обратить на себя их внимания. Тем интереснее скупые упоминания о создании *обо* монголами на захваченных территориях, в иной этнокультурной среде, что можно пытаться интерпретировать как признание монголами наличия духов-«хозяев» в чужих землях, причем «хозяев», с которыми можно вступать в конструктивные отношения.

В Иране сооружение одного из *обо* имело длинную предысторию. Аргун-хан (1284 – 1291 гг.) поставил эмиром Хорасана Новруза, сына Аргун-ага из рода ойрат. В 1289 г. Новруз поднял мятеж, на подавление которого потребовалось несколько лет, пока в конце 1294 г. мятежный эмир не послал гонца к Газан-хану с изъявлением покорности и просьбой о помиловании. По такому случаю Газан-хан лично отправился к Новрузу и расположился недалеко от его ставки, на вершине холма, куда незамедлительно прибыл сам Новруз с супругой. Три дня длился пир, и поскольку винные запасы там были скудны, запивали примирение водою, а Газан-хан приказал «воздвигнуть вышку, которую монголы называют оба»[82]. По мнению монгольского историка Н. Ишжамца, это доказывает, что монголы не только не утратили культ *обо* в период импе-

рии, но и следовали ему даже оказавшись в чужих землях[83]. Но не может ли сооружение *обо* как раз и указывать на признание монголами чужой земли как своей в сакральном отношении[84]? Если это так, то на нее должен был распространяться весь комплекс анимистических представлений и вытекающих из них норм природопользования, ведя к относительно меньшим нагрузкам на окружающую среду и тем самым, способствуя ее сохранению. Возможно, события так и разворачивались бы, если бы Хулагуиды не приняли ислам с его мировоззренческими установками по отношению к природе, считающимися современными экологами и философами (если только они сами не мусульмане) однозначно экофобными, а немного времени спустя их государство не распалось.

Другой хорошо известной формой активного воздействия монголов на живую природу, которая позволяет, с той или иной степенью достоверности, оценить их ценностное отношение к окружающей среде, была охота. Она играла в монгольском обществе особую, очень важную роль, далеко не ограничивающуюся потребностями людей в добывании мясной пищи. Охоты были как индивидуальными, так и общественными - облавными[85]. Ханские охоты, помимо развлечения и пополнения мясных запасов, преследовали цель тренировки воинов, выработки слаженности боевых действий, что было необходимо в дальних военных походах. Чингисхану приписывают такие слова, имевшие статус закона: «Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова - учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навыкали к бою и обретали силу и выносливость и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя [себя]»[86]. В таких охотах могли принимать участие представители различных родов и племен. По предположению Б.Я. Владимирцова, роль охот в сплочении племен с ханом во главе была даже большей, чем войны[87]. Военное искусство монголов, несомненно, выросло из навыков ведения больших облавных охот, так как монголы использовали в военных операциях те же приемы, что и на охоте[88]. Терпеливое

подкрадывание к стадам оленей научило номадов посылать вперед молчаливых, держащихся невидимыми разведчиков для наблюдения за добычей или врагом. Использование линии загонщиков научило их особому движению (tulugma), которое позволяло им охватывать с флангов оба крыла вражеской армии, как бегущее по степи стадо диких животных. Монголы появлялись неожиданно, развертывались в боевой порядок и закрывали собой горизонт. Сначала они скакали в молчании, вселяющем в сердце врага трепет, и осуществляли маневры без выкриков команд, по сигналам флажков. Затем внезапно, в подходящий момент, атаковали с пронзительными криками. Это были освященные веками традиционные хитрости охотника, ищущего способы, как сбить с толку жертву, чтобы подчинить ее своей воле. Монгол и его конь охотились на китайцев, персов, русских и венгров точно так же, как они охотились на антилопу или тигра. Монгольский лучник разил рыцаря аналогично тому, как он сбивал орла с высоты его полета. Самые замечательные кампании монголов, имевшие место в Трансоксиане, т.е. за рекой Окс - Амударьей, и в Венгрии - должны были выглядеть как гигантские облавы, задуманные с целью утомить «дичь», сбить ее с толку, исчерпать ее силы и окружить, а уже потом довести кампанию до конца методичным уничтожением врага[89]. При поимке кипчакского предводителя Бачмана, долгое время тревожившего монголов набегами и благополучно ускользавшего от преследователей, войска Мункэ и его брата Бучека на реке Итиль (Волге) выстроили по обоим берегам реки «nerge», т.е. линию, аналогичную линии загонщиков во время облавных охот[90], и покончили с ним.

По Н.Ц. Мункуеву, самым ранним источником, в котором подробно описан один из видов облавной охоты у монголов, является «Хэй-да ши-люе» («Краткие сведения о черных татарах»), составленный послом Южной Сун Сюй Тином в 1237 г., вскоре после его возвращения из Монголии. Он совершил свое путешествие в 1235-36 гг., а двумя годами ранее к монгольскому двору ходил другой южносунский посол - Пэн

Да-я, тоже оставивший записи об увиденном, которые Сюй Тин объединил со своими. Благодаря Пэн Да-я мы можем получить представление об облавной охоте того времени. «Их обычай - стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. [Они] выкапывают ямы и втыкают [в них] колья. [Последние] соединяются между собой волосяными веревками, а [к веревкам] привязываются [лоскутки] войлока и птичьи перья. [Это] как при ловле зайцев при помощи сети у китайцев. [Веревки] тянутся [кругом] до 100-200 ли[91]. Так как на ветру колышутся перья [и лоскутки войлока], то перепуганные звери не осмеливаются перебежать. После этого [люди] окружают [огороженный участок, постепенно] прижимая зверей к середине круга, ловят и бьют [их]»[92]. Обслуживание таких охот было для простых монголов тяжелой повинностью. Сюй Тин видел в пути немало станционных (ямских) лошадей со срезанными гривами. Монголы объяснили ему, что они сдали срезанный конский волос в орду для изготовления веревок, применявшихся на охоте. Охотничий сезон длился с девятой луны до второй[93], т.е. со второй половины сентября - первой половины октября до второй половины февраля - первой половины марта, когда дичь была упитанной, а мясо убитых зверей легко сохранялось благодаря морозам.

Упоминания о звериных облавах имеются в «Сокровенном сказании»[94]. Нередко они совершались во время или после военных походов, и иногда сопровождались несчастными случаями. Например, раненый в бою с кереитами мангутский Хуилдар, не слушая запретов Чингисхана, примкнул к охотящимся после битвы воинам и бросался на дичь. Раны его открылись, и он умер[95]. Сам Чингисхан однажды тоже пострадал, упав с лошади во время охоты на куланов, когда его войско шло окончательно покорять тангутское государство Си Ся[96]. Из-за этого даже хотели отложить поход до его выздоровления, но Чингисхан настоял на продолжении кампании.

На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов мы можем предположить, что облавные охоты в самой Монголии до начала монгольской военной экспансии мало отличались от охот за ее пределами, ведущихся в период военных кампаний и позже, во времена монгольского владычества. По-видимому, монголы не пользовались тем преимуществом, что дичь бегала по чужой земле, и ее охраняли чужие духи-«хозяева» (если вообще охраняли, по представлениям монголов того времени), и убивали ее в Северном Китае или Семиречье за раз не больше, чем в самой Монголии. Они так же не доводили бойню до конца, как и в родных степях (см. ниже), и эта традиция, широко трактуемая ныне как экофильная, оказывается, таким образом, «экспортирована» далеко от мест ее зарождения.

Сравнительный материал по XII – началу XIII вв. небогат. Важнейшие источники по истории и этнографии монгольских племен до и в процессе их консолидации под властью Чингисхана - «Сокровенное сказание» и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина - не дают подробных описаний облавных охот и сообщают о них мимоходом как о вполне заурядных событиях, главным образом, в связи с какими-либо важными политическими или военными коллизиями. Как правило, фиксируется сам факт охоты, без раскрытия ее «технологии». Это закономерно, так как монгольским авторам, надо полагать, такие вещи не представлялись заслуживающими внимания как привычные и само собой разумеющиеся. Поэтому наиболее подробную и ценную информацию мы извлекаем из более поздних китайских, персидских, европейских и других сочинений, для авторов которых нравы и обычаи монголов были новы. Повышенный интерес к правилам звериных облав монголов не был случайным еще и потому, что они являлись частью средневекового монгольского законоуложения - Великой Ясы, авторство которой традиция приписывает Чингисхану. Полный ее текст не обнаружен, но фрагментарно представлен в сочинениях ряда средневековых авторов. Именно в связи с Ясой эти

правила подробно излагает Джувейни, утверждающий, что Чингисхан уделял охоте огромное внимание и любил повторять, что это достойное занятие для командиров армий и хорошая тренировка для воинов:

«Когда монголы хотят поохотиться, они сначала высылают разведчиков, чтобы выяснить, какая имеется дичь и редка ли она или обильна. И когда они не участвуют в военных действиях, то всегда полны желания к охоте и поощряют свои армии к этому занятию не ради одной только добычи, а чтобы они могли также приучиться к охоте, освоиться с луком и привыкнуть к перенесению трудностей. Когда бы хан ни выступал на большую охоту, которая бывает в начале зимы, он издает указы, чтобы войска, расположенные вокруг его ставки и по соседству с ордой, подготовились к охоте, снаряжая по несколько человек из каждого десятка в соответствии с предписаниями и доставляя снаряжение, а именно оружие и другие вещи, потребные для того места, где хотят охотиться. Правое и левое крылья и центр армии выстраиваются и вверяются великим эмирам; и они выступают вместе с царственными дамами и наложницами, имея запасы пищи и напитков. В течение месяца, или двух, или трех, они формируют облавное кольцо и гонят дичь перед собой медленно и постепенно, заботясь, чтобы ничто не ускользнуло из кольца. Если же что-нибудь из дичи вырвется [из кольца], то производят тщательное расследование этого случая, и командиры виновных тысяч, сотен и десятков подвергаются побоям, и часто даже умерщвляются. А если, например, человек не держит линию (которую они называют nerge), а делает шаг вперед или назад, на него налагают жестокое наказание и никогда не прощают. Два или три месяца, днем и ночью, они гонят дичь таким способом, как стадо овец, и отправляют хану послания, чтобы информировать его о состоянии преследуемой добычи, ее скудости или обилии, куда она пошла и где был начат ее путь. Наконец, когда кольцо облавы сжимается до диаметра двух или трех фарсангов, они связывают вместе веревки и бросают поверх них войлоки[97]; тем

временем войска останавливаются вокруг этого кольца, стоя плечом к плечу. Теперь кольцо наполняется криками и смятением дичи всякого рода и ревом и суматохой различных диких зверей; все думают, что назначенный час «*И когда животные соберутся*»[98] наступил; львы становятся близки с дикими ослами, гиены дружелюбны с лисами, волки - приятелями с зайцами. Когда кольцо сократится так сильно, что звери не могут пошевелиться, первым в него въезжает хан с кем-нибудь из своей свиты[99]; затем, утомившись этим развлечением, они слезают с коней где-нибудь на высоком месте в центре наблюдать [охоту], а принцы таким же образом вступают в круг, а после них, в должном порядке, нойоны, командиры и войска»[100].

Общим правилом было отпускать некоторую часть животных после того, как сначала знать, а затем рядовые воины вдоволь натешатся избиением дичи, загнанной в заранее намеченное место, откуда она не могла скрыться. В этом обычае современные исследователи видят, как минимум, рациональное отношение к охотничьей фауне, заботу средневековых кочевников о сохранении природных богатств. Иногда говорят даже об особом «экологическом» мышлении номадов. Но так ли было на самом деле? Действительно ли монголами двигала любовь или сострадание к животным?

Представляется бесспорным, что участники звериных облав, независимо от своего социального положения, убивали в первую очередь наиболее крупных, красивых, упитанных и здоровых животных, а до худших очередь могла не дойти, и именно этим-то особям даровалась, в конце концов, жизнь и свобода. Об этом прямо сообщает Джувейни: «Затем, когда среди дичи не останется ничего, кроме нескольких раненых и истощенных [животных], старики смиренно подходят к хану, возносят молитвы за его благополучие и ходатайствуют за жизни остающихся животных, прося, чтобы тем было позволено отправиться в какое-нибудь место поближе к траве и воде»[101]. Упомянутое заступничество стариков было частью охотничьей традиции. Затем наступал черед подсчета трофеев. Всю

Всю добытую дичь сносили в одно место, и либо пересчитывали всю по видам, либо, когда ее было очень много, только хищников и диких ослов.

Еще одно подтверждение не вполне экофильного характера монгольских звериных облав также приводит Джувейни в рассказе об охоте на диких ослов в местечке Утуга, находящемся на пути из Чимкента в Аулие-Ата (современный Джамбул), устроенной Чингисханом и его сыновьями перед возвращением из Западного похода. Стада ослов гнал перед собой старший сын Чингисхана Джучи[102]; от долгой и тяжелой дороги их копыта стерлись, и поэтому они, как говорили, были подкованы конскими подковами, чтобы охота все-таки могла состояться. Уставших животных можно было «схватить рукой». Бойню прекратили, только когда остались в живых лишь худые ослы, очевидно, не годящиеся в качестве трофея. Их клеймили и выпустили на волю[103].

С биологической точки зрения, принципиальной особенностью облавной охоты по сравнению с индивидуальной было то, что даже наиболее сильное, выносливое, быстрое, ловкое животное имело равные, и порой даже меньшие, шансы на выживание со слабыми и больными, так как перечисленные качества не давали ему преимуществ - бежать было некуда, а прятаться от зорких монгольских охотников негде. Таким образом, в процессе монгольских облав происходил как бы «искусственный отбор наоборот»: лучшие животные гибли, а выживали более слабые, больные и увечные, и затем оставляли потомство, которое, скорее всего, не отличалось хорошими генетическими свойствами.

Кроме того, по-видимому, монголы не щадили молодняк. Увещевая сыновей убитого чжурчжэнями Амахай-хана, которые постоянно ссорились между собой из-за дележа охотничьих трофеев, Кудэй Сэчэн привел им в пример дружных потомков Хабул-хана, прадеда Чингисхана: «В увалах ведут они облаву, оленьих детенышей убивают они, деля мясо олень-

оленьих детенышей, говорят: "Попируем, друг другу окажем честь!"»[104].

Вместе с тем, тот же Джувейни описывает любопытный случай, произошедший во время облавной охоты Угэдэя, как будто свидетельствующий в пользу того, что монголам не было чуждо сострадание к животным. Однажды зимой, когда облава шла по заведенному порядку, Угэдэй расположился на вершине холма, наблюдая финальную сцену. И вдруг всякая дичь, повернувшись в сторону хана, подняла жалобный вопль, как просители справедливости. Угэдэй приказал отпустить их всех на волю и не причинять им никакого вреда[105].

Между монгольской правящей верхушкой существовала конкуренция за охотничьи ресурсы. Источник донес до нас признание Угэдэя: «Из жадности я все боялся, как бы дикий зверь не перебежал к моим братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев»[106]. Впрочем, в районе Алмалыка и Куйаса его брат Чагатай оборудовал себе участки для облав таким же точно образом[107]. Позже Хубилай тоже устраивал огороженные «заповедники» для развлечения охотой, в том числе включая их в дворцовые комплексы, описание которых оставил Марко Поло: «А вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов, рек и лугов; великий хан держит тут всяких зверей: оленей, ланей и антилоп; ими он кормит своих соколов в клетках. Раз в неделю сам ходит их смотреть. В эту равнину, что обнесена стеной, великий хан ездит часто на коне, с собою везет леопарда и выпускает его на оленя, лань или на антилопу, а что поймает, то соколам в клетках. Развлекается он так в свое удовольствие»[108].

По-видимому, Хубилай строго следил за тем, чтобы запасы охотничьих животных в его государстве не оскудевали, для чего установил определенные сроки охоты. «Во всех местах, где великий хан властвует, знайте еще, по истинной правде, никакой царь, никакой князь и ни один человек не смеет охотиться на зайцев, оленей, ланей и антилоп, на всех зверей,

что плодятся с марта по октябрь[109]; а кто противное учинит, жестоко раскается. Великий хан установил так, и приказу его, скажу вам, повинуются; зачастую зайцы, лани и другие звери, что я называл, идут прямо к человеку, и никто их не трогает и зла им никакого не делает»[110]. Особой известностью пользовались такие места ханских охот, как Большая орхонская равнина и Желтая степь в провинции Шаньдун[111]. Некоторые интересные детали к описаниям ханских охот добавляет францисканский монах Одорико де Порденоне, посетивший империю Юань в 1320-х гг., в правление правнука Хубилая Йесун Тэмура. В частности, он говорит о том, что охота велась в императорском лесу в двадцати днях пути от Пекина. Загонщикам помогали охотничьи собаки. Хан восседал на слоне, а знатные монголы пускали в дичь стрелы разной окраски. Поскольку при юаньском дворе видную роль играли буддийские ламы, традиционный выпуск на волю оставшейся в живых дичи мотивировался уже не только тем, что так поступал сам Чингисхан, но и буддийским требованием сострадания ко всем существам[112].

Правивший в Иране Газан-хан тоже приказал построить среди гор изгороди из жердей и хвороста, сходящиеся клином. Туда загоняли зверей. «Часть их перебили, а часть отпустили на волю», - пишет Рашид ад-Дин[113].

Аналогия между облавной охотой и военным походом наводит на мысль, что монгольская этика не делала принципиального различия между вражескими воинами и дикими животными: в согласии с Ясой, те и другие в равной мере должны были либо подвергаться смерти, либо быть пощаженными, смотря по обстоятельствам[114]. Однако разница быть должна.

Традиционное мировоззрение кочевников Центральной Азии допускало бытие поистине неисчислимого количества различных сверхъестественных существ, имевших разный генезис, иерархически организованных и выполняющих свои особые функции, враждебные, благожелательные или безразличные человеку. Весьма многочисленным и очень древним

разрядом потусторонних сил были духи-«хозяева», чья задача, как видно из их наименования, заключалась в сохранении патронируемых ими объектов или явлений, чаще всего природных, - различных стихий, гор, рек, урочищ, источников, рощ и т.д., вплоть до отдельных экземпляров растений или животных и даже камней. Будучи хранителями, они беспощадно наказывали всякого, кто посягал на их «собственность» без соблюдения определенных ритуалов умилостивления, задабривания специальными молитвенными формулами или подношениями. Существенной чертой культа духов-«хозяев» была та, что ни высокое общественное положение, ни богатство не давали нарушителю ни малейшего преимущества и снисхождения. Кара была неотвратимой. Проиллюстрируем данный тезис примером из китайской династической истории «Суй-шу», как максимально близким к вопросу об охоте.

Каган туцзюэсцев Шаболюэ, правивший в 582-587 гг., послал своего сына с дарами к императору династии Суй и попросил дозволения поохотиться в его владениях, на территории нынешней провинции Шэньси. Просьба была удовлетворена, и каган, убив собственноручно 18 оленей за один день, отрезал у них языки и крестцы в подарок императору. При возвращении с охоты у него сгорела походная юрта, в чем Шаболюэ усмотрел дурное предзнаменование. Он немедленно направился в свою ставку, но было уже поздно: он сильно заболел и через месяц скончался[115]. «Суй-шу» приписывает эту расправу с преступившим законы степей каганом самому Небу, чему не приходится удивляться: по китайским представлениям, духи не выполняют функции «хозяев» объектов природы (в центрально-азиатском смысле), и если и причиняют людям неприятности, то зачастую безо всякой мотивации, в противоположность «хозяевам» Центральной Азии. Таким образом, остается один беспристрастный и неподкупный судья - Небо.

Вполне вероятно, что не только в китайских, но и в монгольских представлениях рассматриваемой эпохи покровительство дичи осуществляло Вечное Синее Небо - верховная

сущность древней монгольской религии, играющая роль божества-демиурга, так как облавные охоты были связаны с фигурой хана - ставленника Неба на земле. Возможно, именно поэтому, ханы не имели права вести облавы против сложившихся правил, в частности, убивать животных больше, чем было заведено. Отход от норм и стереотипов в традиционных культурах, как правило, ведет к негативным последствиям, даже если нарушителем будет правитель. Впрочем, пересказавший эпизод с Шаболюэ Л.П. Потапов не сомневается, что кагана наказал не кто иной, как дух-«хозяин» местности, где тот охотился[116].

Итак, 18 оленей оказалось достаточно, чтобы вызвать смертельный гнев духов. В случае облавных охот монголов счет жертв, очевидно, мог идти на сотни и тысячи, но остается неизвестным, кто должен был нести персональную ответственность перед Небом или сверхъестественными «хозяевами» этих животных - инициатор облавы, т.е. хан, или каждый ее участник, и подразумевалась ли ответственность вообще.

Квоты добычи пока остаются за пределами возможностей их оценки, причем мы делаем акцент именно на том количестве диких животных, которое считалось допустимым лишить жизни в течение одной облавы без боязни мести со стороны духов-«хозяев» или Неба, а не фактические цифры, которые могли варьироваться в каждом конкретном случае. Ориентировочно, в живых оставляли не более 3-5 процентов попавших в облаву животных, но не исключено, что и эти цифры сильно завышены. Такая «щедрость» духов может, в принципе, указывать на то, что их культ у монголов в то время еще не сложился окончательно и не включал «хозяев» фауны. По крайней мере, из источников XII-XIV вв. трудно извлечь что-либо в подтверждение веры монголов в духов-хранителей промысловых животных. Фигура покровителя дичи Баян Хангая появляется только в более поздней мифологии монгольских народов, главным образом обитателей таежных ландшафтов[117].

Совершались ли у монголов в средние века перед облавой какие-либо ритуалы с целью испросить у духов разрешение взять из их владений некоторую часть фауны, доступные нам источники также не сообщают. В то же время, имеется очень много свидетельств о попытках индивидуальных охотников или их малых групп вступать с духами в контакт, чтобы обезопасить себя и обеспечить охотничью удачу, в новое время и даже в наши дни. Более того, без этого вообще немыслимо было начинать добычу зверя. Однако в настоящей статье мы не ставим перед собой задачу обсуждения этих сторон охотничьих традиций ввиду их относительной молодости и того серьезного влияния, которое на них оказал буддизм[118].

Тот факт, что страх перед «хозяевами» существовал у предшественников монголов на исторической арене, еще не дает основания говорить о его как бы автоматическом наследовании монгольскими племенами. Многие анимистические представления заимствовались монголами из Тибета параллельно с принятием буддизма с конца XVI в. Так, есть основания полагать, что опасения потревожить духов земли пахотой или духов воды загрязнением или запруживанием рек пришли из Тибета, где с подобными проблемами приходилось сталкиваться еще мифическим царям древности[119].

Итак, проведенный анализ позволяет предположить, что монголы в XIII-XIV вв. во взаимоотношениях с окружающей средой не отличались особенной экофильностью и относились к природе, в общем, вполне трезво и расчетливо, а нередко чисто потребительски. Тем не менее, в их культуре можно обнаружить целый ряд экофильных черт, которые кратко охарактеризованы ниже. Их источником были как рациональное знание и практический многовековой опыт, так и иррациональные воззрения.

Цикличность кочевок в согласии с ритмами природы, что позволяло траве (и в какой-то степени почве) восстанавливаться на одних пастбищах, пока стада находились на других.

Правильная смена пастбищ соблюдалась не только в Монголии, но и в покоренных странах.

Культ родовых гор, на которых устраивались «заповедники» («хориги») - места ханских захоронений. Экофильность этой традиции относительна, так как эти «заповедники» создавались как места упокоения останков членов правящего рода и под страхом смерти оберегались от проникновения посторонних лиц, а сбережение в целостности природной среды при этом, вероятно, специально не предусматривалось, хотя фактически природа там была также под охраной. Со временем этот обычай отошел в прошлое, и если раньше ханов, умерших где-то на чужбине, везли для погребения в Монголию, в горы, то впоследствии обряд погребения проводили на месте в соответствии с нормами вновь принятой религии.

Культ Этуген, как важная часть шаманского культа природы. Однако даже там, где ассоциированность земной поверхности с богиней Этуген не вызывает сомнений, т.е. в самой Монголии, нам пока остаются неизвестны связанные с ней запреты, бытовавшие в XII-XIV вв., практически любой из которых можно было бы истолковать как экофильный. Согласно Плано Карпини[120], монголы очень боялись ее гнева, но не ясно, что должно было вызывать гнев. Предположительно – ее осквернение или отступление от традиционных правил природопользования.

Обычай оставлять в живых некоторое количество животных в ходе облавных охот, несмотря на обсужденные выше противоречия, все же может считаться экофильным.

Что касается известного запрета убивать тотемных животных (волк, лань), то, по-видимому, он сложился не при жизни Чингисхана[121], а позже, параллельно с утверждением его культа. Если допустить, что эти животные действительно были тотемами «золотого рода», т.е. борджигинов, что принимается не всеми исследователями[122], то для других родов и тем более этносов, объединенных Чингисханом, они могли ничего не значить и служить обычными охотничьими трофеями.

Строгий контроль за сроками охоты со стороны ханов. Создававшиеся монгольской знатью прообразы современных охотничьих заказников, также обозначавшиеся термином «хориг», упорядочивали промысел дичи.

Запрет ловить и убивать молодых птиц, о котором говорит Плано Карпини[123].

Обычай полностью утилизировать продукцию животноводства и охотничью добычу, стремление к тому, чтобы ничего не пропадало зря. Полагают, что это правило ввел Чингисхан[124].

Какие изменения претерпели эти традиции в «темный период» истории монгольского общества, длившийся с конца XIV в. по конец XVI в., стала ли монгольская культура более экофильной или наоборот, еще предстоит выяснить. Существенно то, что с этого времени исторические и этнографические материалы по монголам ограничиваются, главным образом, собственно Монголией, кочевой средой.

Затем в Монголии появляется новый немаловажный экологический фактор - буддизм. Первая волна буддийской проповеди затронула преимущественно, если не исключительно, верхушку монгольского общества, и то лишь в юаньском Китае (хотя буддизму симпатизировали и первые ильханы Ирана, даже отдававшие ему предпочтение перед несторианством). С падением монгольского владычества влияние этой религии быстро затухает практически повсеместно в своем новом ареале, и лишь в конце XVI в. она вновь начинает свое - на этот раз триумфальное - шествие по монгольским степям. Буддизм предложил альтернативу традиционному образу поведения человека перед лицом природы, не порывая в то же время полностью с прежними обычаями и нормами. Он дал выход заложенному в человеке чувству сострадания к живым существам, тем более что пора захватнических войн миновала, феодальные распри со временем затухли, и нравы кочевников постепенно смягчились. В этом процессе, безусловно, самое ак-

тивное участие принимала цинская дипломатия, извлекавшая из умиротворения кочевников немалую выгоду.

Наряду с тщательно и всесторонне разработанными еще в Индии и Тибете онтологией, космологией, логикой, историософией, психологией, медициной и т.д., «Желтая вера» несла в себе мощный анимистический пласт, во многом созвучный монгольскому, но переосмысленный в духе буддийского учения. Буддизм отчетливо показал принципиальное равенство человека с прочими живыми существами, вращающимися в колесе сансары, и языком логики обосновал важность непричинения вреда кому бы то ни было, вплоть до насекомых. Природа была включена в этику на сознательном уровне, в отличие от интуитивного при господстве шаманизма. Принцип ахимсы, т.е. непричинения вреда, зародившийся в Индии в VIII в. до н.э. и затем вошедший важнейшей составной частью в учение Будды, достиг Монголии и, действуя синергетически с другими факторами, преобразил кочевников настолько, что становится трудно поверить в тот огненный смерч, которым прошли их армии несколько столетий назад по колоссальным пространствам Евразии, не щадя ни людские жизни, ни природную среду.

Это преображение хорошо иллюстрируется историей знаменитого проводника буддийских идей в Монголии Нейджи-тойона (1557 – 1653 гг.). В юношеском возрасте он однажды на охоте ранил в живот самку кулана, которая должна была вскоре родить. Из ее распоротого брюха выпал детеныш и лежал, мучительно корчась, а мать принялась ласково его облизывать. Эта сцена потрясла чувствительную натуру юноши, он там же бросил свое оружие и с тех пор стал ревностным адептом религии, которая учила не убивать даже диких зверей[125].

Вдохновляясь подобными идеалами, буддийские ламы внедряли в сознание народа идеи о равенстве людей с другими существами, о необходимости сострадать и помогать им. Конечно, монгольские последователи Шакьямуни не могли полностью соблюдать его заповеди из-за кардинальной разницы в

природно-климатических условиях, но «экологизация» общественного сознания монголов представляется несомненной. А поскольку происходящий в наши дни возврат к традиционным ценностям в Монголии и Бурятии фактически означает оживление буддийских культов, накопленный этими народами «экологический багаж» способен стать в Центральной Азии реальной природосберегающей силой.

---

[1] Экофильными в этнологии называют те грани культуры этноса, которые способствуют сохранению среды обитания в противоположность экофобным, ведущим к ее деградации и разрушению. Термины ввел С.А. Арутюнов. См.: *Арутюнов С.А.* Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн. АН СССР. – М., 1980. – № 12. – С. 96. Несмотря на более чем двадцатилетнюю разработку идеи экофильности, количественное выражение этого феномена, по-видимому, еще не было предложено, в силу чего можно пока оперировать только качественными определениями. Критерии экофильности также не очерчены четко. По-видимому, важнейшим из них будет включение природы в систему этических отношений.

[2] *Плано Карпини.* История могалов // Путешествия в восточные страны. – М., 1997. – С. 56.

[3] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб., 1884. – Т. I. – С. 17.

[4] *Juvaini, Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. Trans. by J.A. Boyle. – Manchester Univ. Press, 1997. – P. 177.

[5] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Пер. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 137.

[6] *Серов В.М.* Поход монголов в Корею 1231-1232 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 156.

[7] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. О.И. Смирновой. – М.-Л., 1952. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 219.

[8] Там же. – С. 233.

[9] Там же. – С. 258.

[10] Поэтому Р. Груссе в определенном смысле прав, когда говорит об отсрочке «ритуального» разрушения монголами г. Газни. См.: *Grousset R.* The Empire of the Steppes. – Rutgers Univ. Press, 1994. – P. 241.

[11] *Rachewiltz, Igor de.* Some remarks on the ideological foundations of Chingis khan's empire // Papers on Far Eastern history. – Canberra: the Australian National Univ. – 1973. – № 7, March – P. 24-25.

[12] После захвата Бухары весной 1220 г. Чингисхан собрал жителей за городом, в месте, где обычно совершались общественные праздничные моления, поднялся на *мимбар*, с которого произносятся проповеди, и изрек следующее: «О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи [бузург] - предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я - кара господня! Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!» *(Рашид ад-Дин.* Сборник летописей, – Т. 1. – Кн. 2. – С. 205).

[13] Например, по представлениям халхасцев и торгоутов, рубить покрытые весенней листвой деревья грешно; жечь допускалось аргал, сухие деревья, а в облиственном состоянии – только таволгу и карагану. В Улангоме бытовало поверье, что если срубишь дерево, будешь отвечать перед Лунханом – духом-«хозяином» всего Улангомского урочища. См.: *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881 – Вып. 2.. – С. 97; Там же. – СПб., 1883. – Вып 4. – С. 217.

[14] *Позднеев А.М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. 2-е, репринтное. – Элиста, 1993. – С. 22.

[15] *Тизенгаузен.* Указ. соч. – С. 29.

[16] Си Ю Цзи, или Описание путешествия на Запад даосского монаха Чан Чуня. Пер. с кит. П. Кафарова // Арабески истории: Альманах. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 309.

[17] В монгольском произношении Ургенч. Этот город также часто назывался персидскими авторами по имени всей области - Хорезм.

[18] *ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад.* Сира́т ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Изд. критич. текста, пер., предисл., коммент., примеч. и указат. З.М. Буниятова. – М., 1996. – С. 132. Об этом же, но более кратко сообщают Рашид ад-Дин (Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 215) и Джувейни (Р. 126).

[19] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. А.К. Арендса. – М.-Л., 1946. – Т. 3. – С. 42.

[20] Там же. – С. 185.

[21] Там же. – С. 89.

[22] Там же. – С. 52.

[23] Там же. – С. 252. Не меньше неприятностей доставляли жителям, деревенским старостам и даже сборщикам налогов сокольничие хана, также обиравшие и притеснявшие людей. Если пытались привлечь к ответу их зарвавшихся коноводов, сокольничие ломали крыло здоровому соколу и вину сваливали на старост и баскаков, зная, что известие о порче ценной

охотничьей птицы вызовет гнев хана (Там же. – С. 304). Причинение вреда живой природе, подобно описанному, в своих корыстных интересах, можно считать характерным проявлением экофобности.

[24] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – М. - Л., 1941. – §§ 79-80.

[25] Там же. – § 240. Позже этот полководец преследовал последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина, разбитого Чингисханом, за рекой Инд. Под Мултаном он опять доказал, что не чужд инженерной мысли: поскольку там не было камней для катапульт, он приказал изготовить выше по течению реки плоты и, нагрузив их камнями, пускать вниз к осажденному городу (*Juvaini.* The History... – P. 141-142).

[26] Об его использовании в этнографической современности см.: *Малов С.Е.* Шаманский камень яда у тюрков Западного Китая // Советская этнография. – М., 1947. – № 1. – С. 151-160.

[27] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. Ю.П. Верховского. – М.-Л., 1960. – Т. 2. – С. 23-24. Этот случай также зафиксирован в «Юань-ши». См.: *Иакинф (Н.Я. Бичурин).* История четырех первых ханов из дома Чингисова. – СПб., 1829. – С. 169.

[28] Сокровенное сказание. – § 143; также см. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 121-122. «Алтан тобчи» излагает этот эпизод без каких-либо дополнительных деталей (*Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. Пер. Н.П. Шастиной. – М., 1973. – С. 113).

[29] См.: *Герасимова К.М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск, 1989. – С. 205; *Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. – Новосибирск, 1987. – С. 32.

[30] По другой версии, тангуты сами смогли разрушить возведенную монголами плотину и таким образом затопить равнину, где находились завоеватели, поэтому Чингисхан снял осаду (*Иакинф.* Указ. соч. – С. 42).

[31] *Кычанов Е.И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы... – С. 49-50.

[32] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 176.

[33] *Плано Карпини.* История могалов. – С. 57.

[34] См.: *Пикулин М.Г.* Чингисхан в Афганистане // Татаро-монголы... – С. 142.

[35] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 218.

[36] Juvaini. The History... – P. 131. Упоминание здесь орлов – не более чем художественный прием. Орлы не питаются падалью.

[37] Ibid.

[38] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 201. Джувейни добавляет: «И монголы, на лошадях, бросали эти камни в реку» (*Juvaini.* The History... – P. 92).

[39] Осада Гурганджа затянулась вследствие того, что Джучи не хотел разрушать этот город и его окрестности, выделенные ему Чингисханом в удел. На этой почве возникли разногласия между Джучи и Чагатаем, сторонником решительных действий, приведшие к несогласованности войсковых операций. Тогда Чингисхан передал руководство осадой Угэдэю, и тот довел ее до успешного финала.

[40] *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. – С. 32. У ан-Насави, Джувейни и Рашид ад-Дина о затоплении Гурганджа не сообщается, хотя все они повествуют о битве у плотины.

[41] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т 2. – С. 33; *Juvaini.* The History.., – P. 485. Примечание Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова к переводу Рашид ад-Дина: «Разрушив плотину Бенд-и-Рустем?»

[42] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 3. – С. 41-42.

[43] *Иакинф.* Указ. соч. – С. 227.

[44] *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства // Татаро-монголы... – С. 283.

[45] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 2. – С. 132.

[46] *Иакинф.* Указ. соч. – С. 337. Думается, этот случай все же не был уникальным и маркировал определенную тенденцию во взаимоотношениях монголов с реками.

[47] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 40. См. также: Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Под ред. Н.В. Абаева. – Новосибирск, 1992. – С. 49. Авторы утверждают, что термин «хара» по отношению к водоемам подчеркивал почитание их кочевниками и означал исключительную чистоту их вод. С последним тезисом вполне можно согласиться: даже сейчас некоторые монгольские реки прозрачны и чисты настолько, что кажутся черными. Но как из данного термина выводится почтительное отношение? Здесь же авторы отмечают, что в тот период в водоемы запрещалось сливать нечистоты, а также стирать белье и мыться в водных источниках, однако, не подкрепляют эту мысль конкретными материалами. Между тем, известно, что запрет на стирку белья или купание в реках имел иную мотивировку, нежели забота о чистоте водной стихии.

[48] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 2. – С. 117. Согласно Джувейни, жертву сначала заворачивали в кошму (*Juvaini.* The History... – P. 246).

[49] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 2. – С. 138. Рубрук передает, что сам Мункэ поведал ему о том, что эта женщина была «злейшая колдунья»

(*Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны // Путешествия... – С. 175-176).

[50] *Киракос Гандзакеци*. История Армении. – С. 230.

[51] У Рашид ад-Дина этой подробности нет, а Джувейни довел свою историю лишь до разгрома исмаилитов в 1256 г., так как, по мнению Д. Моргана, книга Джувейни была задумана так, чтобы закончиться именно на этом триумфальном событии (См.: *Juvaini*. The History... – P. XXI). Согласно К.П. Патканову, «Если чем армянские писатели отличаются выгодно от других, особенно мусульманских и византийских, так это трезвостью взгляда и правдивостью относительно происшествий, современниками которых они были сами. Для трех четвертей рассказанных ими фактов легко найти подтверждение у других современных писателей; точность и верность этих трех четвертей ручается в истинности и остальных их известий, о которых или умалчивают другие писатели или рассказывают иначе» (*Патканов К.П.* История монголов по армянским источникам. – СПб., 1874. – Вып 2. – С. V). В другой работе этот автор сравнивает поступок Хулагу с аналогичными поступками Садко и Степана Разина, допуская, что таково было проявление благодарности хана реке за ее услугу. См.: История монголов инока Магакии, XIII века. Пер. и объяснения К.П. Патканова. – СПб., 1871. – С. 86-87.

[52] *Киракос Гандзакеци*. История Армении. – С. 197-198. Впрочем, историк не сообщает, в какую реку; вероятно, в Куру. В переводе К.П. Патканова - во множественном числе: «топили в реках» (*Патканов*. Указ. соч. – С. 72).

[53] «После карательного похода Тай-цзу <Чингисхана> на запад не оказалось ни одного доу зерна и ни одного чи шелковой ткани в амбарах и на складах, и императорский посол Бе-де (Bede) и другие вместе заявили его [величеству] <Угэдэю>: «Хотя завоеваны ханьцы, но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех. Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища!»» (*Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. – М.,1965. – С. 73). Этот кровожадный план, как известно, не был приведен в исполнение благодаря мудрой политике Елюй Чуцая, на деле доказавшего, что правильно поставленное налогообложение в Северном Китае принесет ханскому двору гораздо больше выгоды.

[54] См.: *Мункуев Н.Ц.* К вопросу об экономическом положении Монголии и Китая в XIII-XIV вв. // Краткие сообщения Института народов Азии. – М., 1965. – № 76. – С. 144-146.

[55] Там же. – С. 142.

[56] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – Т. 2. – С. 174.

[57] Там же. – С. 175.

[58] Там же.
[59] Книга Марко Поло // Путешествия... – С. 268.
[60] *Juvaini.* The History... – P. 213.
[61] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 2. – С. 54.
[62] По-видимому, дело было не в холодах, а, опять же, в чрезвычайной сухости климата. Иначе чем объяснить выбор столь холодного места для постройки дворца, даже если предполагалось проводить там только летние месяцы ?
[63] Балыш - денежная единица, в конце XIII в. составлявшая около 75 динаров (см.: *Juvaini.* The History... – P. 23). Золотой балыш равнялся 500 динарам, по Рубруку - 10 маркам (Гильом де Рубрук. Путешествие... – С. 129).
[64] *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин и его исторический труд // *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. Л.А. Хетагурова. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 12-14.
[65] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 3. – С. 24.
[66] Там же. – С. 71.
[67] Там же. – С. 76.
[68] Там же. – С. 86.
[69] *Петрушевский.* Указ. соч. – С. 17.
[70] Столица государства ильханов с 1265 г., за исключением периода правления Олджайту (1304 - 1316), когда столичные функции исполнял г. Султанийа.
[71] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 3. – С. 228. Об этих работах писал также автор анонимного трактата по агротехнике, принимавший в них непосредственное участие по заданию Газан-хана. См.: *Петрушевский И.П.* Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256 - 1353 гг.) // Татаро-монголы... – С. 249.
[72] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 3. – С. 228.
[73] Там же. – С. 232.
[74] Там же. – С. 188.
[75] Несмотря на достаточно широкое распространение среди монгольских и тюркских племен Центральной Азии христианства несторианского толка, их мировоззрение оставалось шаманским, анимистическим, о чем говорит хотя бы наличие у них онгонов и обычай поклоняться Небу, Земле и т.д.
[76] Она известна Плано Карпини под именем Итога, а Марко Поло – Натигай. Тюркские народы называли ее Отюкен.
[77] Об этом см. чрезвычайно интересную работу Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – М., 1997.
[78] *Grousset.* Op. cit. – P. 244.
[79] Надо не забывать, однако, что деифицировалась, освящалась в первую

очередь земля, принадлежащая своему роду. Чингисхан подорвал корень этой традиции в 1206 г., введя децимальную организацию монгольского общества. Монгольские воины в завоевательных походах являлись выразителями имперской идеи великого хана, а не родовых ценностей.

[80] *Трепавлов В.В.* Государственный строй монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. – М., 1993. – С. 45-58.

[81] Сокровенное сказание. – § 255. Ср. высказывание Чингисхана в «Алтан тобчи»: «Я отделяю вас [т.е. Чагатая и Джучи] не в чужую страну, а чтобы вы ведали теми, которыми овладел я» (Алтан тобчи. – С. 229).

[82] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 3. – С. 156.

[83] *Ишжамц Н.* Религия и верования монголов в едином государстве (XIII в.) // Туухийн судлал. – Улаанбаатар, 1975. – 10 боть. – F. 20. – С. 131.

[84] Мы вполне отдаем себе отчет в уязвимости подобных предположений. Сам Газан-хан якобы признавал, что поклонение камням «есть чистое невежество и глупость», и в том же 1295 г. принял ислам (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 3. – С. 163-164). В принципе, сооружения типа *обо* могли быть полифункциональными и воздвигаться по разным поводам. Например, обычай складывать *обо* в ознаменование важных событий известен у киданей, каганы которых (а позже императоры киданьской империи Ляо) при обряде, носившем название «получение свидетельства на титул на жертвеннике из дров», отдавали приказ навалить кучу земли и камней в память об этом. (*Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997. – С. 134). Улугбек в 1425 г. выступил в поход против моголов, правитель которых Шир-Мухаммед не оправдал его надежд и уклонялся от выражения покорности. В местечке Буралгу, на пути к равнине Абиш, он велел насыпать «сторожевой холм из камней, так называемую обу». (*Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Сочинения. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 107-108). Поскольку В.В. Бартольд в изложении этих событий следует рассказу персидского историка XV в. Мирхонда, неудивительно, что истолкование предназначения каменного «холма» дано в мусульманском свете. Впрочем, возможно, здесь мы встречаемся со старым названием, принесенным монголами, в которое вложено новое содержание.

[85] *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934. – С. 40; *Далай Ч.* Монголия в XIII-XIV веках. – М., 1983. – С. 90-91. Связи между охотами монголов XIII в. и традиционными бурятскими облавными охотами проследил Н.Ц. Мункуев: *Munkuev N.Ts.* A Mongolian hunting practice of the 13th century and the Buryat terms zeegete aba and aba khaidag // Tractata Altaica (Festschrift fur D.Sinor). – Wiesbaden, 1976. – P. 417-433.

[86] По: *Вернадский В.Г.* О составе Великой Ясы Чингис Хана // Studies in Russian and Oriental History. – Bruxelles, 1939. – № 1. – С. 21, 54 (цитата из Абуль Фараджа). Впрочем, считать монголов изобретателями этого способа тренировки воинов неверно. Еще кидани, будучи в X-XII вв. хозяевами центрально-азиатских степей, использовали облавные охоты в тех же целях, что вызывало справедливые опасения у их соседей. См.: *Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В.* Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск, 1975. – С. 101.

[87] *Владимирцов*. Указ. соч. – С. 82. Симптоматично, что в пост-имперский период истории монгольского общества значение охоты существенно снизилось, и из номадов-охотников монголы превратились в настоящих кочевников-скотоводов, для которых охота служила лишь подсобным промыслом или развлечением. К XIX в. облавные охоты исчезают совершенно (Там же. – С. 129, 192).

[88] Совершенно определенно об это говорит Джувейни (*Juvaini*. The History... – P. 29): «Теперь война с ее убийствами, подсчетом убитых и пощадой выжившим следует тому же способу и, действительно, подобна в каждой мелочи, так как все, что остается поблизости от поля битвы - это несколько сломленных несчастных».

[89] *Grousset*. Op. cit. – P. 224-225. Историки не раз отмечали удивительную согласованность в перемещениях монгольских отрядов, находящихся на чужих территориях на расстоянии многих дней пути друг от друга. См., например, популярную книгу военного историка С.С. Уолкера «Чингиз-хан». – Р.-н/Д., 1998. – С. 126; также см.: *Вернадский В.Г.* Монголы и Русь. – М. - Тверь, 2001. – С. 123.

[90] *Juvaini*. The History... – P. 553-554. О значении термина «nerge» см.: *Minorskiy V.* Caucasica III. The Alan capital Magas and the Mongol campaigns // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – University of London. 1952. – Vol. 14. – Pt. 2. – P. 225.

[91] Порядка 50-100 км.

[92] «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина. Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. – М., 1960. – № 5. – С. 139-140.

[93] Там же. – С. 140.

[94] Сокровенное сказание. – §§ 115, 123, 175, 179, 189, 199, 232, 265, 281. Также см.: Алтан тобчи. – С. 64-65, 99, 147, 155, 164, 267.

[95] Сокровенное сказание. – § 175. Поскольку Хуилдар был племенным вождем, он по приказу Чингисхана удостоился быть похороненным согласно

древнему центрально-азиатскому обычаю на возвышенном месте - в скалах у р. Халха.

[96] Там же. – § 265.

[97] Ср. «Краткие сведения о черных татарах». – С. 139.

[98] Коран. LXXXI, 5.

[99] В переводе В.Ф. Минорского добавлено: «и с час времени пускает стрелы и разит дичь». См.: *Вернадский В.Г.* О составе... – С. 45.

[100] *Juvaini.* The History... – P. 27-28.

[101] Ibid. – P. 28. В переводе В.Ф. Минорского этот пассаж звучит так: «Таким родом пройдет несколько дней, пока из дичи не останется ничего, кроме одиночек и парочек, раненых и разбитых». См.: *Вернадский В.Г.* О составе... – С. 45.

[102] По Джувейни, Джучи был назначен Чингисханом ответственным за организацию облавных охот (*Juvaini.* The History... – P. 140).

[103] Ibid.

[104] Алтан тобчи. – С. 64.

[105] *Juvaini.* The History... – P. 29.

[106] Сокровенное сказание. – § 281. Подтверждение этому, с некоторыми дополнительными деталями, можно найти у Джувейни (*Juvaini.* The History... – P. 29). Стена имела ворота для входа дичи и тянулась от китайских земель до зимней ставки хана. Часть загнанного туда зверя отпускали «для разводки» (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 2. – С. 41-42).

[107] *Juvaini.* The History... – P. 29.

[108] Книга Марко Поло. – С. 242.

[109] Здесь мы фактически видим те же сроки охоты, что и у Сюй Тина, т.е. с октября по март (см.: Краткие сведения о черных татарах. – С. 140). В другом месте знаменитый путешественник сообщает, что по указу Хубилая его вассалы («те, кто владеет людьми и землями») должны охотиться на зверя и птицу в течение трех зимних месяцев в окружности 60-ти дней пути от столицы и приносить ему «знатную часть того, что наловят» (Книга Марко Поло. – С. 259).

[110] Там же. – С. 263.

[111] *Далай Ч.* Указ. соч. – С. 91.

[112] См.: *Grousset.* Op. cit. – P. 318.

[113] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 3. – С. 189.

[114] По преданию, Чингисхан сказал: «Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей, мы выступаем в походы и уничтожаем много врагов» (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 261). Аналогичное сравнение он сделал, когда император Цзинь Сюань-цзун (1213 – 1223 гг.) в 1215 г. просил мира. Чингисхан по этому поводу сказал своему воена-

чальнику Самухе: «Если зерены [дзерены, род антилоп] и олени внутри облавной площади уже нами пойманы, а остался один заяц: для чего бы не пустить его?» (*Иакинф*. Указ. соч. – С. 82). Однако, по мнению компиляторов «Ган-му», Самуха еще не успел прославиться на военном поприще и не хотел мира с Цзинь, поэтому он фактически сорвал переговоры, выдвинув через посла неприемлемое требование, чтобы император стал вассалом Чингисхана (Там же.). По-видимому, здесь либо путаница, либо намеренное искажение фактов. Создается впечатление, что китайским историкам, вообще-то полагавшим гибель чжурчжэней от рук монгольских завоевателей справедливым возмездием со стороны Неба, зачем-то потребовалось оправдать Чингисхана и ответственность за окончательное уничтожение Цзинь переложить на его подчиненных.

[115] По: *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. – Л., 1991. – С. 88, 97-98.

[116] Там же. – С. 98.

[117] За консультацию по этому вопросу автор благодарит Н.Л. Жуковскую.

[118] Литература по данной проблеме обширна. См., например: *Вамбоцыренов И.* Аба-хайдак, облава у хоринских бурят // Изв. Вост.-сиб. отд. РГО. – 1890. – Т. 21. – № 2; *Клеменц Д., Хангалов М.Н.* Общественные охоты у северных бурят // Материалы по этнографии России. – 1910. – Т. 1; *Хангалов М.Н.* Зэгэтэ-аба - облава на зверей у древних бурят // Собр. соч. – Улан-Удэ, 1958. – Т. 1. – С. 101-113; *Он же*. Зэгэтэ-аба у кудинских бурят // Там же. – С. 96-100; *Галданова Г.Р.* Эволюция содержания охотничьего культа // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 46-55; *Жамбалова С.Г.* Традиционная охота бурят. – Новосибирск, 1991 и др. Экологической интерпретации некоторых правил природопользования, в частности охоты, посвящена наша статья: *Дробышев Ю.И.* Рациональная основа экологических традиций народов Северной и Центральной Азии // Владимирцовские чтения IV. – М., 2000. – С.38-49.

[119] См.: *Stein R.A.* Tibetan civilisation. – Stanford University Press, 1993. – P. 243-244. Впрочем, в Монголии запрет на причинение беспокойства земной поверхности мог иметь вполне рациональную основу. По «Юань-ши», Моналунь (Мунулун) - вдова внука Бодончара Маха-доданя (Дутум-мэнэна), имевшая характер твердый и вспыльчивый, однажды увидела ребятишек из рода джалаир, копавших коренья для еды, и закричала: «Сии земли суть пастбища моих сыновей: как смеете вы портить их?» Она поехала прямо на них на телеге и кого изувечила, а кого придавила до смерти (*Иакинф*. Указ. соч. – С. 4). Н.Я. Бичурин в примечании пишет: «Выкапывание кореньев в степи вредно для табунов: ибо лошади, бегая большою грудой, ломают себе ноги, когда оступаются в ямы; почему и ныне, за выкапыва-

ние корней, случаются убийственные драки у монголов с китайцами» (Там же). Этот эпизод также описан Рашид ад-Дином (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 19).

[120] *Плано Карпини*. История могалов. – С. 37.

[121] Вопреки сообщению «Алтан тобчи» (С. 236).

[122] Так, академик Монгольской Академии наук Б. Ринчен полагал, что имена Бортэ чино и Гоа марал (Серый волк и Прекрасная лань - легендарные первопредки Чингисхана) были охранительными именами шаманской традиции и не имели отношения к тотемизму. См.: Арабески истории. – С. 275-276. Б.Я. Владимирцов также был осторожен в оценке научных знаний о тотемизме монголов (*Владимирцов*. Указ. соч. – С. 53).

[123] *Плано Карпини*. История могалов. – С. 37.

[124] Там же. – С. 42, 48.

[125] *Пурбуева Ц.П.* «Биография Нейджи-тойона» как источник по истории буддизма в Монголии. – Новосибирск, 1984. – С. 49.

И.В. Зайцев

Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда османскому султану Мураду II: Османская империя, Золотая Орда и государства Восточной Европы в конце XIV- первой трети XV века

Единственным дошедшим до нас текстом золотоордынско-османской переписки первой половины XV в. является подлинник письма хана Улуг-Мухаммеда султану Мураду II (Топкапы № 10202), датированного 14 марта 1428 г. Документ написан на чагатайском языке на листе плотной лощеной бумаги из шелка размером 200,3 х 28 см, склеенном из шести отдельных кусков. Бумага, скорее всего, среднеазиатского производства. К верхней части письма приклеен кусок сафьяна темно-вишневого цвета размером 23 х 28 см; когда лист свернут в трубочку, он полностью закатывается в сафьян, который служит предохранительным футляром. В документе 19 строк, написанных арабскими буквами, почерком *дивани кырма*. Первые две строки, а также отдельные слова и выражения в последующих строках (3,4,5,6,8,10,13) вписаны золотом. Три строки (3-5), следующие после упоминания имени адресата, смещены влево. Последняя (19-я) строка (дата составления письма) расположена на левой половине листа. Все строки, кроме первых двух, доведены до конца листа, а справа оставлены поля. Расстояние между строками примерно равное, только 19-я строка (дата) написана почти вплотную к предыдущей. В пяти местах

на лицевой стороне листа (слева, между 6-й и 7-й строками; слева, между 9-й и 10-й строками; справа, между 12-й и 13-й строками; слева, покрывая предпоследние слова 18-й и начальные слова 19-й строк) приложена четырехугольная печать размером 6 х 6 см, составленная из трех, вписанных друг в друга, квадратов, с текстом на арабском, написанном золотом куфическим почерком. Во внутреннем квадрате - изображение тамги в виде трезубца; во втором - надпись: «Султан правосудный Мухаммед-хан»; во внешнем - надпись: «Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха. Кто справедлив, тот царствует, кто притесняет, тот гибнет»[1]. Как заметил А.Н. Курат, такое же количество печатей, удостоверяющих подлинность документов дипломатической переписки, характерно для мамлюкского Египта (для посланий египетских султанов к «кыпчакским» правителям)[2].

Оборотная сторона листа занята текстом, на первый взгляд не имеющим отношения к письму Улуг-Мухаммеда. Это копия *фетх-наме*[3] Мурада II о завоевании крепости Гюверджинлик (كوكرجينلك - «Голубятня»)[4], написанного на арабском языке в 831 г.х. и направленного в Египет некоему беку Акбуге (آقبوغا بك)[5]. 831 г.х. соответствует периоду с 22 октября 1427 г. по 10 октября 1428 г. Название *Gügercinlik* - турецкая калька сербского названия Голубац - крепости на правом берегу Дунае к востоку от Белграда[6]. Османские войска дважды овладевали этой крепостью: первый раз в ноябре 1427 г., когда Голубац, который по договору сербского деспота с королем Сигизмундом[7] должен был быть передан венграм, вместо этого был добровольно сдан туркам комендантом города Иеремией[8]. Второй раз, согласно *Тарих-и Абу-л Фатх* Турсун Бега, город был взят войсками Махмуда-паши в июле 1458 г.[9] Окончательное завоевание Голубца сделало город стратегически важной пограничной крепостью, жители которой охраняли османские суда на

реке, а также обеспечивали охрану самого города от набегов венгров и гайдуков[10]. С начала 1428 г. по июнь этого же года крепость была осаждена войсками Сигизмунда, вокруг города велись ожесточенные бои, в один из которых видинский санджак-бей Синан-бей неожиданной вылазкой существенно потрепал венгерские войска[11]. Ясно, что оригинал *фатх-наме* относится к первому взятию османами Голубца, т.е. написан после ноября 1427 г., когда турки овладели городом.

В Египте в это время - с 1422 по 1438 г. - правил Ашраф Сейф-ад-Дин Барсбай[12]. Мурад II обменивался с ним посольствами и письмами. Сохранилось письмо Мурада Барсбаю от 10 зуль-хиджа 831 г.х. и ответ мамлюкского султана[13]. Падение Гюверджинлика и поражение венгров в 1428 г., естественно, послужили поводом для продолжения османо-мамлюкских контактов, и в 1430 г. османский посланец доставил в Египет сообщение о взятии турками Салоник[14]. Видимо, Акбуга, которому было направлено *фетх-наме* Мурада II, - это эмир Барсбая, «инспектор» Верхнего Египта, полное имя которого, - Акбуга Джамали[15]. В тексте фетх-наме он назван «эмиром правоверных» и «опорой государства и веры». В любом случае, текст *фетх-наме* оказался на оборотной стороне письма Улуг-Мухаммеда, видимо, уже после его получения в Стамбуле, т.е. оригинал послания хана был переиспользован в султанской канцелярии. Зачем понадобилось создавать копию *фетх-наме* на обороте письма Улуг-Мухаммеда, не совсем ясно. Трудно предположить, что сделано это было из-за нехватки писчего материала. Между тем, прямой связи, кроме года написания (1428), между этими документами, как будто бы, нет[16].

Текст письма Улуг-Мухаммеда сохранился не полностью: отдельные места пострадали от сырости и не поддаются прочтению. В письме Мураду II хан коснулся истории османо-ордынских отношений: «Наши прежние братья-ханы и ваши отцы, султаны вилайета Рум и старшие братья неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и при-

ветствиями, вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан Токтамыш-хан и ваш великий дед гази Баязид-бек в соответствии с добрым старым обычаем обменивались послами, подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней»[17]. Этот документ свидетельствует «не только об обмене посольствами между сараевскими ханами и турецкими султанами в 20-30-х гг. XIV в., но и сообщает, что подобные контакты имели место во времена султана Баязида и хана Тохтамыша, накануне известных походов Тимура в Поволжье и Малую Азию, т.е. еще в ту пору, когда и сарайские ханы, и турецкие султаны были заинтересованы в создании антитимуровского союза. Из письма также ясно, что переписка Джучидов с турецкими султанами имеет еще более раннюю традицию»[18]. Действительно, слова Улуг-Мухаммеда о древности османо-ордынских связей, скорее всего, «имеют не просто декларативный, а документальный характер»[19]. Импульсом для продолжения официальных контактов послужили общие внешнеполитические интересы двух государств в конце XIV в. М.Г. Сафаргалиев предположил, что сближение Тохтамыша с Баязидом могло произойти в 1394 г., когда Тохтамыш активно искал союзников против Тимура. «На этот счет нет прямого указания, но косвенные данные говорят о возможности такого союза»[20]. Представляется возможным уточнить это предположение. В 1394 г. в Дамаске египетский султан аз-Захир Баркук принимал послов Тохтамыша, Баязида и Бурхан ад-Дина Ахмада, правителя Сиваса. Рассказ об этом сохранился у мамлюкского историографа Тагри Бирди: «Туда прибыли к султану послы Тохтамыш хана, правителя земли Кыпчак (Кыфджак), предлагая союз против Тимурленка, предложение которых султан принял. За ними прибыли послы османского султана Йылдырыма Баязида, правителя Малой Азии, сообщая, что он послал 200 000 дирхемов в помощь аз-Захиру, и что он будет ждать ответа султана, чтобы поступить соответственно...»[21].

Баркук с благодарностью воспринял эти предложения. Возможно, что первые официальные контакты представителей Тохтамыша и Баязида произошли именно в августе 1394 г. в Дамаске, где представители четырех стран обсуждали перспективы войны с Тимуром.

Поражение Тохтамыша в 1395 г. и катастрофа 28 июля 1402 г. (битва при Анкаре), на какое-то время приостановили развитие отношений двух государств. И Османская империя, и Золотая Орда испытывали тяжелейшие внутренние потрясения, временно снявшие актуальность контактов друг с другом. Однако, у двух придворных летописцев Тимура - Шараф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами, а также византийского историка Лаоника Халкокондила сохранились известия, что часть Орды, разгромленной Тимуром на Ворскле, под предводительством эмира Актава в 1397 г. бежала в низовья Днепра, откуда, двинувшись далее на запад, вероятно, в 1398 г. попала в османские владения на Дунае. Актав вынужден был волей или неволей вступить в переговоры с Баязидом, результатом которых стало поселение беженцев на юге Дуная и Балканах. Возможно, именно эта группа разграбила в феврале 1399 г. Варну. Однако, вскоре Баязид изменил решение и устроил кровавую бойню татарских вождей, которая не могла не вызвать сопротивления татар. Оставшиеся в живых были поселены вокруг Эдирне[22].

К сожалению, мы не имеем сведений о развитии османо-ордынских дипломатических отношений в самом начале XV в. Т. Халаши-Кун в одной из своих ранних статей относил посольство Улуг-Мухаммеда к Мураду в Адрианополь к 1424 г.[23] Видимо, это ошибка. В феврале 1424 г. Мурад после поездки по малоазийским городам принимал в Эфесе послов сопредельных держав[24]. Сведений о посольстве Улуг-Мухаммеда к Мураду в 1424 г. в известных мне источниках нет. Письмо Улуг-Мухаммеда выглядит как первое официальное послание, призванное восстановить дипломатические отношения после длительного перерыва. Причину этого разрыва

следует, видимо, искать в возобновлении союза Тохтамыша с Тимуром в самом начале XV в.

Из письма Улуг-Мухаммеда становится ясным, что существовало два пути, по которым осуществлялся посольский обмен между двумя странами. Один - сухопутный - проходил через Причерноморские степи и Валахию, второй шел через Черное море: «Мы не снарядили к вам человека, полагая, что, если мы его пошлем, Афлак его не пропустит. Мы знали, что от вас водным путем к нам отправлен человек. Как случилось, что он не прибыл ?»[25].

В это время в западноевропейской дипломатии зреет идея антиосманской коалиции с участием азиатских и восточноевропейских государств. Одно из первых мест в этом возможном союзе отводится ханам Джучиева улуса. Мысль о привлечении «кипчакских» ханов к антиосманскому союзу к началу XV в. уже имела свою историю, т.к. еще в 80-90-х XIV в. европейские государства и, в частности, Византия[26] и Венеция, предпринимали подобные попытки[27].

Осенью 1411 г. до встречи между Сигизмундом (1387-1437 гг.) и королем Польши, польская делегация в Риме просила папу Иоанна XXII объявить крестовый поход против татар. Послы Сигизмунда к папскому престолу, однако, убеждали папу, что организация такого похода будет смертельной ошибкой. Сигизмунд считал, что татары - естественные союзники европейских государств против Османской империи. Владислав был готов разделить взгляды Сигизмунда: в 1412 г., когда в Буду прибыли послы татарского хана и предложили польскому королю заключить союз против всех его врагов, он, как и Сигизмунд, принял это предложение. В начале 1412 г. Сигизмунд посылал послов (Николауса де Геретца) через генуэзскую Кафу к хану Джалал-ад-Дину (сыну Тохтамыша), правившему в 1411-1412 гг., с предложением присоединиться к антиосманской лиге вместе с Византией, на что был получен положительный ответ [28].

В списке даров (litterae donationis) - пожаловании, выданном Сигизмундом в г. Надьсомбат 6 февраля 1428 г., описана миссия двух венгерских послов (получателей пожалования) к азиатским правителям с целью заключения союза против Турции. Этот документ хранится в Венгерском Национальном Архиве (Magyar Orszagos Leveltar, Diplomatikai Leveltar: 100.445). Имена послов - Miklos Szerecsen (Nicolaus Sarachenus) и Josza Torok (Iosa Turcus). Миклош Гереши - Nicolaus de Geretz (один из послов Сигизмунда) попал в плен к туркам при Никополе и 12 лет провел в неволе. После обретения свободы в 1408 г., он поступает на службу к Сигизмунду. «Сарацен-усом» он назван, возможно, потому, что был в плену у мусульман. При его возвращении в Венгрию из плена, на обратном пути к нему присоединяется турок, впоследствии крестившийся (Jozsa Torok), также поступивший на службу к Сигизмунду и выполнявший с Миклошем Сараценусом дипломатические поручения монарха[29].

Помимо прочего в списке сказано: «...Йоза Торок был послан в качестве нашего посла принцу Магомету, господину Татар Орды; принц тоже намеревается против гнусных турок со всей своей мощью, так что, таким образом, он (т.е. посол) привез от этого Магомета ответ, желаемый нами..»[30]. Магомет, «господин (правитель) Татар Орды», к которому ездили послы Сигизмунда, по предположению Л. Тарды, - Улуг-Мухаммед[31]. Однако Л.Тарды исходил из датировки упомянутых в списке посольств тем же 1428 г (т.е. датой написания самого списка). Не так давно Д.Агостон, обратившись к архивному подлиннику документа, показал, что список упоминает миссию Миклоша Гереши не в Караманию в 1428 г.[32], а посольство Сигизмунда к Кара-Юлюку Ак-Коюнлу в 1419 г.[33]. Таким образом, посольство Сигизмунда к «Магомету, Господину Татар Орды» (т.е. к Улуг-Мухаммеду) имело место между 1419 и 1428 гг. Штромер фон Райхенбах относил посольства Торока к Улуг-Мухаммеду к 1419-1423 гг.[34]. Поскольку воцарение Мухаммеда

относится, согласно вычислениям М.Г. Сафаргалиева, к концу 1421 г., следовательно, время совершения посольства можно сузить. Йоза Торок был у Улуг-Мухаммеда и получил удовлетворительный ответ на предложение Сигизмунда до 1423 г. В связи с вышеизложенным становится более понятным, почему в султанской канцелярии связывали переписку Улуг-Мухаммеда с документами о ведении боевых действий против Сигизмунда, и почему на обороте письма хана султану Мураду II появилась копия *фетх-наме* 831 г.х. (кон. 1427-1428 гг.) с сообщением о взятии сербской крепости Голубац (Güvercinlik).

Согласно договору в Тати в мае 1426 г. сербского деспота Стефана с Сигизмундом, наследником сербского трона был утвержден Георгий Бранкович, племянник Стефана (сын Вука I, внук Лазаря по материнской линии). Договор предполагал, что, в случае смерти Лазаревича без мужского потомства (что, учитывая состояние его здоровья, было совершенно очевидно), Белград и Голубац должны была отойти Сигизмунду. Если бы и Георгий умер без наследников, сербские земли также бы перешли Сигизмунду. Фактически договор означал принятие сербами венгерского диктата в обмен на помощь в обороне от турок. Сербия, которая считалась вассалом султана, как бы вошла в антиосманскую коалицию[35].

19 июля 1427 г. после соколиной охоты деспот Стефан Лазаревич скончался. На царство, как и предполагалось, был помазан Георгий Бранкович. Он взошел на престол без уведомления султана Мурада II. Бранкович едет в Голубац, и именно воевода Голубаца Иеремия возлагает на помазанного руку и оружие в знак признания прав Георгия.

Между тем османы, недовольные выходом вассала из-под контроля, посылают на Сербию мощный экспедиционный корпус: османская армия под командованием Иса-бея 3 сентября осадила Ново Брдо. На помощь корпусу Исы двигался сам Мурад. Вскоре был взят Крушевац. В этой критической ситуации Бранкович начал осуществлять обещания Татинского до-

говора, надеясь на венгерскую помощь против турок. Вероятно, уже в сентябре или даже конце октября 1427 г. Сигизмунду был передан Белград. Очередь была за Голубцем. Однако, в дело вмешался воевода крепости Иеремия, который потребовал 12 000 дукатов за передачу ее венграм. Скорее всего, именно эту сумму он выплачивал ранее деспоту за право управлять городом[36]. В доказательство Иеремия приводил документ, однако король оспаривал подлинность печати и сумму выплаты. Оказавшись между двух огней (турками и королем Сигизмундом) и видя бесперспективность переговоров с последним, Иеремия обращается с аналогичным предложеним к султану и находит у него понимание. Едва наступила зима, Голубац был сдан Иеремией туркам без боя (вероятно, требуемая сумма была выплачена сполна). До мая 1428 г. события вокруг крепости почти не развиваются: Георгий поддерживает мир с султаном и исправно платит *харадж*. Однако, ситуация сильно осложнилась вмешательством Сигизмунда, который с 30 000-ным венгерским войском в конце апреля 1428 г. осадил турецкий гарнизон крепости. До июня 1428 г., когда противоборствующие стороны заключили при посредстве Синан-бея перемирие сроком на 3 года, турецкий гарнизон Голубца был осажден венгерскими войсками Сигизмунда со стороны Дуная и с поля и активно подвергался бомбардировкам[37].

В Стамбуле, возможно, опасались участия Улуг-Мухаммеда в сербско-венгерских событиях, или же, наоборот, раздумывали о возможности привлечения хана, зимовавшего, как это следует из его письма Мураду, на Днепре (Озю), к военным действиям на Дунае. К сожалению, определенного ответа на этот вопрос дать нельзя.

В европейские планы привлечения исламских государств к антиосманской коалиции входил и мамлюкский Египет. Чтобы предотвратить возобновление дружественных отношений между ним и османами, Венеция посылает египетскому султану двух послов. Улуг-Мухаммед сам вел весьма

активную внешнюю политику. По сообщению аль-Айни, 21 апреля 1429 г. (т.е. через год после написания письма Мураду II) его послы прибыли в Египет, имея при себе подарок и два письма (на арабском языке и монгольском языке уйгурским алфавитом)[38]. Возможно, в составе именно этого посольства к султану ал-Малику ал-Ашрафу Барсбаю находился И. Шильтбергер, который упоминает посольство Улуг-Мухаммеда к мамлюкскому султану по случаю свадьбы дочери последнего[39]. К сожалению, результаты и действительные цели этих посольств неизвестны. Неясно, насколько реальна была «антиосманская» позиция Улуг-Мухаммеда. Скудость источников не позволяет ответить на этот вопрос с определенностью. Документы сношений Улуг-Мухаммеда с турецкими султанами в более поздний период неизвестны. Возможно, это объясняется тем, что с основанием Казанского ханства круг внешнеполитических интересов Улуг-Мухаммеда несколько изменился, Османская империя не играла главную роль в его внешней политике. Это место занимало сначала Великое княжество Литовское (ВКЛ), а затем и Московское княжество.

Улуг-Мухаммед еще в первой половине 1420-х гг. активно сносился с великим князем литовским Витовтом. В 1424 г. к Витовту приезжало посольство Улуг-Мухаммеда. 1 января 1425 г. Витовт писал к великому магистру: « ...Мы Вам сообщаем, что татарское государство раздвоено и разделено, так что теперь там 6 государей, которые и борются за власть. Один из них Махмет, находится при нас, а другие живут в разных местах, так как их земли велики и обширны»[40].

В последних числах января 1429 г. в Луцке собрались великий князь литовский и русский Витовт, король польский Владислав (Ягелло), король римский и германский Сигизмунд, представители папы, византийского императора, датского короля, великого магистра Тевтонского Ордена в Пруссии и Ливонии, господаря Молдавии, мелкие русские и литовские князья, герцоги Мазовецкие и т.д. Заседания конгресса длились

около двух недель. Основным вопросом съезда была общеевропейская борьба с турками[41]. По некоторым, впрочем, маловероятным, данным на съезде присутствовал перекопский (т.е. крымский) хан[42]. А.Е. Крымский считал, что это был Хаджи-Гирей - «недавно поставленный вассал Витовта и враг Турции»[43]. Присутствие на конгрессе Хаджи-Гирей в качестве крымского хана маловероятно. Ханом Крыма и джучидских земель на западе был тогда Улуг-Мухаммед. Витовт в письме Ливонскому ордену от 9 сентября 1429 г. (незадолго до съезда) писал: «Царь Махмет, наш друг, писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз»[44]. Вряд ли хан лично присутствовал на конгрессе, но его представители там быть могли[45]. Особенно остро на конгрессе обсуждался молдавский вопрос. Сигизмунд, до которого дошли слухи, что господарь Александр сносится с турками, требует от Ягайло приступить к разделу Молдавии или приказать Александру (как своему леннику) отстать от турок и помогать императору в борьбе с ними. Сигизмунд ведет переговоры с послами Ордена об учреждении особой его ветви на Дунае в качестве постоянной военной колонии для борьбы с турками. Этот замысел не осуществился[46]. Император просил Ягайло и Витовта оказать ему помощь против турок. Ягайло собрал отряд (в основном из выходцев с русских земель, что вызвало там большое неудовольствие), но отряд, соединившись с господарем, не дождался сил Сигизмунда и вернулся в Литву[47]. В августе 1430 г. перекопский хан лично был в Вильне на несостоявшейся коронации Витовта[48].

Важным источником по истории восточноевропейской политики Улуг-Мухаммеда являются документы переписки хана с Ливонским орденом. Судьба этих материалов, собранных Геннигом и хранившихся в Кенигсбергском архиве, не известна. Скорее всего, они не сохранились (подобно материалам из этого собрания, которые использовал в своей работе над Историей Государства Российского Н.М. Карамзин)[49]. Сре-

ди копий документов Кенигсбергского архива в РГАДА (Ф. 147) их нет. Единственным источником служит пересказы писем Свидригайло и Улуг-Мухаммеда (напр. очень темного немецкого перевода письма Улуг-Мухаммеда гроссмейстеру Ливонского ордена, датированный 1433 г. (Секретный Архив № LXXVII), в монографии А. Коцебу[50] и труде Н.М. Карамзина. А. Коцебу, работавший в Кенигсбергском архиве в 1813 г., имел этот документ, как и письма Свидригайло гроссмейстеру ордена, в которых содержится уникальная информация об участии Улуг-Мухаммеда в литовских междоусобицах, в своем распоряжении. Н.М. Карамзин пользовался копиями, присланными ему и министру внутренних дел О.П. Козодавлеву Экспедицией прибалтийского дворянства[51].

Улуг-Мухаммед вступает в союз со Свидригайло, который вместе с Орденом борется против Ягайло за престол ВКЛ, и, видимо, в начале 1431 г. дает ему шерть[52]. 9 мая 1431 г. Свидригайло пишет из Смоленска ливонскому магистру Павлу, что его посол, «Строгий рыцарь Петр, воевода Новогородекский, возвратился от Татарского хана с уверением, что сей последний желает пребыть с ним в истинной любви и дружбе, как и с предместниками его, и готов вспомоществовать ему не токмо всем войском, но и личным даже присутствием своим, где и когда нужда того потребует; в чем и дал ему от себя письменное обязательство в такой силе, как прежние ханы давали предместникам Свитригайловым; для вящего же подтверждения дружбы своей, прислал к нему четырех знатнейших князей, в том числе и своего тестя, и даровал свободу Григорию Протасию, воеводе Мчаскому, вместе с многими другими взятыми в плен»[53]. Текст письма Свидригайло (видимо, более точный), по Н.М. Карамзину, следующий: «...послали есмо Боярина нашего, на имя Михаила Арбанасса, ко Царю Магметю к Орде, а после опять перед Великою ночью послали есмо к Орде жь Пана Ивашка Монивидовича, прося Царя, штобы нам такожь от себя помогл. Тот жо Михайло Ар-

банас приехал к нам к Смоленьску того жь дни, как Кунтуров слуга Климок: приказал с тым Михайлом к нам Царь Магметь Ордьский, молвя, как есми взял братство за-одно стояти с тобою, с своим братом с Великим Князем Швитрикгайлом, то так держу полно свое слово, свое докончанье. А послал был есмь сее зимы к тобе брату на помочь своих людей дванадцать тисячь, а с ними многих в головах Уланов Князей, и дошодшо до Киева вернулися опять: за снегом не могли далей пойти: снеги были велики; а нынечи шлю к своему брату, к тобе к Великому Князю Швитрикгайлу, на помочь сына своего большого Мамутяка Царевича[54], а правую руку зятя, Князя Айдара, а другого зятя, Князя Елбердея, со многими людми.....и на ярлыце псал на своем: будеть тых людей моих мало, а будет самого мене надобе со всими моими людми, готов есим к тобе...»[55].

13 декабря 1432 г. Магистр Лифляндский сообщал орденскому гроссмейстеру со слов комнатного (приближенного слуги) Свидригайло Юшки, что хан татарский прислал в помощь Свидригайло «зятя своего с 20000 войска, присоединив к тому 50 000 «волохов» и другие 50 000 под началом воеводы Кивенского (Киевского?). Силы сии должны совокупно действовать против поляков»[56]. Численность войск, присланных Улуг-Мухаммедом Свидригайло явно завышена, но сообщение о присылке какого-то количества «волохов» само по себе интересно. Валахия и Молдавия играли важную роль в антиосманских планах европейских монархов. Валашский господарь Мирча (1386-1418) впервые заплатил туркам *харадж* в 1394 г., а затем в 1415 г., но сохранил независимость. Однако Александру Альдеа (1431-1436) в 1431 г. (т.е. за год до предполагаемой посылки войск ханом) вынужден был начать посылку заложников и ежегодные выплаты дани в Османскую империю, что означало начало валашского вассалитета[57]. Свидригайло через своего посланника С. Рота предлагал римскому императору, чтобы он, Свидригайло, женился на дочери молдавского воеводы, дабы отвлечь его от союза с турками и поляками. Импе-

ратор согласился и выразил благодарность за намерение князя оказать ему помощь против турок[58]. Естественно, участие валахов в военных операциях Улуг-Мухаммеда, если таковое имело место, не могло пройти не замеченным османами. Насколько согласованы были действия хана по отношению к вассалу Турции с самой Османской империей неясно. Письмо Улуг-Мухаммеда Мураду II от 1428 г. свидетельствует о явно дружественных связях двух государств. Из письма следует, что отношения Улуг-Мухаммеда с Валахией были достаточно напряженными: «Вот уже в течение одного - двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю[59]. Мы не снарядили к вам человека, полагая, что если мы его пошлем, Афлак его не пропустит .....Сообщите, как лучше удалить ту часть подвластных Афлаку неверных, которые находятся между нами»[60]. Возможно, что имела место совместная военная операция османов и Улуг-Мухаммеда против Валахии, в результате чего страна стала вассалом империи, а в 1432 г. хан мог направить Свидригайло какое-то количество валашского войска (вассалов султана, а, значит, союзников хана) в виде помощи.

6 января 1433 г. командор Людвик Ланце (посол гроссмейстера к Свидригайло) из Вейтвиска препроводил гроссмейстеру немецкий перевод письма хана Свидригайлу. По словам А. Коцебу, письмо это, «вероятно, по неведению переводчика, совершенно непонятно. Можно только догадываться из онаго, что хан Махмет намерен сам придти на помощь к Свитригайлу, или же прислать к нему многих своих военачальников и союзников. Да благоволит только Великий князь, не медля, объявить ему, какая нужна ему помощь, и Махмет готов со всем войском своим «сесть на коней». И что он Хан повелел также Князю Кивенскому (Киевскому ?) Михаилу явиться к нему»[61]. Тот же Ланце в письме гроссмейстеру от 11 февраля из Лукелина пишет, что «хан татарский прислал пятерых князей [Ulaen[62]], ближайших родственников своих, с 10 000 войска [Bogen]», с которыми Свидригайло в ту же зиму собирался ид-

ти на Литву[63]. 11 апреля 1434 Свидригайло сообщал из Вязьмы, что к нему прибыл посол хана с известием, что хан двинулся со всем своим войском в Киевскую область[64]. В 1436 (24 февраля) Свидригайло пишет Гроссмейстеру из Киева, что сам хан татарский прибыл к нему на помощь и стоит лагерем у Киева[65], но уже 29 ноября того же года в письме из Луцка (Секретный архив № CXVI) он говорит, что дела идут хорошо, что татарский хан Седахмет, его друг и союзник, победив хана Махмета, покорил оружию своему Орду и обещал ему скорую помощь[66]. Разгром Улуг-Мухаммеда Сейид-Ахмадом в 1436 г. и Кючюк-Мухаммедом в 1437 г. привел к тому, что он был вынужден бежать в пределы Руси - к Белеву. Последующие события (Белевская битва, основание Казанского ханства, сражение у Спасо-Евфимьева монастыря, пленение Василия II и основание Касимовского ханства) выходят за рамки нашей темы (они подробно описаны в русской историографии, что избавляет от их пересказа)[67].

---

[1] Письмо было найдено А.Н. Куратом в архиве дворца-музея Топкапы и опубликовано им в 1937 г. (*Kurat A.N.* Kazan Hanlığını Kuran Uluğ Muhammet Hanın Yarlığı // Edirne ve Yöresi Eski Eserleri Sevenler Kurumu Yayınlarından. – Istanbul, 1937. – Cilt 2.). Эта публикация, как отмечал сам издатель, представляла собой "выполненную в течение короткого, едва ли не трехнедельного срока", работу и содержала ошибки. Поправки к этому изданию с указанием разночтений и конъектур см.: *Halasi Kun T.* Monumentes de la langue tatare de Kazan // Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata (Bibliotheca Orientalis Hungarica V). – Budapestini, 1942. – Vol. 1. – P. 144-145. Более надежные издания: *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. – Istanbul, 1940. – S.6-36; *Halasi Kun T.* Philologica III. Kazan Türkçesine ait Dil Yadigarları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi VII. 4. – 1949. – S. 609-626; *Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С.53-61, приложение; поправки к тексту и переводу, а также описание внешнего вида документа см. *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник 1975. – М., 1978. – С.237-239. Конъектуры к

ры к изданию А.Н. Курата см. Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сборник статей. – М., 1953. – С. 188. Русский перевод публикации письма А.Н. Куратом 1940 г. см. (Письмо Улуг-Мухаммеда (1428) // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. – Казань, 1996. – №1/2. – С. 28-34). Практически полное повторение издания 1940 г. (правда, без воспроизведения текста и комментариев) предприняла в 1996 г. А. Мелек Озьетгин, но, по сравнению с изданием А.Н. Курата, эта публикация ценна гораздо менее (*Özyetgin Melek A.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. – Ankara,1996). О внешнем виде и особенностях документа см. также *Zajączkowski A.* Dyplomatyka Zlotej Hordy i Krymu z XV w. // Przeglad Historyczny. – Warszawa,1948. – Tom 37. – S. 214-215.

[2] *Kurat A.N.* Topkapı. – S.15.

[3] Об османских фетх-наме см. *Lewis G.L.* The Utility of Ottoman Fethnāmes // Historians of the Middle East. – Oxford, 1962. – P. 192-196.

[4] Такое же название этой крепости (كوكرجينلك حصارى) упомянуто и в османском таквиме (календаре-летописи), т.н. списка А (см. *Turan O.* İstanbul'un Fethinden Önce Yazılmış Tarihî Takvimler: 2. Baskı. – Ankara, 1984. – S. 24), а также в одном османском документе 1487 г. См. *Hazai G.* Un document Ottoman de la fin du 15ème siècle: un rapport du commandant Süleyman à la Porte // Archiv Orientální. – 2001. – May. – Vol. 69. – № 2. – P. 180 (Ve bir dahi Gügercin-lik karşusında Varadın adlı hısārlık vardur). Несколько иное написание (كوكرجنليك - Güğercinlik) в османском дефтере 1549/1550 гг. см. Ottoman Garrisons on the Middle Danube. Based on Austrian National Library MS MXT 562 of 956/1549-1550. Transcribed into regular Arabic script and translated by A. Velkov and E. Radushev. – Budapest, 1996. – P. 13r. О трансформации кеф-и фарси в живом произношении в звук *в* см. *Самойлович А.Н.* Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. Репринтнос издание 1925 г. с дополнением и исправлениями. – М., 2002. – С. 34.

[5] *Kurat A.N.* Topkapı. – S. 7; сокращенный текст этого документа см. *Feridun Bey* Ahmed Münşaat-us Selatin. – Istanbul, 1275/1858. – Cilt I. – S. 201-202 (араб. шрифт). Там же и ответ Мураду.

[6] *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th-18th Century). – Leiden-Boston-Köln, 2000. – P. 106. О средневековом городе см. *Ћирковић С.* Голубац у средњем веку. – Пожаревац, 1968.

[7] Сигизмунд (15. II. 1368 г. – 9. XII.1437 г.) – сын Карла IV, король венгерский (1387-1437), немецкий (1410-1437), богемский (1419-1436), герман-

ский кайзер (1433-1437). См. о нем Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. – München, 1981. – Bd. IV. – S. 122.

[8] *Hammer J. von* Geschichte des Osmanischen Reiches. – Pest, 1827. – Bd. 1. – S. 430; *Jireček K.* Geschichte der Serben. Zweiter Band, Erste Hälfe (1371-1537). – Gotha, 1918. – S. 163-164; Историја Српског народа. – Београд, 1982. – Кн. 2. – С. 220-221; *Ћоровић В.* Историја Срба. – Београд, 1993. – С. 300-301.

[9] The History of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg (Text published in facsimile with English translation by H. Inalcik and R. Murphey). – Minneapolis-Chicago.1978. – P. 81a. У Хюсейна завоевание «Кёкюрджинлика» и поражение сербов и венгров под крепостью относится к 831-832 гг. х. (1427/29 гг.). См. *Хюсейн* Беда'и' ул-Века'и'.– М., 1961. – Ч. 1. – Л. 169а, 171а. Этим же годом историк датирует и завоевание Джан-овасы. У Хюсейна упоминается и еще какой-то «Кёкюрджинлик», возможно, в Иране (Там же. – Л. 143а), хотя, скорее, это город в санджаке Худавендигяр (см., напр: Das osmanische „Registerbuch der Beschwerden" (Şikāyet Defteri) vom Jahre 1675. – Wien, 1984. – Band I. – 90 b. 6).

[10] *Зироевич О.* Охрана Дуная. К вопросу об использовании османскими властями местного населения для пограничной службы // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. – М., 1990. – С. 159. В XVII в. Голубац (كوكرجيلك) – рядовой судебно-административный округ (каза) в санджаке Семендре Будинского эйалета (см. *Stojkov R.* La division administrative de l'eyalet de Roumélie pendant les années soixante du XVIIe siécle selon un registre turc-ottoman de 1668-1669 // Recherches de Géographie Historique. – Sofia, 1970 – 1. – (Studia Balcanica 1). – P. 227).

[11] *Öztuna T.Y.* Türkiye Tarihi. – [İstanbul, 1964]. – Cilt 3. – S. 151-152.

[12] Именно его имя упомянуто в заголовке фатх-наме. Заголовок письма называет его (письмо) наме-и хумаюн (т.е. августейшее послание).

[13] *Feridun Bey.* Op.cit. – P. 195-198; *Darrag Ahmad* L'Égypte sous le Règne de Barsbay. 825-841/1422-1438. – Damas, 1961. – P. 389. Дата соответствует 21 сентября 1428 г.

[14] *Darrag.* Op.cit. – P.389. Салоники были взяты османскими войсками 13 марта 1430 г. (см. *Öztuna T.Y.* Op.cit. – S. 152).

[15] Ibidem. – P. 46-47,149.

[16] В принципе, случаи написания на оборотной строне документа еще одного текста встречаются в дипломатической практике. Так, например, письмо азовского диздара в Москву в 1521 г. было написано на обороте грамоты кафинского санджак-бея Мухаммеда (РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – Ед.хр. 1.

– Л. 146). Однако, здесь оба текста – подлинники. В нашем случае, на оборот подлинника нанесли копию другого текста.

[17] Kurat Topkapı. – S.8-9, 161-165; *Султанов Т.И.* Письмо. – С.54, текст в приложении.

[18] *Усманов М.А.* К истории Джучидо-Османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. – М. 1988. – С. 128.

[19] Там же. – С. 132 прим.

[20] *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций ...Из опыта образования и распада империй X - XVI вв. – М., 1996. – С.418.

[21] [*Taghri Birdi*] History of Egypt 1382-1469. – Berkley-Los Angeles, 1954 – Part 1. – 1382-1399 A.D. – Translated from the Arabic Annals of Abu l-Mahasin ibn Taghri Birdi by William Popper. (University of California Publications in Semitic Philology, Vol. 13). – P. 148; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). – М., 1966. – С. 95-96. Посольство Тохтамыша, согласно сочинениям Ибн аль-Фората, аль-Макризи и Ибн Шохба аль-Асади, прибыло в Дамаск 26 марта 1394 г. (23 джумада I 796 г.х., в четверг) или, по Аль-Аскалани и аль-Айни, 20 джумада I того же года (т.е. 23 марта). См. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Спб.,1884. – Т.I. Извлечения из сочинений арабских. – С.356 (363), 428 (442), 445 (448), 450 (453), 531; Следовательно, переговоры состоялись там до 28 августа, когда султан переехал в Алеппо.

[22] Такова реконструкция событий, предложенная на основании сведений Халкокондила, Бадр ад-Дина Айни и хроник Шами и Йезди. См.: *Decei A.* Etablissement de Aktav de la Horde d'Or dans l'Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid // 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Zeki Velidi Toğan'a Armağan. Symbolae in Honorem Z.V.Togan. – Istanbul, 1950-1955. – P.77-92. См. также *Ахмедова А.О., Муртузалиев С.И.* Миграции тюркских племен и демографические процессы в Болгарских землях (середина XIII - начало XVII века) // Славяне и их соседи. – М.,2001. – Вып.10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. – С. 155.

[23] *Halasi Kun T.* Monumentes. – P. 143.

[24] *Жуков К.А.* Эгейские эмираты в XIV-XV вв. – М., 1988. – С. 73.

[25] *Kurat A.N.* Topkapı. – S. 8-9,161-166; *Султанов Т.И.* Письмо. – С. 54; Он же. Письма. – С.239. Афлак - Валахия.

[26] Особенно активно Византия пытается найти противовес туркам в лице Тимура.

[27] *Silberschmidt M.* Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Turkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajazid I, zu Byzanz, Ungarn und Genua and zum Reiche von Kiptschak (1391-1400). – Lepzig-Berlin,1923

[28] *Stromer von Reichenbach W.F.* König Siegmunds Gesandte in den Orient // Festschrift für Hermann Heimpel. Zum 70 Geburtstag. – Göttingen, 1972. Zweiter Band. – S.591.

[29] *Agoston G.* Karamania, the Anti-Ottoman Christian Diplomacy and the Non-Existing Hungarian-Karamanid Diplomatic Relations of 1428 // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1995. – Tom. 48. – Fasc. 3. – P. 273.

[30] *Katona S.* Historia critica regum Hungariae. – Buda, 1790. – Tom. 5. – Ord. 12. – P. 503-507; *Tardy L.* Beyond the Ottoman Empire. 14th-16th century Hungarian Diplomacy in the East. (Studia Uralo-Altaica Vol. 13). – Szeged, 1978. – P. 10-13.

[31] *Tardy.* Op.cit. – P. 18-19.

[32] Как считал Н. Йорга (*Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. (bis 1538). – Gotha,1909. – Bd. 2. – S. 406). а за ним и Л.Тарды.

[33] *Agoston.* Op.cit. – P. 273-274.

[34] *Stromer von Reichenbach* Op.cit. – S. 596.

[35] Подробнее о договоре См. *Prlender I.* Sporazum u Tati 1426. godine i Zigmundovi obrambeni sustavi // Historijski zbornik. – Zagreb, 1992. – Godina 44 (1). – 1991.

[36] Турецкий историк И.Х. Узунчаршылы природу этих 12 тысяч дукатов объяснял схожим образом (как долг наместника города, или что-то вроде откупной суммы). Сигизмунд даже как будто бы заплатил эти деньги, но крепость досталась османам (см. *Uzunçarşılı İ.H.* Osmanlı Tarihi. – Ankara, 1988. – Cilt 1. – 5 Baskı. – S.407, ср. досадную опечатку – 831 г.х. – 1425 г. !! там же).

[37] *Jireček* Op.cit. – S. 163-164; *Радонић Ј.* Западна Европа и Балкански народи према турцима у првој половини XV века. – Нови Сад, 1905. – С.54-55; Историја Српског. – С. 220-221; *Ћоровић В.* Историја. – С. 300-301; *Динић М.* Српске земље у средњем веку: историјско-географске студије. – Београд, 1978. – С. 338, 106, 108; *Спремић М.* Деспот Ђураћ Бранковић и његово доба. – Београд, 1994. – С. 71, 90-92, 96, 99, 101.

[38] *Тизенгаузен В.Г.* Указ.соч. – С. 502; *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223-1502). – Leipzig, 1943. – S. 158.

[39] *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку, 1984. – С. 36, 46.

[40] *Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410-1430). – Спб., 1891. – С. 189-190.

[41] *Таубе М.А.* Международный конгресс на Волыни в XV столетии // Русский Вестник. – 1898, май. – Т. 255. – С. 139.

[42] *Чешихин Е.В.* История Ливонии с древнейших времен. – Рига, 1887. – Т. 3. – С.60.

[43] *Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. – М., 1916. – С. 43, 177.

[44] *Сафаргалиев М.Г.* Указ.соч. – С. 486.

[45] В донесении прусских командоров со съезда в Луцке (15 января 1429) сказано, что на съезде у Витовта искал покровительства бургомистр города Kassan. А. Барбашев считал, что речь идет не о Казани, а о кашинском князе (*Барбашев А.* Указ.соч. – С. 201, прим 23).

[46] *Таубе М.А.* Указ.соч. – С. 145.

[47] *Барбашев А.* Указ.соч. – С. 233.

[48] *Таубе М.А.* Указ.соч. – С. 151.

[49] О бумагах Кенигсбергского архива, которыми пользовался Карамзин, см. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – М., 1998. – Т. 6. – С. 357-358.

[50] *Коцебу А.* Свитригайло, Великий князь Литовский. – Спб., 1835. – С. 168-169.

[51] *Карамзин Н.М.* Указ.соч. – С. 357.

[52] От араб. شرط. Как показал В.В.Трепавлов, шерть в XV-XVIII вв. не являлась межгосударственным соглашением, а была персональным договором между правителями (см. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда и Московское царство: подданство или протекторат? // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы Всероссийской научной конференции. – Астрахань, 1997. – С. 153). С восшествием на престол нового монарха ее нужно было продлевать. Нарушение условий шерти могло рассматриваться как личная измена одной стороны.

[53] *Коцебу А.* Указ.соч. – С. 94, Секретный архив № XXI. Мценский воевода Г. Протасьев был обманом схвачен зятем Улуг-Мухаммеда Айдаром под Мценском в октябре 1430 г. (*Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. – М., 1991. – С. 43, 44, 227).

[54] Мухмудек, преемник Улуг-Мухаммеда в Казани.

[55] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – М., 1993. – Т. 5. – С. 334.

[56] *Коцебу А.* Указ.соч. – С. 153; Секретный архив № LXXI.

[57] *Hitchins K.* Ottoman Domination of Moldavia and Wallachia in the Sixteenth Century // Asian Studies.– N-Y., 1967. – Vol. 1. – P.124.

[58] *Коцебу А.* Указ.соч. – С. 203.

[59] Днепр.

[60] *Kurat A.N.* Topkapı. – S. 8-9; *Султанов Т.И.* Письмо. – С. 54-55; *Он же.* Письма. – С. 239.

[61] *Коцебу А.* Указ.соч. – С. 168-169; Секретный архив № LXXVII.

[62] Т.е. уланов.

[63] *Коцебу А.* Указ.соч. – С. 169; Секретный архив № LXXVIII.

[64] Там же. – С. 192.

[65] Там же. – С. 220.

[66] Там же. – С. 223-224.

[67] *Зимин А.А.* Указ.соч. – С. 1991: 81-83, 101-108. Взаимоотношениям Орды с государствами Восточной Европы в это время посвящена также статья: *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430-1460) // Славяне и их соседи. – М., 2001. – Вып.10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина.

И. Зимони

Венгры в Волго-Камском бассейне?

«Прародина» венгров в бассейне рек Волги и Камы - как в среде общественного мнения, так и в профессионально-научных кругах - является общепринятым основополагающим тезисом венгерской древней истории. Наряду с названием «прародины» в бассейне рек Волги и Камы, в специальной литературе употребляются также термины уральская «прародина», башкирская «прародина» и Magna Hungaria. Сначала необходимо решить вопрос относительно различных терминов, раскрывая при этом круг значения и условия их возникновения. Затем мы попытаемся обосновать употребление термина, использованного нами в заглавии статьи.

Под словом «прародина», как правило, понимают наиболее древнее известное место поселения какого-либо народа. Однако же, на основе дальнейших исследований этногенез расчленяется на различные эпохи. В случае венгров необходимо разделять период формирования венгров, обретших родину (V—IX вв.), и предшествующий ему – «довенгерский» период. Среди вопросов древней венгерской истории выделяются темы, связанные с территорией между Волгой и Камой. Среди них отмечаются первые концепции наиболее ранней венгерской «прародины», основывающиеся на результатах финно-угроведения, истории венгерского языка и археологии. Данные концепции относятся к раннему периоду этногенеза и поэтому, само собой разумеется, он опирается на эти две области. Здесь, в первую очередь, следует подчеркнуть, насколько могут быть

оценены с точки зрения этногенеза методы, использованные в истории языкознания и археологии, иными словами, может ли означать реконструированный язык и археологическая культура в этносоциологическом отношении более или менее многочисленную этническую формацию в эту эпоху? Другие, относящиеся сюда темы, связаны со вторым периодом этногенеза, здесь мы уже располагаем и письменными источниками. Среди нижеуказанных четырех тем первые две - проблема Югрии и путешествие Юлиана, а также проблема венгерских остатков, найденных им, - коренятся в венгерских исторических традициях, в то время, как круг вопросов, касающихся башкиро-венгерских связей (башкиро-венгерская идентификация у ранних мусульманских авторов, ее интерпретации в латинской и персидской литературе монгольского периода; башкиро-венгерское согласование названий племен) и отношений волжских болгар и венгров, покоится на достижениях чисто научных исследований. В ходе обзора указанного круга тем, учитывая результаты исследований, мы поставили целью - дать критическую оценку этим результатам, то есть, разграничить факты и предположения, произвести суждения относительно некоторых гипотез. Само собой понятно, невозможно было подробно заниматься отдельными темами; дело, ведь, в том, что каждая тема потребовала бы самостоятельной монографической разработки. Из всего этого следует, что проблема венгров в Волго-Камском бассейне является теоретической конструкцией, состоящей из многочисленных элементов, а достоверность ее обеспечивается надежностью этих составляющих. В центре данной работы стоит исследование именно надежности указанных элементов.

Прежде чем сделать предметом исследования конкретный круг тем, требуется объяснить сам термин «прародина» по отношению к Волго-Камскому бассейну. Мы сознательно избегали таких традиционных выражений, как Уральская «прародина», башкирская «прародина», а также Magna Hungaria, по-

сколько к ним «прилагаются» различные теории и представления, и таким образом имманентно они несут в себе какое-либо оценочное суждение.

Выражение уральская «прародина» - в смысле первой самостоятельной области поселения венгров - впервые использовал в 1943 г. Л. Лигети. На этой территории венгры провели полтора тысячелетия (1000 г. до н.э. - 500 г. до н.э.). По его мнению, место жительства наших предков сначала находилось к западу от Южного Урала, а позднее - к востоку от него.[1] Отсюда, якобы, двинулись наши предки к Предкавказью. С недавнего времени финно-угорские языковеды термин уральская «прародина» используют в совершенно ином смысле: дело в том, что общий предок финно-угорского и самоедского языков ими был реконструирован как уральский язык-основа, а место жительства народов, говоривших на этих языках, называют уральской «прародиной»,[2] таким образом, в силу двусмысленности этого термина, он может ввести в заблуждение; дело также в том, что как в случае древне-венгерского языка, так и в случае уральского языка-основы речь идет о тогдашней территории расселения носителей единицы, заключенной в историко-языковом отношении. Эти территории в географическом плане совпадают, во всяком случае, они близки друг другу, и обе они получили свое название от Уральских гор. Терминологический хаос усугубляется еще и тем, что венгерский язык происходит от уральского языка-основы. Между прочим, значительно модифицировалась и концепция относительно уральской «прародины» венгров, созданная Л. Лигети в 1943 г., поскольку между территорией расселения в районе Урала и местом жительства в предгорьях Кавказа «включили» новую «прародину» венгров, которую, как правило, называют Magna Hungaria или башкирской «прародиной».[3]

Название башкирская «прародина» следует обойти вниманием, так как заведомо предполагает факт башкиро-венгерской идентификации, но, по крайней мере, намекает на

этот факт, хотя это - как мы это ниже увидим - очень спорный вопрос. Против этого названия говорит еще и то, что оно указывает на территории современной Башкирии, то есть в географическом отношении – на чрезвычайно узкую область.

И, наконец, выражение Magna Hungaria однозначно является термином ученого происхождения XIII в., который указывает на землю венгров, найденных на востоке. А отсюда только лишь один шаг к предположению, что эта территория была венгерской «прародиной».[4]

На основе всего этого более удачным кажется термин «Волго-Камский бассейн», так как с этим названием не ассоциируется какая-либо мыслительная конструкция, которая уже в самом названии намекала бы на какую-либо научную концепцию. В то же время в географическом смысле с точки зрения венгерской древней истории под названием Волго-Камский бассейн мы понимаем более широкую территорию, которая с запада ограничена средним течением Волги, а к востоку простирается до Западной Сибири. По растительному покрову область относится к зоне лесов и лесостепей.[5]

В работах по вопросам древней венгерской истории, встречаются различные критерии периодизации, однако, она, в основном, строится на результатах истории языкознания. Эпоху уральского языка-основы датируют VI — IV тысячелетиями до н.э., затем же после исчезновения уральского языка-основы возник финно-угорский и самоедский язык-основа (IV-III тысячелетия). Из финно-угорского языкового единства во II тыс. до н.э. отделился угорский язык-основа, и, наконец, из него в первой половине I тыс. до н.э. происходит древне-венгерский язык.[6] Историю древне-венгерского языка, основываясь на исследованиях заимствованных слов, Л.Лигети разделил на три периода: I. Ранний период (500 г. до н.э. – рубеж эр); 2. Средний период (рубеж н.э. - 500 г.) и 3. поздний период (V - X вв).[7] Археологическая периодизация в отношении Восточной Европы также показывает тройное расчленение: неолит (IV тыс. до

н.э.); бронзовый век (II тыс. до н.э.); железный век (VIII в. до н.э.). Временные рамки археологической культуры железного века на территории Волги и Камы также охватывают три эпохи: ананьинская культура (VIII в. до н.э. - III в. до н.э.), пьяноборская, гляденовская культура (III в. до н.э. - III в. н.э.); бахмутиновская, ломоватовская, именьковская культура (III – VIII в.).[8] А. Барта оперировал общественно-исторической периодизацией: в своих работах он предлагал деление на родовой период (III тыс. до н.э.), племенной период (500 г. до н.э.) и период племенного союза (600 — 1000 гг.).[9]

После работ Е. Сюча по этногенезу вопрос периодизации получил иное освещение. Дело в том, что в отношении венгров можно реконструировать «гентильное», или, иными словами, варварское этническое сознание, которое можно сопоставить параллельно с этническим сознанием германских этнических формирований эпохи переселения народов (принимая во внимание соответствующие ограничения). Характерные особенности этого варварского этнического сознания Е. Сюч подытожил следующим образом: «Свергнувшие Рим и наследовавшие ему германские этнические формирования (gentes) в действительности не были какими-то кровными общностями или органическими образованиями, а исконно - в ходе переселения народов (III—IV вв.) - были искусственно интегрированными политическими организмами из различных племенных и народных «частей». Однако, продолжительность нового господствующего образования («Heerkönigtum»), как правило, приводила к интеграции различных этнических традиций и формированию веры в органическое возникновение народа, как это можно наблюдать в случае народов, сыгравших значительную историческую роль (восточные и западные готы, франки, алеманы, бургунды, лангобарды и. т.д.). В том случае, если политические и этнические рамки, более или менее покрывающие друг друга, охватывают специфическую префеодально-варварскую социальную структуру (в которой, несмот-

ря на сильную монархическую власть и социальную расчлененность, вооруженный свободный элемент имел значительный вес), а этническое сознание, основывающееся на происхождении и традиционной общности народа (theudo-gens), в сущности, совпадало с лояльностью к политической власти и с общественным самосознанием принадлежности к правовой общности вольных (к народному праву) - мы имеем право говорить о «гентильной» структуре и самосознании. Хотя преобладающие «идеологические» элементы этого сознания первоначально не означали язык или культуру в целом, но расчленялись по более широким языковым и культурным взаимосвязям - унитарная традиция происхождения (которая расплавила изначальные исторические элементы сознания в варварский кровный миф, заменяющий абстракцию «общества», и вознесла эти элементы в сакральную сферу), обычное право (которое раз и навсегда означало «этническую» связывающую силу), как правило, «обычаи» (этнически нормативная традиция), верования (независимо от того, были ли их элементы исконно этнически специфичными) - в рамках характерного «этноцентрического» подхода сплотились в органическое целое. Хотя относительно характера интенсивности, функции и содержания сознания на различных социальных уровнях даже внутри одной и той же группы народа можно учесть многочисленные варианты, они, несомненно, являются вариантами одной и той же единой модели, которая может считаться «политической» формой сознания постольку, поскольку представления, исходящие из этнического сознания, в большей или меньшей степени определяют лояльность, политическое и общественное самосознание людей, относящихся к данной группе».[10]

«Гентилизм» венгров, обретших родину, отражается в легенде о происхождении «Hunor-Magor», подтверждающей веру в общность происхождения, в выражении Genus Hungarorum, отмеченном ок. 1100 г., которое, в отличие от феодального подхода, определяется на основе языка, истоков и проис-

хождения, и в идейном мире языческих восстаний XI в., где еще только вырисовывается живая традиция языческих верований и варварской правовой системы. Формирование венгерского варварского этнического сознания относит к VI-IX вв., «тюркские» политические рамки которого укрепились в период хазарской империи (VII—IX вв.).[11]

Начало формирования венгров, обретших родину, можно связать с фактом переселения тюркских народов в Европу. Первые народы, очевидно, говорившие на тюркских языках (оногуры, огуры, сарагуры), прибыли в Пердкавказье ок. 463 г. Обычно, эту дату считают поворотным пунктом в формировании венгров, обретших родину. В то же время нельзя исключить того, что процесс формирования народа мог начаться вследствие переселения гуннов на запад в 370-е гг. Но вполне может быть представлена и такая картина, в соответствии с которой решающий толчок дало переселение сабир ок. 503 г., авар и вслед за ними тюрков в 550-е гг., или же консолидация хазарской империи, последовавшая в первой половине VII в. Географические рамки формирования венгров, обретших родину, мы можем, во всяком случае, поместить на тогдашнюю территорию хазарской империи, то есть это - зона восточноевропейской степи и лесостепи. Более точная локализация возможна лишь начиная с IX в. В этот период письменные источники упоминают венгров на северном побережье Черного моря.

Последний период древней венгерской истории с этногенетический точки зрения является эпохой формирования венгерского народа, обретшего родину, и формирования его «гентильного» сознания. Период, предшествующий данному, Л. Лигети характеризовал так: «древнюю венгерскую историю можно исследовать лишь в обратном направлении после н.э. до V в. Свыше этого мы не можем ступить ни шагу, перед нашими глазами исчезнут все следы, ориентирующие нас. Для наших дальнейших исследований мы должны искать другого

«проводника», и это - наш язык. Мы вовсе не намерены ошибочно полагать, считая, что языковое происхождение непременно должно быть тождественно этническому происхождению».[12] Е. Сюч о рассматриваемом периоде пишет следующее: «Но вопреки этому, на вопрос: какая группа скрывается за историко-лингвистической категорией «раннее венгерство», в этносоциологическом смысле, - ничего определенного, обнадеживающего сказать нельзя».[13]

Если формирование этнического сознания германских народных общностей в период переселения народов использовать в качестве удобной аналогии для реконструкции «гентилизма» венгров, обретших родину, то результаты этносоциологических исследований германских племен, предшествующих периоду переселения народов, теперь заслуживают большего внимания. Дело в том, что между двумя эпохами с этногенетической точки зрения существует основополагающая разница.[14] Для более позднего периода характерно, что заключения, сделанные из исследования германских племен, которые провели Цезарь и Тацит, можно сопоставить с этносоциологическим материалом (эпохи средневековья или нового времени) народов, живущих в северных районах степей и лесостепей. Что касается нашей, более узкой темы, можно установить, что в периодизации венгерской древней истории наиболее резкую границу мы можем подвести к эпохе ок. V в. Поэтому следует обращать особое внимание на все факты и предположения, которые относятся к периоду до V в. С этносоциологической точки зрения здесь речь идет о двух различных периодах.

I. Наиболее ранние концепции венгерской «прародины»

Венгерский язык относится к финно-угорским языкам. С недавнего времени вместо термина «финно-угорские языки», учитывая родство финно-уторских и самоедских языков, распространилось выражение «уральские языки».[15] Уральскими языками мы называем те языки, которые в процессе своего формирования - через различные языки-основы - в конечном

счете, происходят из реконструированного уральского языка-основы. В случае венгерского языка, двигаясь в обратном направлении, мы можем говорить об угорском, финно-угорском и уральском языках-основе. В ходе историко-лингвистических исследований, сначала выяснили, какие степени родства существовали между отдельными уральскими языками. После этого была принята попытка установить временные рамки существования отдельных языков-основ. Среди историко-лингвистических исследований хорошую информацию может дать исследование заимствованных слов[16], попавших в различные языки-основы, и древние языки, установление относительной хронологии заимствований, а также глотто-хронология, которая на основе изменений совпадающего словарного запаса (лексики) родственных языков пытается дать ответ на вопрос: когда отделились друг от друга некоторые языковые группы и языки?[17]

Для определения географического расположения групп, говоривших на уральском языке-основе, можно использовать метод лингвистической палеонтологии. Сущность этого метода П. Хайду характеризовал так: «Если из имеющей общее происхождение лексикологии родственных языков мы выберем совпадающие названия животных и растений и реконструируем их исконные значения, то мы можем представить себе картину того, какой животный и растительный мир окружал наших предков на месте их расселения. После этого на карте, изображающей распространение животных и растений, нужно найти ту территорию, где находятся все животные и растения, которые были известны нашим предкам. Территорию, очерченную таким образом, мы можем считать наиболее древним местом жительства нашей языковой семьи».[18] П. Хайду реконструировал формы уральского языка-основы слов: ель, кедровая сосна, пихта, лиственница, вяз и, исследуя распространение пяти пород деревьев, пришел к заключению о том, что местом жительства общностей, говоривших на уральском языке, в

VI—IV тыс. до н.э. могли быть территории Среднего Урала и от него - к северу, вдоль нижнего и среднего течения реки Обь.[19]

Благодаря историческому языкознанию, путем сопоставления лексикологии родственных языков, мы можем собрать данные относительно образа жизни групп, говоривших на языке-основе. На основе этого уральский и финно-угорский периоды характеризуются образом жизни охотников-рыболовов; для угорского периода, в свою очередь, можно найти лексику, указывающую на коневодческую культуру.[20]

Достижения историко-лингвистических исследований мы можем подытожить следующим образом: в VI—IV тыс. до н.э. группы, говорившие на уральском языке-основе, очевидно, жили на территории Среднего Урала, у истоков Оби и Печоры. После отделения самоедских языков финно-угорский период, по всей вероятности, продолжается до конца III тыс. до н.э., когда возникла угорская и финно-пермская языковая ветвь. Угорский период закончился где-то в первой половине I тыс. до н.э., и после этого сформировался древне-венгерский язык. На основе географического расположения современных народов, говорящих на уральских языках, и установления степени их родства, можно предположить, что среди общностей, говоривших на финно-угорском языке-основе, на более восточных территориях, очевидно, жили позже угро-язычные группы, в то время, как носителя финно-пермского языка-основы медленно тянулись в западном направлении. Терминология угорского периода, относящаяся к содержанию лошадей, которая сохранилась и в современных обско-угорских языках, говорит о том, что стоянки угро-язычных групп, вероятно, находились на Южном Урале и к востоку от него. Следовательно, после распада угро-язычного единства на этой территории мы можем предполагать существование общностей, говоривших на древне-венгерском языке.

Основы подхода к археологическим исследованиям в отношении древней венгерской истории в двух аспектах заложил Дьюла Ласло. Первый методологический принцип заключается в нахождении достоверно венгерских артефактов периода обретения родины, когда это раскрытие по времени происходит в обратном направлении. Второй принцип строится на сопоставлении ранних мест стоянок, заключенных на основе сведений по истории языкознания и археологического материала, а также - на идентификации отдельных археологических культур и групп, говоривших на языке-основе. Таким образом, исследователь предпринял попытку продемонстрировать характерные особенности образа жизни и культуры с помощью археологического арсенала.[21]

Археологические исследования установили, что между артефактами, найденными на побережье Черного моря, и археологическим материалом обретших родину венгров, можно найти сравнительно мало параллелей, хотя по сведениям письменных источников, в IX в. венгры жили на данной территории. Ближе всего к наследию обретших родину венгров стоит могильник возле деревни Большие Тиганы, находящейся у нижнего течения Камы далеко к востоку от Карпатского бассейна. По мнению некоторых археологов, сходство достигает такой степени, что в этом случае можно говорить о родстве народов. Могильник, по мнению археологов, проводивших раскопки, может быть датирован концом VIII - началом IX в., то есть исследователи предполагали, что в начале IX в. венгры, обретшие родину, переселились отсюда, с территории среднего течения Волги в Предкавказье.[22]

И. Фодор эту гипотезу отверг, ссылаясь на археологические и исторические причины; он полагал, что «предки общности Больших Тиганов не пришли в Карпатский бассейн во время завоевания родины Арпадом, ... в них, очевидно, мы видим одну из важных общностей, оставшихся на востоке групп народов».[23]

Венгерский характер могильника поблизости деревни Большие Тиганы подтверждает тот факт, что Юлиан в начале XIII в. нашел венгров, в основном, на этой территории. Если захороненные там люди действительно венгры, то возникает вопрос: откуда и когда прибыли туда остатки венгров?

На этот вопрос, в общем смысле, родилось два ответа. Согласно первой точке зрения, которую вслед за Халиковым подтверждают археологическими аргументами, наиболее близкие параллели раскопок в Больших Тиганах наблюдаются в кушнаренковой культуре, распространенной на территории современной Башкирии. Это, следовательно, указывает на то, что наши предки жили на территории между Южным Уралом и дельтой реки Камы. Кушнаренковая культура сформировалась в V— VI вв., ее истоки находятся в Западной Сибири. В соответствии с этим венгры, возможно, в V — VI вв. переселились с Урала в район к западу от него. Таким образом, кладбище, находящееся возле Больших Тиганов, является наследием осевших на том месте венгров, живших к западу от Урала, или же – это остатки венгров, переселившихся с ближних мест жительства.[24]

Вторую точку зрения, подтвержденную лингвистическими аргументами, представлял Л. Лигети. По его мнению, венгры Юлиана с Поволжья в XIII в. не могут быть диаспорой «прародины», а в ходе событий, последовавших за нападениями печенегов в IX в., это обломки (остатки), отколовшиеся от венгров в восточном направлении. Дело в том, что Юлиан мог понять язык венгерской общности Поволжья только таким образом, если она выделилась из массы венгров не за многие столетия до обретения ими родины, а только лишь в IX в. Это предположение он подтверждает далее тем, что «башкирские *венгерские* названия племен - Gyarmat и Jenő свидетельствуют о довольно позднем своем происхождении. В этом отношении однозначно показание названия Jenő, которое указывает на новейший слой венгерских слов и имен чувашского типа, про-

исходящих из диалекта *с*. Но в этом же смысле свидетельствует и название племени Gyarmat, которое связывают узы семи племен, завоевавших родину, а не башкирская земля: название Kürt-Gyarmat, а точнее, соединение племени Gyarmat и Kürt, явным образом, объясняется резким упадком численности племени Gyarmat, что могло произойти отделением башкирской части Jurmaty. Двойное название племени отражает временное состояние, указывает на событие, сохранившее по себе еще свежую память».[25]

Возвращаясь к археологическому методу поисков в обратном направлений, в случае венгров, обретших родину, имеет место парадоксальное положение: письменные источники упоминают венгров в IX в. на побережье Черного моря, но в то же время на основе археологических данных они там не могут быть идентифицированы. Археологи связали с венграми только могильник в Больших Тиганах, который является ровесником венгров.

Этот археологический метод способствовал большой достоверности при определении ранних мест жительства обских угров, пермских народов и волжских финно-угров, так как средневековые могильники этих групп на основе их археологического материала можно свести в обратном направлении вплоть до самой ранней эпохи.[26]

Второй метод, исходя из лингвистической палеонтологии и различных степеней языкового родства, согласует место жительства групп, говоривших на языке-основе с археологическими культурами. Территорию группы с уральским языком-основой в IV тыс. до н.э. определяют на восточной стороне Уральских гор. Это в археологическом отношении может идентифицироваться с уральской неолитической культурой. В III тыс. до н.э. многие финно-угорские языковые группы могли появиться к западу от Урала, в долине реки Камы.[27] Археологическое наследие групп, находившихся к западу от Урала, прослеживается хорошо: распространяясь на запад, эти группы

заняли район Верхнего Поволжья и Оки. Самую западную ветвь финно-угорских языковых групп (Верхнее Поволжье) отождествляют с группами, говорившими на волжском финском языке-основе, а носителей археологических культур, сформировавшихся на территории между Волгой и Камой, отождествляют с группами, говоривших на пермском языке.[28] Группы, употреблявшие угорский язык-основу во II—I тыс. до н.э., следует иметь в виду на территории к востоку от Урала, на северной части территории андроновской культуры бронзового века.[29] Вследствие климатических изменений, происшедших в эпоху бронзового века и формирования кочевого образа жизни, отношения между группами, говорившими на угорском языке, ослабились (1500—500 гг. до н.э.). В период 500 г до н.э. - 200 г. н.э. ретроспективным методом удалось выделить группы, двинувшиеся в северном направлении, идентифицировать их с предками обских угров, в то время, как в угроязычных группах, оставшихся на юге, предполагают общности, говоривших на древне-венгерском языке. Языковое отделение последних произошло в период между 1000 г. до н.э. и 500 г. до н.э.[30] Многие археологи западносибирскую саргатскую культуру связывают с древними венграми.[31] Связи западносибирских и южно-уральских археологических культур с археологическими культурами территории между Средним Поволжьем и Уралом указывают на то, что западносибирские группы, совершив переход через Уральские горы, очевидно, приняли участие в формировании новых культур (между III в. до н.э. и V в. н.э.).[32] В этой точке соприкасаются ретроспективный метод и метод, выводимый из археологических культур групп, говоривших на языке-основе, реконструируемых эпохой неолита. Несмотря на это вероятность выводимых гипотез ограничена.

Спорные моменты в исследовании венгерского этногенеза можно ощущать уже внутри круга компетенции отдельных специальных наук. Среди исследователей истории языка

идет спор о том, является ли реконструированный язык-основа действительно языком, или же это условность - система символов, используемая в науке. Не высказывая свою точку зрения по этому вопросу, укажем лишь на то, что реконструированный язык-основа - это такая модель, которую хотя и следует приближать к настоящей языковой системе, но в методологическом отношении обе их нельзя идентифицировать.[33]

Дальнейшие серьезные проблемы возникают вследствие смешения терминологии разных областей наук. Пожалуй, самая наглядная проблема, когда какое-нибудь лингвистическое понятие встает на место этнической терминологии. По мнению В. Мюльманна, лингвисты являются причиной тому, что они говорят об индогерманских «народах», а не о языках. Иными словами, то, что мы называем языковыми общностями, это ни в коем случае не общность, понимаемая в социологическом смысле, а это общность, говорящая на одном определенном языке, то есть совокупность статистического состояния. Это, разумеется, действительно не только для таких всеобъемлющих понятий, как, например, индо-германцы, но для таких подкатегорий, как германцы, кельты, славяне и т.д. «Мы должны добиться того, чтобы исключить из древне-исторических исследований понятие «народа». Терминология важна, поскольку неверная терминология невольно ведет и к неверным мыслям. Смешение и размывание языковой и этнической классификации с научной точки зрения - точно такая же невероятность, как в свое время смешение языковой и антропологической терминологий».[34]

В отношении между археологией и этногенетическими исследованиями необходимо точно определить роль археологической культуры. По мнению Ф. Дайма, народные формации, возникшие в поздний античный и ранне-феодальный периоды, в первую очередь, характеризовались так называемым «сознанием-*мы*» и верой в свое общее происхождение, но в то же время другие критерии (эндогамия, правовая общность,

общежитие, религиозная или культовая общность, гомогенная материальная культура) являются довольно неопределенными. Один критерий сам по себе не может быть использован при отождествлении какой-либо народной формации. Таким образом, культуры, выдвинутые на основе археологических критериев, также не пригодны для этого. «Гентильное» сознание народности, которое выражается в сознании общего происхождения, можно реконструировать лишь на основе письменных источников и данных устной традиции. Если это уже удалось, тогда для характеристики данной народной формации можно использовать археологический материал. «Все нематериальные культурные данные (язык, вера, обычаи, общее происхождение) для археолога останутся скрытыми. И всё же, если ту археологическую культуру, основывающуюся на многочисленных критериях, в отношении образа жизни (поселение, одежда, товарное производство, торговля, погребальные обычаи) можно отличить от соседних культур, и письменные источники - хотя бы даже и косвенным образом - делают вероятным «гентильное» сознание, представляется возможным данную культуру интерпретировать как наследие одного определенного этнического единства».[35]

Многочисленные черты археологического наследия венгров, обретших родину, резко выявляют неопределенность и несостоятельность этнической идентификации, несмотря на то, что письменные источники все же могут прийти на помощь. В первой половине XX в. археологическим материалом обретших родину венгров считали лишь захоронения с лошадьми, с богатыми надгробными памятниками, а народ, захороненный на многочисленных бедных кладбищах, принимали за славян. Благодаря исследованиям Б. Секе, ныне уже считается общепринятой точка зрения, по которой богатые находки являются памятниками высшего и среднего слоя венгерского населения, а в бедные могилы захоранивали венгров - представителей простонародья.[36]

Было предпринято много попыток для выделения археологического материала, связанного с кабарами.[37] По мнению К. Мештерхази, могильники простонародья социально расчленены, и в этом случае можно выявить высший и средний слои, но в то же время на кладбищах, где захоронены представители указанных слоев, можно найти и бедные могилы. Различное географическое расположение обеих групп (простонародье - Южный Задунайский край; средний слой - район Верхней Тиссы) и их различие, проявляющееся в образе жизни, можно объяснить этническими различиями. Согласно этому, группа, жившая в районе Верхней Тиссы, вероятно, отождествляется с кабарами, а памятники Южного Задунайского края могут иметь отношение к венграм. В то же время высший и средний слои венгров - в виду тюркских контактов до периода обретения родины - едва отличались от группы, которую принимали за кабар. Основополагающую разницу между двумя группами отражает наследие простонародья: к группе, которую принимали за венгров, относилось многочисленное простонародье, занимавшееся, в первую очередь, земледелием.[38] Восточные параллели обеих групп, завоевавших родину, исследует в двух направлениях. Хотя его оценка восточных параллелей простонародных могильников неточна, памятники высшего и среднего слоев близки археологическим материалам VIII—X вв., найденных в Волго-Камском бассейне. Из этого К. Мештерхази делает заключение, что «башкирские (VIII-IX вв.) и венгерские могильники до периода обретения родины связываются посредством групп, ассимилировавшихся с венграми и примкнувших к последним волжских, оногурских болгар и других тюркских народов».[39] Это противоречит цитированной выше точке зрения И. Фодора, согласно которой материалы, найденные вдоль побережья Волги и Камы, это наследие венгров, оставшихся на востоке.

Несмотря на все эти трудности, конечно, мы возьмем на себя риск сделать положительное предположение об истории

венгров в период, предшествующий V в. н.э. На основе данных истории языкознания и археологии отделение древневенгерского языка из обско-угорского можно датировать первой половиной I тыс. дон.э. В эту эпоху местом жительства общностей, говоривших на древне-венгерском языке, вероятно, была лесостепь где-то между Обью и Средним Поволжьем. Более точное определение, по нашему мнению, в настоящее время несет в себе еще столько неопределенных факторов, что она кажется напрасной попыткой. В первом тысячелетии древней венгерской истории в том же этносоциологическим смысле, как мы употребляем выражение «венгры, обретшие родину», - мы еще не имеем права говорить о венгерском народе, ведь под ним мы понимаем «гентильную» народную формацию довольно большой численности. На древневенгерских диалектах, очевидно, говорили многочисленные, но небольшие группы. Они приняли участие в процессе образования народных формаций, начавшемся в IV— VII вв. н.э. и в упрочившихся политических рамках, которые были построены по тюркскому кочевому образцу, очевидно, объединившись в языковом отношении, они остались доминантными. Таким образом, они могли ассимилировать иноязычные группы гетерогенных этнических формаций.

II. Проблема Югра/Jugria

Среди концепций о «прародине», восходящих к средневековым традициям (Scythia, Magna Hungaria, Jugria/Югра), сначала мы займемся проблемами, касающимися отождествлению Югра/Jugria.[40] Данное выражение - латинизированная форма русского Югра,[41] которая впервые встречается в средневековье в мусульманских и русских источниках.

Среди мусульманских авторов первым (ок. 1030 г.) об этом упомянул Бируни, употребив форму Yūra.[42] Довольно длинное описание о народе Yūra можно прочитать в работе Марвази, законченной в 1120 г. Краткое ее содержание передал Ауфи.[43] В произведении Абу-Хамида ал-Гарнати «Подарок сер-

дец» при описании северных народов не упоминается этнонима, интересующего нас. Однако в более ранней своей работе «Яркий отчет о нескольких чудесах стран Запада» Абу-Хамид более детально занимается народами этой территории, и там у него встречается форма Yūrā.[44] У Умари (XIV в.) можно отметить форму Yūġra.[45] Последняя форма точно соответствует термину Югра, встречающемуся в русских источниках; это указывает на то, что арабский торговец, названный у Умари, приобрел информацию или непосредственно, или же через русское посредство. Данные Yūra у мусульманских авторов XI—XIII вв. объясняются из исконной формы Yugra. Это изменение, очевидно, произошло в языке источников информации мусульманских авторов, в языке волжских болгар.[46] Волжские болгары имели контакты с жителями Югры с целью торговли мехом.

В русских источниках первое достоверное сведение летописей о Югре датируется 1096 г. Слуга одного новгородского купца, отправясь на восток от Печоры, попал в Югру, где железо обменял на мех.[47] В XII—XIV вв. новгородцы имели с Югрой постоянные контакты. К XV в. Москва взяла на себя роль Новгорода и постепенно завоевала эту территорию. В XVI в. название Югра постепенно вытеснилось из словоупотребления, и на его место встали этнонимы «вогул» и «остяк».[48]

Географическая детерминация усложняется тем, что в ходе истории ее территория изменялась, а информация источников об этом имеет пробелы. Согласно ранним данным, данная территория может быть локализована между Печорой и Уральскими горами: в XIII—XIV вв. о ней имеются сведения от Урала на восток, и, наконец, источники XV—XVII вв. определяют территорию нижнего течения Оби.[49]

Название Югра, которое, вероятно, скрывает за собой предков вогул и остяков, чрезвычайно близко древнерусскому названию венгров - *угры*. Современное русское слово «венгр» является польским заимствованием XVII в.[50] В русских источ-

никах очень часто наблюдается замена двух форм этнонимов: в многочисленных ранних источниках в отношении уральской территории используют форму Угра, но вместе с тем встречается форма Югра, которая имеет отношение к Венгрии.[51] Из этого И. Вашари сделал заключение, что «русская традиция, очевидно, сначала связывала жителей Югры и венгров, а именно, на основе этимологического соединения названия жителей исключительно двух территорий: югры –жители Югры, угры - жители Венгрии. Это соединение могло произойти только на русской почве, так как в русском языке этимологическая связь обоих названий очевидна. Русские не знали основательно ни языка вогулов-остяков, ни языка венгров, так что здесь не может идти и речи и сознательном языковом сходстве. Оба языка, между прочим, настолько далеки друг от друга, что в XV в., учитывая лингвистические знания той эпохи, вопрос родства двух языков даже и не мог подниматься».[52]

В XV в., вследствие возможности объединения церквей, возрос интерес католического духовенства по отношению к Москве. Вести о военных походах против Югры стали известны и на Западе благодаря принятию титула великим князем Иваном III в 1486 г. В начале XVI в. в работах М. Меховского и С. Герберштейна находим описание страны Yugria, и вместе с ним и концепцию, согласно которой Yugria - это место жительства остатков венгров, оставшихся на востоке. Это по понятиям той эпохи означало, что здесь была прародина венгров. Сведения упомянутых двух авторов вскоре распространились и в Венгрии, и в отечественную литературу впиталось представление о прародине Yugria.[53]

Когда в XVIII в. сформировалась сопоставительное финно-угроведение, которое установила близкое родство вогульского, остяцкого и венгерского языков, остается только сожалеть, что во втором элементе термина «финно-угорский» и дальше живет учение о Yugria как венгерской прародине. Дело в том, что язык тогдашних жителей Югры - вогулов и

остяков, а также язык венгров (древнерусское название которых - угры) под названием «угорский» оказались в одной языковой группе.[54]

После этого остается выяснить только вопрос, позволяют ли возможные этимологические связи двух форм названий предположить древне-исторические взаимосвязи? Древнерусская форма *угры*, которая является названием венгров, в конечном счете, восходит, наверное, к этнониму *оногур*. М. Жираи предполагал, что и форма югры могла находиться во взаимосвязи с этим же этнонимом. Поэтому он исходил из фирмы *угры*, которая в русском языке, где известно изменение у>ю, превратилась в *югры*. Это предположение подтверждалось тем, что названия *угры – югры*, как мы уже раньше упомянули, в ранних источниках часто взаимозаменялись. По мнению М. Жираи, в последних упоминаниях в качестве названия предков вогул и остяков использовали формы с *й-* в начале слова. В историческом фоне этимологической взаимосвязи М. Жираи предполагал два отличных друг от друга по времени и пространству заимствований названия. Относительно венгров заимствование этнонима оногур могло произойти в Южной Руси в IX в. А территория Урала могла бы стать древней провинцией оногур, название которых стало известным в X в. среди русских, продвигавшихся в северо-восточном направлении.[55] По мнению И. Вашари, эта точка зрения неприемлема, так как мусульманские источники однозначно отражают наличие *й-* в начале слова. А эти данные более раннего происхождения, чем первые русские сообщения, но, по крайней мере, из одного периода. Таким образом, в соответствии с сообщениями большинства русских данных местом жительства предков вогулов и остяков, очевидно, была Югра.

Это название происходит из названия *Югур* плюс *-а* в конце слова, где *-а* - суффикс названия территории, добавляющийся в русском языке к этнонимам.[56] Помимо историко-лингвистических трудностей, исторический подход также под-

нимает множество нерешенных проблем. Дело в том, что древние поселения оногур до 463 г. мы можем, скорее всего, предположить на южных территориях казахстанской степи, а не вблизи Уральских гор, не говоря о более чем полутысячелетней временной разнице, так как в русских источниках форма Югра появляется только в XI в. На основе всего этого И. Вашари полагает, что название Югра можно связать с племенем Югур кимекского племенного союза, датируемого X в., и это название, в конечном счете, является одним из вариантов названия уйгур.[57] К. Цегледи не считает этот тезис приемлемым, так как, по его мнению, название племени Югур, приведенное И. Вашари, является ошибочным исправлением, а филологически правильное прочтение - *ябгу*.[58] Как бы ни сложилась дискуссия по вопросу оногурской и уйгурской этимологии, вопрос Югра /Jugria следует снять в ряду проблем, касающихся прародины венгров.

III. Путешествие Юлиана и найденные им остатки венгров

Юлиан, доминиканский монах, с тремя собратьями в 1235 г. отправился на поиски венгров, оставшихся на востоке. Свой маршрут они выбрали на основе руководства доминиканского монаха Отто, ранее совершившего путешествие на восток, и по поручению герцога Белы, а позднее венгерского короля, отправились в путь.[59] Через Константинополь они отправились в Крым, а оттуда добрались до страны алан, находившейся к северу от Кавказа. После шестимесячной задержки в пути Юлиан и Герхард продолжали путешествие только вдвоем. Более одного месяца продолжался их путь на север через пустыню, когда, наконец, они прибыли в город под названием Бундаз (Bundaz/Burdas). Оттуда они пошли в другой город, где Герхард скончался. После этого Юлиан поехал к волжским болгарам и однажды в их городе встретился с одной венгерской женщиной, которая сообщила ему долгожданные сведения. Пешком прошагав два дня, он нашел восточных венгров на берегу реки Этил (Etil). Язык их он понял и основательно

расспрашивал их. После того, как Юлиану стало известно, что татары, находившиеся поблизости, готовятся к новому военному походу, целью которого было завоевание немецкой земли, он решил немедленно возвратиться домой. По совету восточных венгров, более коротким путем, затрагивая землю мордвин, Руси и Польши, Юлиан вернулся в Венгрию. Отчет Юлиана подготовил в письменном виде его собрат по ордену и начальник Рихард. Отчет этот послали в Рим, а потом в 1236 г. в Рим был направлен и сам Юлиан. В 1237 г. он вновь отправился к восточным венграм через Русь, но дошел только до Суздаля; дело в том, что татары между тем уже разрушили поселение восточных венгров, часть которых, спасаясь бегством на запад, сообщила сведения Юлиану об опустошении страны и о том, что татары готовятся к нападению на русские княжества. Кроме сообщений, касающихся венгров, Юлиан собирал сведения о происхождении татар, об их ранних завоеваниях и образе жизни. От суздальского князя ему стало известно, что татары готовятся покорить и завоевать Венгрию и территорию, находящуюся за Римом. Этот план подтвердило перехваченное князем татарское письмо, которое адресовалось венгерскому королю и в котором требовали от Белы IV, чтобы он покорился татарскому князю. Это письмо получил Юлиан и отправился на родину, чтобы известить своего короля о надвигающейся опасности.

О втором своем путешествии Юлиан сам сделал отчет под заглавием «Письмо о жизни татар». Достоверность последнего отчета бесспорна, в противоположность отчету Рихарда, где можно отметить такие многочисленные противоречия и неточности, из-за которых достоверность донесения неоднократно поставили под сомнение. Возникла даже такая идея, что это сфабрикованная фальсификация на основе письма Юлиана. Это, конечно, преувеличенное мнение, но оно обратило внимание на то, что Рихарда, в первую очередь, интересовали из отчета Юлиана сведения, имеющие отношение к ре-

лигиозным вещам, к остальным данным он относился с пренебрежением.[60]

В Венгрии термин Magna Hungaria впервые встречается в отчетах о путешествии Юлиана. Это название обозначало раннее место поселения восточных венгров, - в противоположность названию Hungaria minor - страны венгров в Карпатском бассейне. По мнению З. Гомбоца, Юлиану, очевидно, была известна западная традиция, согласно которой существовало две Венгрии: Это доказывает отчет о двух Венгерских землях Готтфрида из Витербо (Gottfried Viterbo) и Винсента из Бёвэ (Vincent Beauvais).[61] У обоих авторов ранняя родина предполагается на территории Меотии, и она не может быть тождественной Magna Hungaria Юлиана, т.е. району Среднего Поволжья. С аналогичным сдвигом мы встречаемся и в случае Magna Bulgaria. Этот термин имел отношение к Кувратской империи VII в. на территории Меотии, откуда дунайские болгары, странствуя на запад, двигались к основанию новой империи. В противоположность этому, в донесениях Юлиана и других современных той эпохе латинских источников, Magna Bulgaria обозначала страну волжских болгар, откуда дунайские болгары продвинулись на запад. Из отчета Рихарда выявляется, что хотя доминиканцы в современных венгерских хрониках и нашли указание на старую Венгрию, ее географического местоположения точно определить они не могли. Среди первых доминиканцев, искавших древнюю землю, Отто, где-то в Предкавказье, очевидно, нашел какие-то бледные следы, так как позже Юлиан со своими собратьями отправился точно туда же на основе сведений, полученных от Отто. Какой бы то ни была связь между венгерскими и западными источниками в отношении Magna Hungaria, термин Юлиана - научное название, у которого наблюдается определенный «сдвиг», характерный, между прочим, для той эпохи: территория венгров, живших на востоке, автоматически превратилась также в представление о венгерской прародине.

Среди путешественников францисканского ордена в монгольский период - Плано Карпини, Бенедикта Полония и Рубрука - термин Magna Hungaria вслед за Юлианом был известен и использовался. У них наблюдается идентификация Magna Hungaria с Башкирией: Bascard id est Magna Hungaria.[62] После татарского нашествия название Башкирии (в форме Bascardia) появляется у мастера Акоша и Симона из Кеза (Simon de Kéza) как одна из трех провинций Скифии.[63] Из всего этого Д. Дьерфи сделал заключение о том, что предположение башкиро-венгерского тождества исходило от самого Юлиана.[64] Раньше З. Гомбоц это предположение отверг, потому что ни отчет Рихарда, ни письмо Юлиана о Башкирии не упоминают об этом.[65]

Географическое определение Magna Hungaria на основе отчета Рихарда неоднозначно. Из него выясняется, что Юлиан в одном большом городе волжских болгар нашел женщину-венгерку, которая рассказала, что отсюда в двух днях пути пешком, на берегу реки Этил (Etil) есть поселение восточных венгров, и по соседству с ними живут татары. Крупный болгарский город Д. Дьерфи отождествил с Болгарами.[66] Упоминался еще и Ошел, болгарский город к западу от Волги, но И. Фодор убедительно это отпроверг, так как русские войска опустошили Ошел в 1220 г.[67] Реку Этил раньше отождествляли с рекой Белая, но речь может идти о Волге или Каме.[68] На основе факта соседства татар можно установить, что Magna Hungaria, очевидно, располагалась на юге или на юго-востоке от волжских болгар, - дело, ведь, в том, что по сведениям русских летописей, в 1229 г. татары у реки Урал разбили болгарские передовые посты, а затем в 1232 г. вторглись в восточную часть болгарской территории.

Письмо Юлиана относительно татарских завоеваний повествует о том, что татары после победы над Magna Hungaria, продвигаясь на запад, одержали победу над волжскими болгарами и мордвой. На основе этого сведения терри-

тория Magna Hungaria располагалась, очевидно, только на востоке от Волги. И хотя предполагали также, что поселения восточных венгров были на западе от Волги, - ведь донесение Рихарда не говорит о том, что Юлиан переправился через Волгу, - эта точка зрения едва ли имеет силу: в донесении Рихарда не упоминается переправа ни через какую-либо реку.[69]

С восточными венграми связывали и народ мещеру, упоминаемый в русских источниках; этот народ жил на правом берегу Волги, напротив Magna Hungaria, так как источники упоминают народ мещера на этой же самой территории. Однако, исследования И. Вашари подтвердили, что этноним мещера нельзя объяснять из формы magyar/мадьар, таким образом, мещера не могла быть венгерским обломком, оставшимся на востоке.[70]

Подводя итоги вышесказанному, область Magna Hungaria нам нужно искать непременно к востоку от Волги.

Восточные венгры как единый этнический блок не пережили разорений татарского нашествия, но о Magna Hungaria Юлиана сохранилась память в разбредшихся группах. Сюда относятся данные топонимов и этнонимов: *Можарск* и *можары*, встречающиеся в русских источниках.[71] Память о восточных венграх также сохранила волжская болгарская надгробная надпись от 1311 г., найденная на чистопольском кладбище, на которой указан сын человека под именем Маджар (Mağar).[72]

Таким образом, у нас нет причины поставить под сомнение существование остатков венгров, найденных в Поволжье XIII в. Однако же, то, что территория Magna Hungaria, якобы, является прародиной венгров, это не более, чем теоретическая конструкция в абсолютно средневековом духе. Может ли историческое свидетельство путешествий Юлиана ограничиться констатацией того, откуда и когда попали туда остатки венгров?

Отождествление Magna Hungaria и Башкирии у западноевропейских путешественников XIII в. и в венгерской хроникальной литературе (мастер Акош и Simon de Kéza), очевидно, исходит из того, что поселения восточных венгров, Magna Hungaria и стоянки башкир в XIII в. были поблизости друг к другу. Вопрос, является ли башкиро-венгерское отождествление научной теорией, подобной Magna Hungaria, или же, возможно, оно восходит к литературным традициям, является предметом следующего раздела.

IV. Башкиро-венгерские связи

а) Башкиро-венгерское отождествление у ранних мусульманских авторов

Среди мнений относительно башкиро-венгерских отношений достаточно отметить две крайние точки зрения. Первая крайность - отождествление башкиро-венгерских связей, а вторая - жесткое отделение обоих народов друг от друга.

Этноним «башкир» появляется в начале IX в. В киргизской легенде о происхождении, сохраненной у Гардизи, встречается человек по имени Басджирт (Basǧirt), который принадлежал к знатному слою хазар, и место жительства его было среди хазар и кимеков.[73] Здесь мы встречаемся с хорошо известным явлением: когда этноним употребляется в качестве имени личного. К. Цегледи установил, что источником Гардизи был Ибн Мукаффа, творивший в конце VIII в.[74]

Некий переводчик Саллам, ок. середины IX в. путешествовал к стене, построенной, якобы, Александром Македонским (Двурогим). Описание этого путешествия дошло до нас в двух вариантах. В позднем варианте, но сохранившем более богатую традицию, который рассказывает ал-Идриси, после того как Салам совершил переход через Кавказ, за страной хазар он нашел народ под названием Басджирт (Basǧirt).[75]

Ибн Хордадбех мусульманский ученый-географ IX в., в перечислении тюркских народов среди огузов и печенегов

упоминает народ дж.ф.р (ğ.f.r). Эту форму В. Минорский реконструировал в форме маджгар (mağğar).[76] Все перечисленные данные однозначно указывают на территорию к востоку от Волги.

Согласно Джайханской традиции первая граница народа маджгар (mağğar) была между печенегами и племенем Аскал (Askal) волжских болгар. Потом традиция повествует о поселении маджгар (mağğar) к северу от побережья Черного моря.[77] К. Цегледи в Джайханской традиции текстов на основе углубленного анализа выражения «первая граница» полагал: данное выражение с лингвистической точки зрения можно истолковать лишь таким образом, что граница маджгар (mağğar) была к востоку от Волги, а их поселения, начиная отсюда, распространились вплоть до северного побережья Черного моря. Этому противоречат географические представления Джайхани о Восточной Европе, по крайней мере, те, которые вырисовываются в его произведении: речь идет о том, что границу к востоку от Волги и территорию до побережья Черного моря разделяют друг от друга поселения хазар, буртас и волжских болгар.[78] При разрешении данного противоречия сформировалось две точки зрения.

Согласно первой точке зрения, речь может идти о двух территориях, и территория к востоку - есть ранняя родина венгров. Но, в то же время, языковое истолкование отрывка текста, хронология событий, показанная в тексте Джайхани, а также характер записей не подтверждают эту точку зрения. Среди венгерских исторических событий, имеющих место в данной традиции, самое раннее событие датируется ок. 830 г. Это, возможно, имело отношение к построению Саркела. Однако, как правило, наш источник отражает положение, сложившееся в 870-х гг.[79] При описании народов Восточной Европы Джайхани, в первую очередь, интересовали торговые и политические аспекты, а исторические традиции он оставлял без внимания. Поэтому мы считаем более обоснованным при-

нять вторую точку зрения: схожесть арабской графической формы двух различных этнонимов - башкир и венгров - побудила Джайхани предположить, что эти народы тождественны друг другу. На наш взгляд, данные Джайхани (ок. 870 года) относились к народу маджгар (mağğar), жившему вблизи Черноморского побережья, и в то же время ему было известно цитированное выше свидетельство Ибн Хордадбеха – дж.ф.р (ğ.f.r). Мы знаем, что Ибн Хордадбех был одним из основных его источников. Позже от Ибн Фадлана он узнал, что племя башгирд (bāšġird) жило между печегенами и волжскими болгарами.[80] На основе вышесказанного ход мыслей Джайхани можно реконструировать следующим образом: маджгар (mağğar), живших ок. 870 г. у Черного моря, можно отождествить с (м).джгар (/m/.ğğar) Ибн Хордадбеха. Их Ибн Фадлан знает под названием башгирд (bāšġird). Следовательно, обе группы он представляет под названием маджгар (mağğar).

Балхинская традиция повествует о двух территориях народа басджгирд (basğird). Первая находится около огузов за волжскими болгарами, а вторая - по соседству с печенегами и византийцами. Это первое «башкирское» свидетельство, касающееся венгров, живших в Карпатском бассейне.[81] Балхи, следовательно, является первым теоретиком башкиро-венгерского родства, который знал Джайхани и, вероятно, в своей географической работе использовал его карты для подготовки объяснений к ним.[82] По всей вероятности, он истолковывал маджгар (mağğar) Джайхани таким образом, что у них было два места поселения, и в то же время он исправил этноним басджгирд (basğird) и в соответствии с историческими изменениями дал им новых соседей. По мнению Л. Лигети, традиция Джайхани отражает одну венгерскую форму. Самоназвание маджгар (mağğar), попав в какой-то соседний язык чувашского типа, стало баджгир (bağğir).[83] В конечном счете, можно ясно себе представить, что Балхи перепутал народ под тюркским названием басджирт (basğirt) с тюркской формой

венгерского этнонима, что в реконструкции Л. Лигети баджгир (bağġir), но возможна тажже и форма баджир (bağir).

Масуди в описании венгерского военного набега 934 г. использовал форму баджгирд (bağġird) в качестве одного венгерского этнонима.[84] Абу Хамид ал-Гарнати в период между 1150 — 1153 гг. находился в Венгрии, которую назвал Ункурия (Unkurīya), где живет народ под названием башгирд (bašġird).[85]

Йакут в своем географическом словаре под статьей башгирд (bāšġird) сообщает, что у этого названия есть формы башджирд (bāšğird) и башкирд (bāšqird), и это страна между Константинополем и Булгар (Bulgar). Потом на основе Ибн Фадлана следует длинное описание. Вслед за этим Йакут сообщает, что в Алеппо встретился с башгирдами (bāšġird), от которых ему стало известно, что их название - Хункар (hunkar). В заключение он ссылается на сочинение Истахри, являющегося представителем Балхинской традиции. Свидетельства Йакута ясно показывают возникновение башкиро-венгерского тождества: Йакут вслед за Истахри узнал о двух странах башджирд (bāšğird), которых, однако, представлял как одну — между Константинополем и Булгаром.[86] С этим этнонимом он связал отрывок из описания Ибн Фадлана, имеющий отношение к башгирдам (bāšġird). Свои устные сведения о венгерских мусульманах и положения в их стране он сообщил также в связи с данным этнонимом. Вследствие этого возникла такая конструкция, в которой сообщение Ибн Фадлана от 922 г. о башкирах, находящихся к востоку от Волги, и отчет венгерских мусульман (начало XIII в.) в своей основе, правда, верные, но предположение этнической идентификации, построенное на схожести двух этнонимов, по всей своей сути, - мусульманская ученая теория эпохи средневековья.

Данные не оставляют сомнений в том, что в мусульманских источниках венгров, живших в Карпатском бассейне, называли башкирами.

Уже говорилось о ранних упоминаниях башкир, живших к востоку от Волги. У Ибн Фадлана мы находим известия о них (начало X в.).[87] Следовательно, в IX в. к востоку от Волги жил тюркский народ, имевший название «башкир».

Теорию (вернее, гипотезу) башкирской прародины, построенную на башкиро-венгерском отождествлении (начало X в.), и основывающуюся на Джайханийской и Балхинской традициях, до появления новых данных мы не вправе считать обоснованной. Более вероятным представляется предположение о смешении, которое произошло в силу схожести башкирского и венгерского этнонимов.

б) Башкиро-венгерское отождествление в источниках монгольского периода

В середине XIII в. возникла монгольская хроника – «Сокровенное сказание (или тайная история) монгол», в которой башкирский этноним сохранился в форме баджигит (bağigit).[88] *Т* в конце слова – признак множественного числа, а *и* между *дж* и *г* в монгольском языке служило для избежания скопления согласных.[89] В главах 262, 270 и 274 «Сокровенного сказания» среди покоренных народов упоминается народ баджигит (bağigit). Согласно главе 262 Сюбедей в направлении на север покорил одиннадцать народов: канглин, кибча'ут, баджигит, оросут, маджарат, асут, сасут, серкесют, кешмир, болар, керел.[90] Это свидетельство имеет отношение к событиям 1221 — 1223 гг. В 270-й главе речь заходит о том, что после того, как Сюбедея задержали вышеупомянутые одиннадцать народов, на помощь ему послали Бату, Гуюка и Мэнге.[91] Этот факт фигурирует среди событий 1228—1231 гг. В заключение в 274-й главе можно прочитать, что Сюбедей и посланные ему на помощь князья одержали победу над западными народами.[92] Это последнее известие является небрежной и поверхностной копией свидетельства, читаемого в 270-й главе.[93] Прежде всего можно установить, что свидетельства 270-й и 274-й глав относятся, конечно, к великому западному военному походу под

предводительством Бату между 1236-1242 гг. Однако, в перечне названий в 262-й главе встречаются и такие этнонимы, которые не могли бы иметь место во время военного набега Сюбедея в 1221 — 1223 гг., но более поздние нашествия Бату настигли и эти народы. Поэтому Л. Лигети подчеркивал, что достоверный в целом список названий и находится в 262-й главе, но в материале названий присутствуют и анахронизмы.[94] В отношении ссылок на этноним баджигит (bağigit) Л. Лигети теперь стал предполагать под ним венгров.[95] В своей ранней статье он еще писал, что этноним соответствует тюркским башкирам.[96] Эту последнюю точку зрения подтверждает глава 239 «Сокровенного сказания», где в связи с военным походом Джучи в 1207 г. в перечислении лесных народов фигурировал народ под названием баджигит (bağigit), который на основе исторических взаимосвязей данного текста, очевидно, жил на территории Западной Сибири.[97]

Таким образом, по нашему мнению, этноним башкир, встречающийся в монгольском источнике, возможно, название тюркских башкир, и лишь под влиянием теории башкиро-венгерских отождествлений возникло предположение, что этноним может относиться к венграм. Это предположение невозможно защитить потому, что венгры могут быть отождествлены с двумя другими этнонимами цитированного списка названий (маджарат = mağarat ~ magyar; керел = kerel ~ király).

В историческом труде перса Джувейни, стоявшего на службе монгольской империи, который завершил свой труд в 1260 г., также можно встретить этноним башгирд (bāšġird), причем вместе с этнонимом келар (kelār). Последний этноним можно отождествить с венгерским словом király «король». Пару этнонимов келар (kelār) - башгирд (bāšġird) Джувейни употреблял в связи с военными набегами на Венгрию, таким образом, ясно, что под названием башгирд (bāšġird) он подразумевал венгров.[98] Название келар (kelār), очевидно, исходило от лиц, принимавших участие в военных походах против Венг-

рии, а форма башгирд (bāšġird) указывает на письменную традицию. Эта форма встречается у Ибн Фадлана в географическом словаре Йакута, который был тогда популярен и общедоступен. На основе этого мы можем предположить, что словоупотребление башгирд (bāšġird) связано с той ранней мусульманской традицией, которая называла западных венгров башкирами. Рашид ад-Дин, персидский историограф начала XIV в., заимствовал сведение Джувейни о монгольском военном набеге против Венгрии в 1241—1242 гг., но на месте пары этнонимов келар (kelār) - башгирд (bāšġird) у него мы можем прочитать булар (bulār) - башгирд (bāšġird). Это можно объяснить искажением слов на письме. Рашид ад-Дин неоднократно упоминает этноним башгирд (bāšġird). Среди этих упоминаний в первую группу относятся те, где в различных перечнях названий используется исконная форма пары этнонимов келар (kelār) - башгирд (bāšġird) Джувейни. Ко второй группе можно причислить те случаи употребления названия, в которых на месте форм келар (kelār) - башгирд (bāšġird) присутствуют формы булар (bulār) - башгирд (bāšġird). Как мы уже однажды указывали, это письменная ошибка. Эти данные однозначно отражают концепцию Джувейни: обе формы пары этнонимов означают западних венгров.[99] В третью группу относятся оба свидетельства. Здесь башгирд (bāšġird) проявляется не в паре, а «самостоятельно», правда, в обоих местах в перечне названий, а двумя названиями перед ним в форме булар (bulār). По мнению Л. Лигети, оценка последних обоих данных с точки зрения башкиро-венгерских отношений весьма неопределенна.[100]

О сведениях францисканских путешественников монгольского периода Плано Карпини, Бенедикта Полония и Рубрука в связи с Magna Hungaria уже шла речь.[101] Под влиянием этих трех авторов распространилось отождествление Башкирии (Bascard) и Magna Hungaria. В качестве источника отождествления могли послужить свидетельства доминиканцев, побывавших в Башкирии, поскольку ни один из трех названных

авторов не был в Волго-Камском бассейне. Исходя из этого, приемлема точка зрения Лигети, согласно которой эти данные совершенно независимы от ранней башкиро-венгерской традиции мусульманских авторов.[102] Основанием отождествления у западных путешественников могло послужить то, что поселения восточных венгров были к востоку от селений волжских болгар, точно так же, как и поселение башкир. Из этого само собой разумелось, что два народа тождественны друг другу. В том, что восточные венгры после татарского нашествия не остались в Башкирии - как единый этнический блок - нас может убедить письмо-отчет венгерского францисканца Иоганка о татарской миссионерской поездке в 1320 г.: проповедник семь лет провел в Башкирии, но о венграх в своем письме не упоминает.[103]

в) Башкиро-венгерские соответствия названий племен

На параллели между названиями башкирских и венгерских племен в начале века обратил внимание Д. Паулер; он отождествил два названия племен: Gyarmat-Yurmati; Jenő-Yeney.[104] Д. Немет в 1930 г. выдвинутые отождествления принял и объяснил их с историко-лингвистической точки зрения.[105] Л. Лигети предполагаемую этимологию слова Gyarmat (от тюркск. yor- «устать» и mati (деепричастие) считает приемлемой с натяжкой.[106] Эти затруднения, конечно, не исключают гипотезу отношения друг к другу двух названий племен, если принять во внимание иную этимологию.[107] Д. Немет в 1966 г. предложил дальнейшие согласования (соответствия): Nyék-Negmen, Keszi-Kese, Gyula-Yulaman, Megyer-Mišer. Название Gyula не фигурирует в перечне венгерских названий племен, но, по мнению Д. Немета, существовало одно такое племя, которое, очевидно, сыграло особенную роль в системе венгерских племен, так как его можно истолковывать как народ одного венгерского князя (Gyula).[108] Мандоки Конгур сначала опроверг новые соответствия, а позднее и соответствие Jenő-Yeney, казавшееся верным.[109] И. Вашари указал на несостоя-

тельность взаимозависимости Megyer-Mišer.[110] Итак, в отношении его этимологии, кроме согласования венгерского названия племени Gyarmat и башкирского Yurmati, имеющего множество затруднений, мы не располагаем подтвержденными научно согласованиями между башкирскими и венгерскими названиями племен. Попытку нового подхода к системе венгерских названий племен, выдвигая несколько новых этимологии, предпринял А. Берта.[111]

Относительно лингвистического подхода башкиро-венгерского вопроса И. Вашари установил следующее: «I. Особенности системы башкирских фонем сформировались не под влиянием венгерского языка; 2. В башкирском языке нет венгерских заимствований; 3. Среди географических названий Башкирии не встречаются названия венгерского происхождения».[112] Это означает, что тезис башкиро-венгерского родства языкознанием не подтверждается.

В заключение необходимо упомянуть о связи теорий прародины, башкиро-венгерского родства и венгров, найденных Юлианом на востоке. Согласно первой теории прародины З. Гомбоца первое тюркское влияние на венгров в районе Поволжья было оказано ок. 600 г. В это время сюда переселились волжские болгары, а венгерские племена ок. 800 г. потеснились на юг, но некоторые их части остались на той территории. Позднее исследователь изменил свою точку зрения: венгры с 463 г. жили в Предкавказье, а ок. 600 г. в район Волго-Камского бассейна вместе с волжскими болгарами пришли и некоторые венгерские группы. Юлиан в XIII в. нашел тех венгров, которые или остались, или же с волжскими болгарами прибыли туда. По мнению З. Гомбоца, венгры с Поволжья никакого отношения не имеют к башкиро-венгерскому родству, поскольку последнее основывается на научной традиции.[113] Д. Немет вначале принял вторую теорию З. Гомбоца, с той разницей, что он не отрицал башкиро-венгерского родства. По его мнению, башкиры унаследовали свое название от венгров,

переселившихся туда с юга, а венгры же медленно слились с тюркоязычным большинством населения, пришедшим с востока.[114] Д. Немет под влиянием исследования башкирских названий племен в 1960 г. изменил свою точку зрения и возвратился к прежнему тезису З. Гомбоца: венгры лишь ок. 750-800 гг. двинулись из Башкирии на юг. А оставшиеся венгерские обломки лишь после татарского нашествия слились с поселившимися здесь тюрками, ведь в XIII в. в Magna Hungaria еще прощупывается венгерская диаспора.[115] Л. Лигети при оценке башкиро-венгерских связей предпринял попытку примирить два противоположных взгляда. Башкирский и венгерский этнонимы зависят друг от друга таким образом, что ранней формой венгерского этнонима была форма маджгир (mağġir), в которой ок. 950 г. уже исчез звук *г*. Однако, у формы маджгир (mağġir) был и тюркский вариант, чувашское (волжско-болгарское) баджгир (bağġir). После того, как в VI в., одновременно с формированием хазарской империи, этот народ под названием маджгир (mağġir)- баджгир (bağġir) с Волго-Камского бассейна переселился на юг, а на его место поселилась тюркская народность кипчаков. Она приняла название прежних жителей - баджгир (bağġir), из которого в этом языке сначала сформировалась форма башгир (bašġir), а затем - башгирт (bašġirt). Это может стать отправной точкой этимологии этнонима башкурт (bašqurt) «вождь волков». От упомянутых ранних отношений Лигети отграничил проблему восточных венгров Юлиана. Дело в том, что принятая им идентификация названий племен Gyarmat-Yurmati и Jenő-Yeney означает, что обломки этих двух племен оказались в Поволжье во второй половине IX в., вследствие нападений печенегов на венгров.[116]

Новая этимология этнонимов Л. Лигети может быть «атакована» с лингвистической точки зрения во многих местах. Самая большая трудность, пожалуй, заключается в том, что второй элемент исходной формы маджгир (mağġir) -гир (-ġir)r - не объяснен: «элемент с неопределенной функцией».[117] Вероят-

ность исторических гипотез, опирающихся на этимологию, отнюдь не велика. Таким образом, доказательство башкиро-венгерских связей, основывающихся на этом, не может быть убедительным. В конечном счете, из каждого элемента теории башкиро-венгерского родства выясняется, что оно не может восходить к древней традиции, и между башкиро-венгерским родством и венграми, найденными в районе Поволжья, нельзя показать никакой достоверной взаимосвязи.

V.Волжские болгары и венгры

Большинство тюркских заимствований в венгерском языке до периода обретения родины З. Гомбоц объяснил из болгаро-тюркской языковой ветви.[118] Этот термин возник потому, что Н.И. Ашмарин язык волжских болгар считал предшественником чувашского языка. Свою точку зрения он обосновал глоссами, находящимися в мусульманских и русских источниках и болгарскими надгробными надписями, возникшими в XIII-XIV вв. после падения волжской болгарской империи. Он также пришел к заключению о том, что язык остальных народных формаций, имеющих название «болгарский», то есть язык болгар, живших в V-VII вв. к северу от побережья Черного моря, и язык дунайских болгар, обретших родину в конце VII в., могут быть причислены к группе по языку, совпадающей с языком волжских болгар. Таким образом, эти языки получили название «болгаро-тюркские» языки - в противоположность названиям других тюркских языков.[119] Д. Немет к народам, говорившим на болгаро-тюркском языке, отнес еще и те тюркские племенные союзы, в названии которых мог реконструироваться элемент огур. Этот элемент он считал болгаро-тюркским соответствием общетюркского этнонима огуз. Таким образом, огур, оногур, утигур и кутригур на основе их названия исследователь считал болгаро-тюркскими группами.[120]

Хазарский язык З. Гомбоц - на основе этнонима «хазар» и хазарского города Саригшин (Sārigšin) - определил как обще-

тюркский язык. Это положение было принято Д. Неметом, и он его подтвердил новыми аргументами.[121] В соответствии с этим З. Гомбоц сконструировал первую картину древней венгерской истории, согласно которой венгры, жившие в Волго-Камском бассейне, болгаро-тюркские заимствования переняли от волжских болгар между 600-800 гг. Первая дата - поселение волжских болгар в Поволжье, а вторая - переселение венгров на юг.[122] Позднее З. Гомбоц под влиянием биогеографического метода Зичы изменил свою точку зрения, и это место общения перенес на Кубань между 463-600 гг. В соответствии с этим, венгры вследствие переселений оногур, огур, сарагур с Волго-Камского бассейна переселились в Предкавказье, и общение их прекратилось в связи с переселением волжских болгар на север ок. 600 г.[123] Д. Немет сначала принял вторую точку зрения З. Гомбоца, но позже возвратился к его ранней теории.

Изучение языка хазар и исследование раннего периода истории волжских болгар принесли такие результаты, которые значительно модифицируют наши ранние знания. Собрание спорадических памятников на хазарском языке из различных источников является заслугой П. Голдена.[124] А. Рона-Таш из этнонима хазар показал, что его общетюркскую этимологию объясняли из несуществующего глагола каз- (*qaz-) «странствовать», а его исконная тюркская форма *касар* (qasar) объясняется из титула ceasar.[125] Л. Лигети в исследовании хазарских глосс привлек титулы хазарского происхождения, сохраненные в венгерском языке, и принял во внимание руническое свидетельство киевского хазарского письма. На основе всего этого Л. Лигети пришел к заключению о том, что хазарский язык также относится к болгаро-тюркской языковой ветви. И поэтому, конечно, потерял свой смысл термин «болгаро-тюркский», который имел значение именно по отношению к хазарскому. Поэтому Л. Лигети возобновил один старый термин и вновь ввел в употребление выражение «языки чувашского типа».[126] Благодаря этому ликвидировалось вынужденное

обстоятельство - искать источник заимствований чувашского типа в венгерском языке (до обретения родины) вне хазарской империи. Разумеется, это не означает, что место хазарского языка в системе тюркских языков определено, исключая всякие сомнения. Эта неопределенность сохранится до тех пор, пока не появятся более пространные языковые памятники на хазарском языке. Поэтому Л. Лигети предусмотрительно оставил ту возможность, по которой венгры в VI в. в районе Поволжья могли общаться с волжскими болгарами. Однако, значение этого общения настолько же менее велико, чем более тесным было общение с хазарами.[127]

Болгаро-венгерские связи являются важными элементами теорий относительно древней истории венгров.[128]

Почти все этнонимы, встречающиеся у волжских болгар, уже пытались отождествить с названиями, появляющимися у венгров (Bular, Bercel, Zuard, székely).

С точки зрения изменений, происшедших в образе жизни, аналогичный с венграми путь прошли те волжские болгарские племена, которые после того, как отделились от прежней своей степной среды и оказались в лесных местностях, покончив с исконным кочевым образом жизни, осели и превратились в земледельцев.

Относительно генезиса волжских болгар необходимо ответить на два вопроса. Можно ли более точно определить с помощью находящихся в нашем распоряжении данных ту территорию, откуда племена, объединившие волжских болгар, переселились на север? Второй вопрос: когда прибыли эти группы в Волго-Камский бассейн?

Отправной точкой ответа на вопрос: «откуда» могут послужить пять названий волжских болгарских племен (*булгар, с.вар, аскал, барсула, баранджар*), сохранившихся в мусульманских источниках X в. Ибн Фадлан, у которого сохранилось четыре названия племени за исключением «барсула», сообщает, что король волжского болгарского племенного союза,

вождь племени булгар, имел в подчинении остальных четырех королей. Из четырех королей двух можно отождествить с вождями племен *с.вар* и *аскал*. Можно предположить, что два других короля могли быть вождями двух других известных по имени племен (барсула и баранджар). Это имеет основополагающее значение с точки зрения волжско-болгарского этногенеза пяти названий племен. Затем следует рассмотреть, где и когда встречались эти этнонимы в письменных источниках.

Относительно времени переселения болгар на север мнения разделяются. Причину этого, наверное, следует искать в том, что в письменных источниках об этом не сохранилось прямых сведений. Раньше, как правило, пытались определить эту дату, приняв во внимание данные двух областей наук. Более надежный результат следует ожидать от сопоставления данных нескольких научных областей. Поэтому необходимо учитывать новые факты, раскрытые в области археологии, нумизматики, истории экономики и исторического языкознания и взгляды, опирающиеся на эти факты. Сопоставляя данные результаты, мы можем исследовать проблему: когда появились впервые волжские болгары в письменных источниках. На этот счет, ведь, имеются предположения, основанные на анализе лишь одного-двух источников. В заключение, исторический анализ картины, выявленной специальными науками, может дать ответ на вопрос - какие исторические взаимосвязи можно установить между известными событиями истории степи и движением болгар на север?

Племена, игравшие важную роль в формировании волжских болгар, жили в других политических рамках, народы булгары, сабиры, аскалы, барсилы в V—VII вв. часто встречаются в евразийских источниках, повествующих о степях. Аскалы фигурируют на территории западной тюркской империи, в казахских степях. Сабиры, барсилы и баланджары появляются в восточноевропейских степях в Предкавказье. А болгары жили на территориях к северу от Черного моря. В период укреп-

ления хазарской империи, к концу VII в. эти этнонимы исчезают из источников, и лишь только в X в. появляются вновь.

Результаты различных специальных наук в связи с вопросом «когда» мы можем подытожить следующим образом. Раннее волжско-болгарское археологическое наследие разделяют на две группы. Первую группу датируют VIII—IX вв., а вторую концом IX—X вв. Раннее население оставило после себя, главным образом, могильники на обоих берегах реки. А позднее строило поселения и укрепленные места. Их поселения достигали район Нижней Камы.

На территории Восточной Европы нашли значительное количество восточных дирхемов, датируемых IX—X вв. В IX в. эти дирхемы из центральных областей Халифата через Кавказ прошли по побережью Каспийского моря до Волги, а затем вверх по Волге проникли в Европу. Этот торговый маршрут в конце IX в. упраздняется, и вместо него дирхемы от Саманидов, правивших на территории нынешнего Узбекистана, через казахскую степь прибывают к месту слияния Камы в Волгу и оттуда направляются дальше.

Среди тюркских заимствований волжских финно-угорских языков наиболее ранний слой представляют древневенгерские ранние болгаро-тюркские заимствования. Данные слова отражают состояние языка на одну ступень позднее, чем болгаро-тюркские заимствования венгерского языка. Это подтверждается двумя словами новоперсидского происхождения, которые были заимствованы, очевидно, только в X в., после принятия ислама. Уже на основе всего этого время общения мы можем датировать X в.

Наиболее раннее упоминание волжских болгар в мусульманских источниках является спорным. Среди свидетельств, относящихся к первой половине IX в., в качестве первых упоминаний о волжских болгарах обычно принимаются во внимание король Бургар, фигурирующий в качестве адресата письма халифа аль-Мамуна, упоминаемого Ибн ал-Надимом, а

также мусульмане, жившие вблизи дамбы, воздвигнутой, якобы Александром Македонским - в путевых записках переводчика Саллама. Однако проделанные до сих пор попытки отождествления не могут считаться обоснованными.

Имеется два таких свидетельства периода рубежа IX-X вв., которые уже достоверно могут быть связаны с волжскими болгарами. Ибн Хаукал сообщает о том, что один хазарский торговец уезжает в Булгар. Этот термин у него, очевидно, указывает на волжских болгар, хотя у ранних авторов это еще не так.

Масуди повествует о грабительской войне русов против южных провинций Каспийского моря ок. 913 г. Возвращаясь назад, хазары плывут по Волге на север, на земле буртас и мусульманских болгар. Хотя слово «мусульмане» - интерполяция, все же, из-за этого у нас нет причин ставить под сомнение достоверность всего описания.

Джайхани в своей географической работе рассматривает народы Восточной Европы, и среди них говорит и о волжских болгарах. Об этом свидетельстве уже с давних пор ведутся острые дискуссии. Есть исследователи, которые полагают, что данные Джайхани исходят от Ибн-Фадлана, другие исследователи это отрицают. Проведя методическое сопоставление, можно установить, что данные, относящиеся к волжским болгарам, совпадают у двух авторов почти полностью. Поэтому можно предположить, что Ибн-Фадлан встретился с Джайхани не только продвигаясь к волжским болгарам, о чем он сам свидетельствует, но и на обратном пути. Джайхани в это время, наверное, расспрашивал Ибн-Фадлана и записал его ответы. У Джайхани находятся также некоторые такие данные, которые не встречаются в произведении Ибн Фадлана. Они, вероятно, указывают на то, что у Джайхани, возможно, была и другая информация о волжских болгарах, но она не может восходить к 70-м гг. IX в. Таким образом, появление волжских болгар в

источниках можно датировать двумя десятилетиями раньше, чем путешествие Ибн-Фадлана в 922 г.

По свидетельствам различных научных дисциплин, относительно переселения волжских болгар может быть учтено два периода. Данные археологии, нумизматики указывают на вторую половину, конец VIII в. Каждая научная дисциплина, включая археологию и нумизматику, в конце IX в. показывает важные изменения в Волго-Камском бассейне. Возникла гипотеза, по которой обретение родины волжскими болгарами связано с событиями истории степей до VII в. Переселение гуннов и европейское распространение тюрков оставили следы в археологическом наследии Поволжья. Из этого сделали заключение, что некоторые тюркские племена уже в это время, якобы, заселили эти районы. У нас нет причины ставить под сомнение справедливость этого предположения, однако, мы не можем взять на себя задачу - на уровне нынешних наших знаний - суждения о том, каковы отношения этих племен к волжским болгарам. Согласно второму распространенному предположению, волжские болгары во второй половине VII в. обретают родину после того, как из империи Куврата вследствие нападений хазар они вытесняются на север. В противоположность этому, в истории, повествующей о пяти сыновьях Куврата, и в других параллельных источниках говорится о том, что вследствие нападений хазар империя Куврата распалась; из пяти сыновей самый старший остался жить на этом месте и оказался в подчинении хазар, в то время как остальные четыре брата двинулись на запад. Какой бы ни была историческая ценность этих источников, одно достоверно, что о волжских болгарах здесь речи нет. На основе всего этого до получения дальнейших доказательств переселение волжских болгар, датируемого IV—VII вв., нельзя считать обоснованным.

Среди двух возможных дат в VIII в. самым важным событием в истории восточной Европы была арабо-хазарская борьба. Арабы, начиная с VIII в. до его середины, предприняли

многократные попытки завоевания Восточной Европы. Арабы, нападавшие через Кавказ, принуждали многочисленные племена к вытеснению их из Предкавказья на северные территории. Среди событий этих войн заслуживает внимания осада и захват Баланджара в 723 г. Этноним *баланджар*, встречающийся среди волжских болгар, очевидно, можно связать с названием этого города. Баланджар, вероятно, был столицей хазар, и после его истребления население города, очевидно, потянулось к Волге; у нижнего течения реки они заложили новую столицу. В 737 г. самый сильный удар на хазар нанес халиф Марван, так как со своими войсками он дошел до самой Волги, а затем, продвигаясь по северному берегу реки, победил народ *сакалиба*. В дискуссиях по отождествлению этого этнонима высказывалась и возможность связать его с волжскими болгарами. Во всяком случае, вероятно, что вследствие арабо-хазарских войн часть тюркских племен, живших в Предкавказье, потянулась к рекам Дон и Волга. К концу VIII в. самые северные группы тюркских племен, живших на берегу Волги, в ходе своих кочевых странствий, очевидно, достигли места впадения Камы в Волгу.

Роль этих групп, спасавшихся бегством на северные территории, изменилась тогда, когда для арабо-хазарских связей становится характерной мирная торговля. Это период наступает с начала IX в. Хазары вывозимые товары приобретают на севере, и таким образом становится понятным, что возрастает роль и политическое значение самых северных тюркских групп, находящихся в подчинении хазар.

Вторую важную дату в истории волжских болгар мы можем отнести к концу IX в. В этот период наиболее важное историческое событие - европейское завоевание родины печенегами. Из исследования печенежского народонаселения можно установить, что печенеги были вынуждены сдвинуться со своих поселений вдоль реки Урал под напором узов. На заднем фоне событий стояли завоевания саманидского правителя.

Вследствие этого имевшееe место равновесие карлуков - кимеков - узов со Внутренней Азией, очевидно, поколебалось. Побежденные печенеги сначала напали на хазар, живших в Предкавказье, но они отразили нападение. После этого печенеги к северу от хазарской территории переправились через Волгу и Дон и поселились на берегу Черного моря. Этому уже не могли воспрепятствовать даже и хазары. Кочевники, жившие у среднего течения Волги и Дона, из-за постоянного страха от печенегов спасались в район Волго-Камского бассейна. По моему мнению, большинство тюркских племен, принимавших участие в этногенезе волжских болгар, именно в это время оказались в районе Волго-Камского бассейна.

Буквально одновременно с этим произошли такие исторические изменения, которые способствовали очень благоприятному положению племен в Волго-Камском бассейне. Саманиды после того как им удалось укрепить свое господство над Трансоксианой и Хорасаном с конца IX в., стали вывозить дирхем в Восточную Европу. Сначала этот торговый путь, очевидно, затрагивал провинции вдоль Хорасана и побережья Каспийского моря до Волги, но в 914 г. саманиды теряют провинции Каспийского побережья. В то же время узы, изгнав печенегов, стали единовластными хозяевами нынешних казахских степей. Это сделало возможным для караванов, отправляющихся из Трансоксианы, через Хорезм без всякой опасности пройти через казахские степи под защитой узов, чтобы потом подойти прямо к среднему течению Волги и обойти хазар. Этот маршрут использовала и та миссия, в которой принял участие Ибн-Фадлан. Эта ситуация открыла волжским болгарам новую возможность: дело в том, что хазары стали их соперниками, в результате чего произошло политическое обострение и принятие болгарами ислама.

В соответствии с этим причина переселения большинства тюркских племен, сформировавших волжскую болгарскую империю в конце IX в., состояла в том же самом нападении

печенегов, которое вынудило венгров занять Карпатский бассейн. Мы вправе говорить о волжском болгаро-венгерском общении лишь в том смысле, что как венгры до приобретения родины, так и племена, сформировавшие волжскую болгарскую империю - жили в рамках хазарской империи, и не исключено, что места их расселения были по соседству друг с другом. Можно предположить, что найденные Юлианом остатки венгров, которые находились в подчинении у волжских болгар, в X—XIII вв., вместе с волжскими болгарами - вследствие нападений печенегов - отделились от общей, большей массы, которая обратилась в бегство на запад.

Заключение

Ареной, на которой выступали наиболее ранние этнические группы, говорившие на древне-венгерском языке, очевидно, был Волго-Камский бассейн. Эти общности от I тыс. до н.э. до IV—VII вв. н.э. - по данным археологии и языкознания - вероятно, жили на территории между Обью и Средним Поволжьем. Вследствие степного «переселения народов» (ок. 463 г. оногуры, огуры, сарагуры; ок. 500 г. сабиры; ок. 550 г. авары, тюрки), начавшегося переселением гуннов, группы, говорившие на древне-венгерском языке подключились к процессам, происходившим в степях. В ходе включения в более стабильные политические рамки, у них начался процесс формирования гентильных народных формаций. Для претворения этого процесса хазарская империя обеспечила мир и стабильность. Со времен существования хазарской империи (начало VII в.) до европейского завоевания родины печенегами (895 г.) не было такого сильного движения народов с востока, которое переступило бы Волгу. Это сделало возможным - используя рамки тюркской политической организации - возникновение сравнительно гомогенного венгероязычного этноса, субъективное сознание веры которого в исконную общность сделало народом. На протяжении IX в. эта народная формация в политическом отношении постепенно стала самостоятельной от хазар-

ской империи. А в конце IX в. этот народ занял Карпатский бассейн. Таким образом, предпосылки языка венгров, обретших родину, сформировались в Волго-Камском бассейне, но о венгерской народной формации в это время говорить еще нельзя.

Можно ли себе представить, что в Волго-Камском бассейне остались такие древневенгеро-язычные группы, которые после того, как большинство родственных им групп оставили места своего расселения, сохранили свой язык до XIII в. на таком уровне, что взаимопонимание было еще возможным? На этот вопрос с большой долей вероятности мы должны ответить отрицательно. Юлиан только в том случае мог говорить с венграми, если они, самое раннее, только в IX в. отделились от большинства массы венгров. Эту гипотезу подтверждает и археология, ведь памятники, наиболее близко стоящие к венгерским археологическим памятникам, появляются в нижнем течении Камы в IX-X вв.

Поэтому мы считаем более обоснованной точку зрения, которую высказал Л. Лигети, восточные венгры Юлиана на протяжении IX в. вследствие печенежских набегов, были оттеснены в Волго-Камский бассейн. Эту точку зрения подтверждает и то, что, как показал Е. Сюч, в венгерском обломке, оставшемся на востоке, еще жило сознание, что венгры происходили от них (отчет Рихарда). Это означает, что формирование веры в общее происхождение обеих частей народа должно было предшествовать их отделению друг от друга. Этот процесс происходил в течение VI—IX вв. Наконец, ранняя история волжских болгар показывает, что на заднем плане отделения венгерских обломков и их переселения на север стояло завоевание родины печенегами в 895 г., которое стало поворотным пунктом, как в жизни венгров, так и в жизни тюркских племен, принимавших участие в этногенезе волжских болгар.

Подводя итоги, мы можем сказать, что в Волго-Камском бассейне возник древне-венгерский язык. Большин-

ство народных групп, говоривших на этом языке, приняло участие в венгерском этногенезе, в то же время некоторые общности остались на месте. Отыскать языковые следы этих общностей - задача, стоящая перед историей венгерского языкознания. Обломок гентильной народной формации, сложившийся в VI—IX вв., в конце IX в., оторвавшись от главной массы, отодвинулся на север, где почти через 300 лет его нашел Юлиан. Встает вопрос: возникла ли какая-либо связь между древневенгеро-язычными группами, оставшимися в Волго-Камском бассейне, и венгерскими диаспорами, поселившимися в конце IX в.? К сожалению, на этот вопрос мы ответить не можем.

Исследованиям древней истории, касающимся проблемы прародины, мешало то, что реконструированной ареной формирования древне-венгерского языка и его тысячелетней истории была территория между Волгой и Обью, и места поселения венгерских диаспор, поселившихся в IX в., более или менее совпали и сглаживались, несмотря на то, что территорию древневенгеро-язычных групп следует истолковывать в более широком диапазоне. Этому способствовала и традиция Югры, и теория, предполагавшая башкиро-венгерское родство. Из них первая не имеет под собой никакой основы, а вторая - научно не доказуема.

Литература

Аннинский С. А. (1940) Исторический архив. III. АН СССР.

Ашмарин Н. И. (1902). Болгары и чуваши. Казань.

Большаков О.Г., **Монгайт** А.Л. (1971) Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). Москва.

Окладников А.П., **Мартынов** А.И. (1972) Сибирские наскальные рисунки. Москва.

Халиков А.Х. Некоторые вопросы этнической истории // Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969

Bartha A. (1984). A magyar nép őstörténete // Magyarország története. I. Főszerk. Székely Gy. Budapest.

Bartha A. (1977). Társadalom és gazdaság a magyar őstörténetben // Magyar őstörténeti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czeglédy K., Róna-Tas A. Budapest, 23-44.

Bendefy L. (1937). Fontes authentici itinera (1235-1238) fr. Juliani illustrantes. Budapest

BGA - Bibliotheca Geographorum Arabicorum. I-VIII. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni-Batavorum 1870-1894.

Bolšakov O.G., **Mongajt** A.L. (1985). Abu-Hámid al-Garnáti utazása Kelet- és Közép-Európában 1131-1153. Budapest.

Czeglédy K. MŐT - Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest 1985.

Daim F. (1982). Gedanken zum Ethnosbegriff // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien 112, 58-71.

Dienes I. (1972). A honfoglaló magyarok. Budapest.

Dörrie H. (1956). Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionreisen des fr. Iulianus O. P. ins Ural-Gebiet (1234-5) und nach Russland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren. Göttingen.

Fodor I. (1973). Vázlatok a finnugor őstörténet régészetéből // Régészeti Füzetek Ser. II. No. 15. Budapest.

Fodor I. (1975). Verecke híres útján. A magyar nép őstörténete és a honfoglalás. Budapest = *Fodor I.* In Search of a New Homeland. Budapest 1982 = Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest 1982.

Fodor I. (1977). Bolgár-török jövevényszavaink és a régészet // Magyar őstörténeti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czeglédy K., Róna-Tas A. Budapest. 79-114.

Fodor I. (1977a). Ou le dominicain Julien de Hongrie retrouva-t-il les Hongrois de l'Est? // Studia Archeologica VI. Budapest.

Fodor I. (1982). On Magyar - Bulgar-Turkish Contacts // Chuvash Studies. Ed A. Róna-Tas. Budapest, 45-81.

Fodor I. (1990). A régészeti kutatások félszázados történetéről // Magyar Tudomány 1990:3, 276-282.

Golden P.B. (1975). The people Nukarda // AEMAe 1, 21-35.

Golden P.B. (1980). Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. I-II. Budapest

Gombocz Z. (1912). Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsingfors.

Gombocz Z. (1923). A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány // Nyelvtudományi Közlemények 46, 1-33, 168-193.

Göckenjan H., **Sweeney** J.S. (1985) Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235-1250. Graz-Wien-Köln.

Györffy Gy. (1948). Krónikáink és a magyar őstörténet. Budapest.

Györffy Gy. (1986). Julianus barát és a Napkelet fölfedezése. Budapest.

Hajdú P., **Domokos** P. (1978). Uráli nyelvrokonaink. Budapest

Hakimzjanov F.S. (1986). New Volga Bulgarian Inscriptions // AOH 40. 173-177.

Harmatta J. (1977). Irániak és finnugorok, irániak és magyarok // Magyar őstörténeti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czeglédy K., Róna-Tas A. Budapest, 167-182.

László Gy. (1971). Őstörténetünk legkorábbi szakaszai. A finnugor őstörténet régészeti emlékei a Szovjetföldön. Budapest.

Lech K. (1968). Das mongolische Weltreich. Al- Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar. Wiesbaden.

Ligeti L. (1943). Előszó: Az uráli magyar őshaza // A magyarság őstörténete. Szerk. Ligeti L. Budapest.

Ligeti Mon. Histoire secrète des Mongols. Ed. L. Ligeti. Monumenta Linguae Mongolicae I. Budapest 1971.

Ligeti MNYTK II. Ligeti L., A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. Budapest 1979.

Ligeti L. (1981). The Khazarian Letter from Kiev and its Attestation in Runiform Script // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 31. 5-18.

Ligeti L. (1986). A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest.

Mándoky Kongur I. (1986). Jenő és Yänäy // Keletkutatás 1986 tavasz, 70-74.

Marquart J. (1924). Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Lander aus dem 10. Jahrhundert // UJb. 4, 261-334.

Martinez A.P. (1982). Gardizi's Two Chapters on the Turks // AEMAe 2, 109-217.

Mesterházy K. (1980). Nemzetségi szervezet és az osztályviszonyok kialakulása a honfoglaló magyarságnál. Budapest

Minorsky V. (1937). Hudud al- Alam 'The Regions of the World' A Persian Geography 372 A. H. -982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky. London.

Minorsky V. (1942). Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text with an English translation and commentary by V. Minorsky. London.

Mühlmann W.E. (1985). Ethnogonie und Ethnogenese. Theoretisch-ethnologische und ideologiekritische Studie // Studien zur Ethnogenese. Bd. I. Opladen.

Németh Gy. (1930). A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest

Németh Gy. (1966). Magyar törzsnevek a baskíroknál // Nyeltudományi Közlemények 68, 35-50 = Németh, J., Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren: Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 16 (1966), 1-21.

Németh J. (1975). Türkische und ungarische Ethnonyme // UAJb. 47. 154-160.

Pauler Gy. (1900) A magyar nemzet története Szent Istvánig. Budapest.

Róna-Tas A. (1978). A nyelvrokonság. Kalandozások a történeti nyelvtudományban. Budapest.

Róna-Tas A. (1982). A kazár népnévről // Nyelvtudományi Közlemények 84. 349-380.

Róna-Tas A. (1986). A *magyar* népnév egy 1311-es volgai bolgár sírfeliraton // Magyar Nyelv 82. 78-81.

Somogyi S. (1984). Történeti földrajzi bevezető // Magyarország története. I. köt. F szerk. Székely Gy. Budapest.

Szőke B. (1962). A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei // Régészeti Tanulmányok 1.

SzÖM - Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba. Szerk. Hajdú P., Kristó Gy., Róna-Tas A. I-IV. Budapest 1976-1982.

Szűcs J. (1984). Nemzet és történelem. Budapest.

Szűcs J. (1992). A magyar nemzeti tudat kialakulása // MÖK 3. Szeged.

Togan A.Z.V. (1939). Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig.

Vásáry I. (1974). A jezsuita Cseles Márton és a Julianus-jelentés (Magna Hungaria- és a Jugria-kérdés történetéhez) // Középkori Kútfőink kritikus kérdései. Budapest 261-275.

Vásáry I. (1975). The Hungarians or Možars and the Meščers Mišers of the Middle Volga Region // AEMAe 1. 237-275.

Vásáry I. (1977). A Volga-vidéki magyar töredék a mongol kor után // Magyar őstörténeti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czeglédy K., Róna-Tas A. Budapest 283-290.

Vásáry I. (1982). The "Yugria" Problem // Chuvash Studies. Ed. A. Róna-Tas. Budapest 247-257.

Vásáry I. (1985). A baskír-magyar kérdés nyelvi vetületben // Nyelvtudományi Közlemények 87. 369-388.

Wenskus R. (1961). Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln-Wien.

Yakut al-Rumi, Mu'djam al-buldan. 1-5. Dar Sader. Beirut 1979.

Zimonyi I. (1988). Ligeti Lajos magyar őstörténeti koncepciója // Századok 122. 216-221.

Zimonyi I. (1990). The Origins of the Volga Bulghars // Studia Uralo-Altaica 32. Szeged.

Zsirai M. (1930). Jugria. Finnugor népnevek I. // A Magyar Nyevtudományi Társaság kiadványai 174. Budapest 1985.

---

[1] Л. Лигети в то время предполагал, что в первую, большую часть указанного 1500-летнего периода, венгры жили на европейской стороне Уральских гор. Позднее венгры через Урал переправились в Западную Сибирь, где стали вести кочевой образ жизни. Однако в V в. н.э. под влиянием тюркского переселения народов венгры двинулись в южном направлении (Ligeti 1943, 6). Новую точку зрения Л. Лигети см. в сн. 3.

[2] Hajdú-Domokos 1978, 54-57.

[3] По мнению И. Фодора, самостоятельные венгерские группы сформировались между 1000 г. до н.э. и 500 г. до н.э. - где-то на восточной территории Южного Урала (Fodor 1975, 133, 134). С этой территории они переселились в Башкирию. По его мнению, это переселение можно связать с тремя передвижениями народа: I. сарматское - в 400-300 гг. до н.э.; 2. гуннское - в 350-400 гг. н.э.; 3. тюрко-аварское - ок. 550 г. (Fodor 1975, 164-165). Из Башкирии же венгерский народ переселился на юг после 750 г. (Fodor 1975. 170). Л. Лигети также изменил раннюю свою точку зрения. По его мнению. венгры ок. 1000 лет провели у Уральского прохода, позднее их сдвинуло на запад огурское передвижение, и вследствие переселения сабир ок. 508 г. они прибыли на территорию Волго-Камского бассейна. Отсюда - одновременно с укреплением хазарской империи в середине VII в. венгры удалились в южном направлении (Ligeti 1986, 143-144, 158, 530; ср. Zimonyi 1988, 216-217).

[4] Györffy 1948, 56.

[5] История Венгрии I:1. 1984, 26-47.
[6] Hajdú-Domokos 1978, 41-91.
[7] Ligeti 1986, 520.
[8] László 1971; Fodor 1973.
[9] А. Барта в своей периодизации следовал Молнару (ср. Bartha 1977, 25; Bartha 1984, 395).
[10] Szűcs 1984, 342-344.
[11] Весь круг проблем Е. Сюч исследовал в своей кандидатской диссертации, защищенной в 1970 г., которая в скором времени будет опубликована. При реконструкции варварского этнического сознания венгров Е. Сюч принял во внимание раннюю дату венгерского фрагмента, найденного Юлианом и отделения савардских венгров (предшествующего IX в., а также до 750 г.); эту дату под сомнение поставили более поздние исследования (Szűcs 1984, 348; Czeglédy MŐT 121-122, Ligeti 1986, 378). Это, конечно, говорит о том, что кристаллизацию «гентильной» структуры, окончательную интеграцию традиции происхождения мы можем спроецировать до начала IX в., но к более ранним столетиям мы можем отнести их лишь предположительно.
[12] Ligeti 1943, 38.
[13] В статье Е. Сюча, опубликованной в данном сборнике.
[14] Этногенетическую разработку германской «древней истории», характеристику различных периодов и первое подытоживание, синтез «гентилизма» см. Wenskus 1961.
[15] Hajdú-Domokos 1978, 45-46.
[16] Ценную хронологическую помощь может оказать исследование языковых связей, главным образом, ирано-финно-угорских, ирано-угорских и ирано-древне-венгерских, так как индоиранские историко-лингвистические исследования идут впереди уральских исследований (Harmatta 1977, 167-182; Ligeti 1986, 131-136, 162-174). Кажется верным и то, что надежность хронологических границ, используемых в индо-иранской истории языка, нуждается в дальнейших исследованиях.
[17] Надежность этого метода недавно поставили под сомнение многие исследователи (ср. Róna-Tas 1978, 243-251).
[18] Hajdú-Domokos 1978, 46.
[19] Hajdú-Domokos 1978, 56.
[20] Hajdú-Domokos 1978, 71-87.
[21] László 1971, 7-8; Fodor 1990, 277-278.
[22] Fodor 1977, 109-110, сноска 85.
[23] Fodor 1977, 113.
[24] Fodor 1977, 110; 1990, 280-281.

[25] Ligeti MnyTK II, 65; 1986, 378-379, 394.
[26] Fodor 1990, 279; Халиков 1975, 166-181. О роли наскальных рисунков в обско-угорском вопросе см. Fodor 1975, 40-41; Окладников, Мартынов 1972.
[27] Fodor 1975, 41-42.
[28] Fodor 1975, 62-87.
[29] Fodor 1975, 87-96.
[30] Fodor 1975, 116-129.
[31] Fodor 1990, 281; SzŐM 1:1, 82.
[32] Fodor 1975, 164-165; 1990, 281.
[33] Róna-Tas 1978, 298-302.
[34] Mühlmann 1985, 15-16.
[35] Daim 1982, 70.
[36] Szőke 1962.
[37] Dienes 1972, 24-26.
[38] Mesterházy 1980, 36-45.
[39] Mesterházy 1980, 45.
[40] О литературе по этому вопросу см. Gombocz 1923, 172-191; Zsirai 1930; Vásáry 1974, 261-275; 1982, 247-257.
[41] Vásáry 1982, 247.
[42] Marquart 1924, 303. Это данное использовали также Йакут и Казвини; там же, сноска 2.
[43] Minorsky 1942, 34. Marquart и вслед за ним Zsirai могли знать лишь текст Ауфи.
[44] Большаков-Монгайт 1985; проблемы в тексте рукописи: 16-28; Yūrā 47:51; исторический комментарий: 116-120. Сведение, взятое у Абу-Хамида - Казвини, к заглавному слову Yūrā (Marquart 1924, 299-300).
[45] Lech 1968, 145.
[46] Zsirai 1930, 42; Vásáry 1982, 255. Об этом изменении звуков см. Ligeti 1986, 64-71.
[47] Zsirai 1930, 32-33.
[48] Zsirai 1930, 34-44; Vásáry 1982, 250-251.
[49] Zsirai 1930, 46-70.
[50] Vásáry 1982, 251.
[51] Zsirai 1930, 115-116, 120.
[52] Vásáry 1974, 264.
[53] Vásáry 1974, 264-267.
[54] Vásáry 1982, 253-254.
[55] Zsirai 1930, 115-122.

[56] И, в то же время, неясно, почему волжские болгары заимствовали этот этноним через русское посредство, ведь волжские болгары были их подчиненными, они торговали с народом Вису, говорившем на финно-угорском языке, как это утверждают мусульманские авторы.
[57] Vásáry 1982, 255-257.
[58] В работе: Большаков-Монгайт 1985, 185-188.
[59] Критическое издание отчетов о путешествии Юлиана см. Dörrie 1966; венгерский перевод: Györffy 1986, 61-82; немецкий перевод: Göckenjan, Sweeney 1985, 67-125; русский перевод: Аннинский 1940, 77-90.
[60] Литературный обзор по вопросу см. Györffy 1986, 32-34 и Ligeti 1986, 393-396.
[61] Gombocz 1923, I-4; SzŐM I:2, 185-186.
[62] Ligeti 1986, 390-392.
[63] Ligeti 1986, 404.
[64] Györffy 1986, 35-36. Рубрук писал: «То, что я рассказывал о земле башкир, я узнал от доминиканских братьев, которые отправились туда до прихода татар» (Györffy 1986, 260). Трудно ответить на вопрос: к этим ли доминиканцам принадлежал Юлиан ?
[65] Gombocz 1923, 30-31.
[66] Györffy 1986, 392-393.
[67] Fodor 1977a, 9-20.
[68] Ligeti 1986, 393, 478-480.
[69] Györffy 1986, 33.
[70] Vásáry 1975, 254-273; 1977, 287-290.
[71] Vásáry 1975, 237-254; 1977, 283-287.
[72] Хакимзянов 1986, 176; Róna-Tas 1986, 78-81.
[73] Martinez 1982, 125.
[74] Czeglédy MŐT, 105-112.
[75] Zimonyi 1990, 96.
[76] Minorsky 1937, 319, сноска 2.
[77] Zimonyi 1990, 148-149.
[78] Czeglédy MŐT, 18-25.
[79] Czeglédy MŐT , 113.
[80] Zimonyi 1990, 152.
[81] BGA I, 225, BGA II, 396; Czeglédy MŐT, 16-17.
[82] Zimonyi 1990, 23-24.
[83] Ligeti 1986, 400.
[84] Golden 1975, 22-23, 34-35.
[85] Большаков-Монгайт 1985, 56.
[86] Yaqut I, 322-323.

[87] Togan 1939, 35-37.
[88] Ligeti 1986, 377.
[89] Ligeti 1936, 399.
[90] Ligeti, Mon. 235-236.
[91] Ligeti, Mon. 243.
[92] Ligeti, Mon. 247-248.
[93] Ligeti MNYTK II, 84.
[94] Ligeti MNYTK II, 84-85.
[95] Ligeti 1986, 399.
[96] Ligeti MNYTK II, 85.
[97] Ligeti, Mon. 205.
[98] Ligeti MNYTK II, 82; 1986, 398.
[99] Ligeti MNYTK II, 82-83.
[100] Ligeti MNYTK II, 84.
[101] Ligeti 1986, 396-397.
[102] Ligeti 1986, 396.
[103] Bendefy 1937, 47-50.
[104] Pauler 1900, 126.
[105] Németh 1930, 308-309.
[106] Ligeti MNYTK II, 57-58. Németh в 1975 г. эту этимологию считал недействительной.
[107] Berta 1989, 9-10.
[108] Németh 1966, 35-50.
[109] Mándoky Kongur 1976, 41-44; 1986, 70-74.
[110] Ср. сноску 70.
[111] Berta 1989, 3-17.
[112] Vásáry 1985, 388.
[113] Czeglédy MŐT, 158-160.
[114] Németh 1930, 315.
[115] Németh 1966, 48.
[116] Ligeti 1986, 400.
[117] Ligeti 1986, 111.
[118] Gombocz 1912.
[119] Ligeti 1986, 9-30.
[120] Németh 1922, 148-155.
[121] Czeglédy MŐT 157.
[122] Gombocz 1912, 205.
[123] Gombocz 1960.
[124] Golden 1980.
[125] Róna-Tas 1982; см. статью А.Рона-Таша в этом сборнике.

[126] Ligeti 1981, 5-18; 1986, 475-492.
[127] Ligeti 1986, 402.
[128] О происхождении волжских болгар см. Zimonyi 1990, где находится литература по этому вопросу. В дальнейших частях главы я даю тезисное заключение о сборнике.

Ю.А. Зуев, А.Ш. Кадырбаев

Древние народы Центральной Азии в эпоху «Великих переселений» (III в. до н.э. – V в.)

По материалам китайских династийных историй

Мир Центральной Азии, восточной части раскинувшейся от Маньчжурии до Паннонии Великой евразийской степи, в III веке до н.э. представлял пеструю разноплеменную картину. Историко-культурная обстановка на востоке Евразии была тесно связана с обитавшими здесь в это время племенами юэчжей, усуней, канцзюй (кангюев), дунху, динлинов, цзянькунь (керкиров, кыргызов?), сэ (саков) и особенно сюнну, ставших олицетворением эпохального события во всемирной истории – «Великого переселения народов» с востока на запад. Кочевая империя сюнну в степях Центральной Азии была создана в конце III века до н.э., когда они стали полновластными хозяевами степей, гор и речных долин на востоке Великой степи. Огромные стада овец, коров, коз, табуны быстроногих коней были главным богатством степняков. Скот давал мясо, шкуры, кожу, шерсть для тканей, то есть все необходимое для жизни – пищу, одежду, обувь, материалы для жилища. На деревянных телегах, запряженных быками, сюнну передвигались за стадами. Они умели делать кожаную, костяную, глиняную посуду, обрабатывать металлы, изготавливать орудия и оружие, а также украшения из золота и серебра. Они даже выращивали просо и пекли из него хлеб, в недостаточном, правда, количестве.

Не хватало кочевникам и тканей. Впрочем, и то и другое они выменивали или отнимали у соседей.

В мирное время все племена сюнну находились под управлением старейшин 24 родов. На время войны сюнну формировали боевые отряды, и вся власть сосредотачивалась в руках шаньюя, которого избирал совет старейшин.

Первые достоверные китайские известия о протосюннуских племенах относятся к VII-IV вв. до н.э. Тогда центральной территорией этих племен была северная часть современной китайской провинции Шэньси на границе с Ордосом. На реке Вэйхэ к северу от уезда Лунсянь обитали люхунь. К северу от них, в Бэйди (современный уезд Циньян) находилось племя сюйянь. Между люхунь и сюйянь, в Аньдине и Пинляне (современные Пинлян и Гуюань), находилось «поколение уши».

Отделение скотоводства от земледелия, прослеживаемое на материалах археологических исследований в северном Китае и Внутренней Монголии в VII-V вв. до н.э., привело к сложению здесь кочевых скотоводческих племен. Ближайшим результатом этого процесса явилась консолидация некоторой части этих племен в племенные союзы. Письменные источники этого периода изобилуют сообщениями о постоянных набегах кочевников на раздробленные уделы оседло-земледельческого Китая. Набеги несколько уменьшаются лишь к IV в. до н.э. с установлением гегемонии княжества Цинь, объединившего под своей эгидой большинство уделов ослабевшей династии Чжоу. В конце IV в. до н.э. правители Цинь захватили области обитания протосюннуских племен, и жившие там кочевники под давлением китайского оружия, вынуждены были откочевать на северо-запад. Для защиты древнего Китая от пограничных кочевников было построено первое звено «Чан-чэн» – Великой Китайской стены. Вскоре, после этого события названные племена появляются у Цилянь-шаня и Эдзин-гола. Сюда древними китайцами были переведены так называемые «туземные» округа, ранее находившиеся в излучине реки Хуанхэ. Говоря о

непосредственных предках племени сюнну, китайский «отец истории», автор «Ши-цзи» («Исторических записок») Сыма Цянь исходил из реально существовавшего в его время противостояния: «оседло-земледельческий Китай - кочевническая империя Сюнну», двух великих древних культур, определявших ход этнополитической истории северной части Восточной Азии в течение нескольких столетий. В действительности дело обстояло несколько иначе. Население центрально-азиатских степей и предгорий было многоплеменным, разрозненным и многоязычным. До конца III в. до н.э. главной политической силой этого региона была империя Юэчжи (по-древнегречески «ятии», по-латински «асии», также «аттакоры»), владения которой простирались от территории Северо-Восточного Китая (западная часть более поздней Маньчжурии) до оазисов Восточного Туркестана. У Сыма Цяня локализация юэчжей определяется так: «Первоначально юэчжи обитали между Дуньхуаном и Цилянь-шанем»; причем в разделе «Юэчжи» дается пояснение: «Сначала юэчжи обитали от Дуньхуана на востоке, а от Цилянь-шаня на западе...». Дуньхуан – это нынешний Шачжоу, а Цилянь-шань находится на юго-западе от Ганьчжоу. Это сообщение скомпилировано в «Цянь Хань-шу» – «Ранней истории Хань», согласно которому под властью юэчжи были земли вдоль основного узла хребта Рихтгофена на юге от Сучжоу и на юго-западе от Ганьчжоу. Документы эпохи поздней Хань помещают древних юэчжи между Чжанье и Цзюцюань, т.е. в современных областях Ганьчжоу и Сучжоу и, кроме того, по Булангиру и Эдзин-голу. Согласно китайским известиям, юэчжи были самым сильным объединением у границ Китая в эпоху империи Цинь, из страны которых китайцы получали великолепных коней. У них было 100 тысяч боеспособного войска, и большинство соседних кочевых племен, в том числе и сюнну, находилось в зависимости от них. Сюнну были восточными соседями юэчжей. «Некогда (юэчжи) были могущественны и с презрением относились к сюнну»,[1] - говорится в ле-

тописи. К концу III в. до н.э. кочевые некитайские племена, среди которых были и сюнну, под давлением северокитайского царства Чжао отступили из степей Ордоса на север. В это время предводителем сюнну был Тоуманъ, имевший старшую супругу родом из юэчжи. Об этом можно судить по тому серьезному факту, что фратрия императрицы-*эчжи* в династийной коалиции сюнну называлась «хуянь» (хайан). Это слово находит прямую параллель в обозначении главного юэчжийского сакрального понятия «цзюйянь» («белый», «Белый путь», «Млечный путь»), а термин «*эчжи*» («императрица»), реконструируемый в форме «*ати*», является точной копией одной из графических вариаций передачи того же слова, которое позднее было записано и в виде «юэчжи». Иными словами, в обществе ранних сюнну слово «императрица» буквально означало просто «юэчжийка». Сын Тоуманя Маодунь был, по словам того же автора, «заложником» у юэчжи. В принципе, существование института заложников у кочевников в это время возможно, но не следует исключать также и того, что это лишь чисто китайское восприятие известного также и у древних усуней[2] обычая авункулата, при котором новорожденный еще передается в род матери, поскольку считается его собственностью, а затем, за выкуп или при ином условии, может быть возвращен в род отца. Вернувшись «обманным» путем в свое племя, повзрослевший Маодунь сумел совершить своего рода «дворцовый переворот»: он убил свою мачеху, бывшую старшей супругой-императрицей, ее сына-наследника престола (т.е. своего брата по отцу) и, наконец, отца, по каким-то причинам препятствовавшего возвращению сына. Об этой небывалой ломке традиционных отношений в обществе сюнну Сыма Цянь повествует следующим образом: «В то время шаньюем у сюнну был Тоуманъ. Он имел двух сыновей от разных жен. Старшего, Маодуня, отец не любил, а младшего, любимого, вопреки законам предков, собирался сделать своим наследником. Чтобы старший не роптал и не противился, Тоуманъ отослал его к

юэчжам в заложники. Маодунь был умным и смелым юношей и догадывался о замыслах отца. Он не долго пробыл в чужих краях. При первой же возможности бежал и вернулся в родные кочевья. Тоумань ничего не сказал непослушному сыну, но решил выждать удобный момент, чтобы разделаться с ним. Но и Маодунь был начеку. Он стал обучать подчиненных военному делу, требуя от них беспрекословного повиновения и строжайшего исполнения своих приказов. Однажды он решил проверить исполнительность своих подчиненных. «Делай, как я», - скомандовал Маодунь и пустил стрелу в своего лучшего коня. Вслед за стрелой повелителя полетели смертоносные стрелы его спутников-воинов. Но не все решились стрелять. Ослушникам Маодунь тут же приказал отрубить головы. Через несколько дней опять прозвучала команда Маодуня. Но теперь стрела пронзила его собственную жену. Строй воинов оторопел. У кого поднимется рука стрелять в молодую женщину, да еще в жену сына великого шаньюя. Но Маодунь был неумолим. Всем, кто не исполнил его приказа, пришлось расстаться с жизнью. Сердца воинов окаменели, а мысли подчинились воле Маодуня. Прошло время, и однажды на охоте Маодунь направил стрелу в коня своего отца, и никто из его воинов не опоздал выстрелить. И тогда Маодунь понял, его час настал. И когда он выпустил стрелу в спину своего отца, никто из его воинов не дрогнул, в тот же миг стрела Маодуня затерялась в туче посланных ей вслед стрел его дружины. Великий шаньюй пал на землю, пронзенный сотнями стрел. Окружавшая правителя свита замерла от страха, а Маодунь, хлестнув коня, ускакал в ставку отца и объявил себя его преемником – великим шаньюем народа сюнну. Все, кто вздумал перечить, лишились голов. Народ безмолвствовал и повиновался, но осмелели враги в соседних государствах, решив, пока Маодунь направо и налево рубит головы своим ближним, пригрозить ему войной и потребовать откупа-дани. Сказано – сделано: прибыли послы от дунху и заявили, что за мир должен Маодунь отдать им

лучшего коня из табунов сюнну и самую красивую жену шаньюя. Приближенные Маодуня возмутились и готовы были за подобную дерзость убить послов. Но шаньюй остановил их и, сказав с усмешкой: «Стоит ли для друзей-соседей жалеть одну лошадь и одну женщину?» - приказал отдать то, что просили...». Племена дунху были восточными соседями сюнну. Юго-восточные границы владений дунху доходили до Корейского полуострова, жили они также на Ляодуне и пограничных районах северного Китая. Дунху неоднократно заключали союзы с правящими домами древнего Китая и воевали с ним с переменным успехом. В III в. до н.э. они представляли заметную силу в степях Центральной Азии. С сюнну у дунху были равноправные отношения. Их разделяла полоса «ничейной» земли, по обе стороны которой располагались караулы дунху на востоке и сюнну на западе. В 209 г. до н.э. теснимые Китаем, дунху потребовали у сюнну пограничные земли шириной 1000 ли (500 км), о чем и сообщает далее Сыма Цянь: «...дунху, враги сюнну осмелели. В следующий раз они потребовали отдать им пограничные земли. Старейшины, наученные горьким опытом, не возражали. Земли пустынные, сплошь покрытые солончаками, каменистые, на которых и скот никто не пас. Они советовали Маодуню отдать землю. Но разгневался грозный Маодунь и стал кричать на старейшин, замерших в страхе: «Земля основа государства, разве можно отдавать ее?» Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы. Затем Маодунь сел на коня, приказал рубить голову каждому, кто опоздает явиться к походу на врага. Немедленно собрал воинов и повел их на ничего не подозревавших дунху. Как вихрь налетела его конница, как черная туча закрыли небо летящие стрелы сюнну. Мало кто спасся от их смертоносных стрел».[3] Так описал Сыма Цянь начало завоеваний сюнну. Хитростью и жестокостью, принудив соплеменников к безоговорочному подчинению, Маодунь стал верховным властителем. Маодунь оставил за собой управление центром своих владений, а восточные и за-

падные подвластные ему земли передал наместникам из числа своих близких родственников. Со времени объявления Маодуня шаньюем-предводителем и начинается имперский период сюнну.

Войско Маодуня не ведало поражений. На поле боя его составляли три отряда – центр и два крыла, каждый из которых знал свою задачу. Дисциплина была железной: за проступок одного рубили головы многим. За короткое время воины Маодуня на севере дошли до озера Байкал, на западе до Восточного Туркестана, на востоке до реки Ляохэ, а на юге подступали к землям древнего Китая. Сообщается, что в 201 г. до н.э. сюнну под его руководством покорили северные племена хуньюй, цюйшэ, динлин, гэкунь и цайли, а уже в следующем году предпринимали активные действия на северных границах империи Хань. Военное преимущество сюнну перед мало мобильными китайскими отрядами было настолько велико, что в 192 г. до н.э. Маодунь надменно и самоуверенно пространным письмом предложил свое сердце вдовствующей ханьской императрице Гао выйти за него замуж, что грубо попирало «правила поведения» – китайские традиции о верности мужу и после его смерти. При этом Маодунь имел в виду, что по понятиям кочевников, женитьба на представительнице правящего дома покоренной страны автоматически должна влечь за собой включение ее земель и народа в состав владений победителя. Смысл и стиль письма были настолько вызывающими, что Сыма Цянь не решился привести его текст. Но письмо сохранилось до наших дней и наглядно отражает уровень отношений сюнну и древнего Китая. «Я одинокий, - пишет Маодунь, - вырос в краю степных волов и лошадей. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем могли бы потешить себя...». Получив письмо, императрица пришла в ярость, и оскорбительное предложение было отвергнуто, военные действия сюнну против Хань продолжались на фронте всей северной и северо-западной границы Ханьской империи. Но, до большой войны

дело не дошло, Китай не был готов воевать, и императрице пришлось писать ответное уничижительное письмо, каких в истории Китая его правители никогда не писали «варварам».[4] К этому вынуждало соотношение сил между сюнну и Китаем, хотя для древних китайцев, высокомерно считавших, что у сюнну «лица людей и сердца диких зверей» – это было величайшим унижением. К этому времени сюнну уже смогли завладеть всеми землями юэчжей на востоке и потеснить их на запад, в область «между Цилянем и Дуньхуаном». В 177 г. до н.э. Маодунь-шаньюй в наказание за самовольное нарушение заключенного к тому времени мирного договора с Хань отправил своего западного предводителя походом против все еще могущественных юэчжи. Конница сюнну нанесла сильное поражение юэчжи и, кроме того, покорила важнейшие западные области, прежде пребывавшие под началом юэчжей. «По милости Неба, - писал Маодунь ханьскому императору, - воины были здоровы, а кони в силе – они уничтожили и умиротворили юэчжи, предав острию меча или же приведя в покорность, утвердили (спокойствие и власть). Лоулань (Крорайна), Усунь, Уцзе (Авгал), и пограничные с ними 26 (надо: 36, т.е. все княжества Восточного Туркестана) стали сюннускими. Все они вошли в армию (сюнну) и составили одну семью (т.е. государство)».[5] Окончательная победа сюнну над юэчжами была одержана между 174-165 гг. до н.э. С этого времени в источниках нет ни одного упоминания о прямых военных столкновениях сюнну с юэчжи, а начавшееся в 160 и 158 гг. до н.э. переселение юэчжей в Семиречье и далее в Среднюю Азию было вызвано наступлением усуней. Оттесненные на запад Центральной Азии, юэчжи завладели землями в верховьях Аму-Дарьи и среднем течении Сыр-Дарьи. Они впоследствии стали создателями западного государства канцзюй – царства Канг (Кангха), известного со 150 г. до н.э., в состав которого с 21 г. до н.э. по 221 г. н.э. вошли земли между Аральским и Каспийскими морями, и центральноазиатско-индийской империи Кушанов

(мировой державы I-IV вв. наряду с Римской и Ханьской империями), предопределив крах привнесенного еще в эпоху походов Александра Македонского эллинистического влияния в Центральной Азии к I в., и симбиоз эллинистической и местных – индийской и центральноазиатских – культур при преобладании последних. В «Хоу Хань-шу» так сказано об истоках империи Кушанов: «Когда дом юэчжи был уничтожен сюнну, то он переселился (в Греко-Бактрию, на юг Средней Азии), разделился на пять княжеских домов... По прошествии ста с небольшим лет гуйшуанский (кушанский) князь Киоцзюкю (Кудзула Кадфиз) покорил прочих четырех князей и объявил себя государем, его царство называлось гуйшуанским (кушанским)...»[6] Вместе с тем, в науке нет единого представления о том, как произошло завоевание Греко-Бактрии юэчжами. Есть мнение, что еще в 164 г. до н.э. Великие юэчжи под давлением сюнну были вынуждены оставить свои земли в Восточном Туркестане. Пройдя на запад через Фергану, они напали на Греко-Бактрию и покорили это царство, основав столицу на северной стороне Аму-Дарьи. Одновременно, на западе они разгромили сэ (саков), живших «за Яксартом» (т.е. к востоку от Сыр-Дарьи), одна часть которых была вынуждена откочевать в Капису (долина Кабула), а другая осела на земле древней Дрангианы (бассейн реки Хильменд), получившей название Сакастан (Сеистан). Точная дата падения Греко-Бактрийского царства не установлена. Полагают, что это произошло в 140-138 гг. до н.э. Согласно другой версии, Бактрию, некогда занятую древними греками, освободили не пришельцы из Восточного Туркестана, а местные кочевые племена, обитавшие по берегам Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и входившие в объединение племен, носивших название Великие юэчжи, или массагетов, являвшихся обитателями Хорезма и позже составивших основное ядро государства Кангха. В состав государства юэчжей в Средней Азии, предтечи империи Кушанов, вошли области на территории современных Узбекистана и Таджикистана –

царство Кангха (Согд, Чач, Хорезм), Паркана (Фергана). Жили юэчжи и в Семиречье, наряду с усунями и саками. Главным местожительством юэчжи в I в. до н.э.- I в. н.э. стал Тохаристан, изначально до переселения юэчжей под натиском сюнну ассоциировавшийся с Восточным Туркестаном, а к этому времени – с территорией нынешнего южного Таджикистана. Древние авторы сообщают, что это жители этого государства вели оседлую жизнь, строили дома, были искусны в торговле, и в этноязыковом отношении походили на обитателей Ферганы. Население в стране доходило до миллиона человек, а в главном городе был «базар с различными товарами». Таковы были последствия победы сюнну над юэчжи, коренным образом изменившие этнополитическую карту не только Центральной Азии и сопредельных с ней земель, но и Индии. После ухода юэчжей с востока Центральной Азии западная граница владений сюнну надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, а юго-восточная у границ Китая.

Так Маодунь стал владыкой обширных земель и многочисленных народов. Слава о его делах еще дальше разнеслась, но не доброй она была. Оставшиеся в живых рассказывали своим детям и внукам о жестокости правителя сюнну. Сюнну стали подлинным бедствием для китайской империи Хань. Кочевников не могли остановить ни плетенные из ивняка заслоны, ни глубокие рвы, ни крепостные стены. При их приближении население, бросая дома, скот и пожитки, стремилось укрыться за стенами укреплений, а воины получали строгий приказ: оборонять крепости изнутри, ни в коем случае не ввязываясь в бои вне крепостных стен или погоню. Китайские военачальники уже имели горький опыт борьбы с кочевниками: сюнну нападали малыми силами, выманивая китайцев из-под защиты крепостных стен, и, притворно обращаясь в бегство, завлекали преследователей в расположение своих основных сил. Даже Великая Китайская стена – «Чан-чэн», это монументальное и дорогостоящее сооружение, специально созданное

огромным напряжением сил для защиты от кочевников, оказалась бесполезной, неспособной защитить своих строителей.

Признавая могущество сюнну, «Поднебесная империя» пыталась добиться благосклонности их правителей. Когда Маодунь прислал императору Хань верблюда, двух верховых коней и две конские упряжки четверней, то в качестве ответного дара получил вышитый халат, золотой венчик для волос, отделанный золотом пояс с пряжкой из кости носорога и десять кусков шелка. В 162 г. до н.э. император Сяо Вэнь-ди направил сыну Маодуня, которого звали Лаошань, послание, чей текст гласит: «Хань (т.е. Китай, управляемый династией Хань) и Сюнну суть два соседних равных государства». Но сюнну мало было такого признания, хотя для китайцев, с их уже сформировавшейся и закрепившейся тогда в сознании элиты и широких слоев общества идеи – «Китай – центр мира, а окружающие его народы варвары», это было пределом падения. Сюнну хотели получать из Китая хлеб, ткани, особенно шелк, изделия из металлов и предметы роскоши в обмен на скот, лошадей, шерсть, шкуры, кожи, войлок, навязывая китайцам свои условия, что порождало кризисы в их взаимоотношениях. Войны не прекращались. Отношения с сюнну были для древнего Китая вопросом жизни и смерти.[7]

В этой ситуации в 139 г. до н.э. из Китая на запад Центральной Азии отправился путешественник и дипломат Чжан Цянь. Попав на 10 лет в плен к сюнну, он смог бежать и оказался в Средней Азии, где заключил союз империи Хань с усунями, обитавшими в Семиречье, против сюнну и канцзюй. Кангюи, западные соседи усуней, в свою очередь, скрепили союзный договор с сюнну династийными браками. За шаньюя царь Кангхи отдал свою дочь, а сам женился на его дочери. Вернувшись в Китай, Чжан Цянь также сообщил, что бассейн Яксарта (Аму-Дарьи) занят недавно появившимися здесь племенами юэчжи, которые распространили свою власть на близлежащие территории, в том числе и на Греко-Бактрию, извест-

ную Чжан Цяню под именем Дася. Юэчжи были «царями» Дася, после того как они завоевали Греко-Бактрию. Сопоставление этого известия с показаниями античных авторов Страбона и Помпея Трога натолкнуло исследователей на мысль, что страна Дася соответствует не Греко-Бактрии, а древнему индоевропейскому народу тохарам и Тохаристану, чьи владения изначально, как и юэчжей, находились на восточном Цилянь-шане и в Восточном Туркестане, откуда часть их, вероятно, было вовлечена юэчжами в их движение на запад, в Среднюю Азию. Но главным результатом миссии Чжан Цяня стало приобретение Ханьской империей союзника в лице государства Усунь с населением 630 тысяч человек и войском в 188 тысяч воинов, в состав которого входила дружина усуньского правителя – 30 тысяч конников и пеших лучников – профессиональных воинов, силу которых сюнну вскоре испытали на себе, когда в I в. н.э. усуньский предводитель Вэй Гуйми напал на них и увел в плен 40 тысяч человек. Сюнну могли противопоставить своим противникам 300-400 тысяч воинов при Маодуне и 140 тысяч при правлении его сына Лаошаня-шаньюя. Основой армии сюнну были отряды по 10 тысяч конников, которые назывались «тьма». Соответственно во главе «тьмы» был командир – «темник». Организация войска сюнну строилась по десятичной системе, делилось на «тьмы», тысячи, сотни, десятки, к которым приписывалось все взрослое мужское население, способное держать оружие. Известно также, что в армии сюнну было четыре конных корпуса, различавшихся цветом масти лошадей. Ставка шаньюя хорошо охранялась, есть сведения о личной гвардии повелителя сюнну – так называемых «ланьчжунах». В войске шаньюев были отряды из покоренных племен. Верховным военачальником у сюнну был шаньюй, которому принадлежало последнее решающее слово в вопросах объявления войн, заключения мира, направления походов, задач конкретных военных кампаний. Во время крупных

кампаний сюнну возглавлял сам шаньюй, в отдельных походах и набегах – военачальники по распоряжению шаньюя.

Войско сюнну представляло в основном легкую конницу, вооруженную дальнобойными луками. Основу их тактики составлял бой на расстоянии в рассыпном строю, чтобы, как пишут китайские летописцы, «противопоставив неприятелю лучшую конницу, в поле под тучею стрел решать победу». В ходе боя сюнну стремились выманить врага в открытое поле, охватить его с флангов. «Искусно заманивают неприятеля, - писал о них летописец, - чтобы охватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью, подобно стае птиц». Излюбленным приемом сюнну было притворное бегство. Главный расчет в бою делался сюнну на дальнобойность их луков, в рассыпном строю они метали стрелы с дистанции полета. А умению меткой стрельбы сюнну обучались с раннего детства, когда «мальчик, как скоро может сидеть верхом на баране, стреляет из лука пташек и зверьков, а подросши зайцев и лисиц». Такая эффективная стрельба, поражавшая противника на расстоянии, при неуязвимости лучников, часто приводила сюнну к победе. Но это обусловило их слабость в ближнем бою. Если противник проявлял стойкость и атаковал, не нарушая строя, сюнну бросались в повальное бегство. «При удаче, - говорится в летописи, - идут вперед, при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе». Так, недостаточная оснащенность и подготовленность сюнну к ведению ближнего боя не позволила Маодуню, окружившему в 200 г. до н.э. китайскую армию во главе с императором Гаоди и державшему ее в осаде семь дней, победить, несмотря на солидный перевес в людской силе. Вероятно, сюнну стремились атаковать врага лавой, когда тот дрогнул, нарушил построение и начал отступать. Тогда сюнну получали шанс решительной атакой ускорить победу. Основное в военной стратегии сюнну – внезапность нападений, опустошение земель врага, глубокое проникновение в тыл войск противника, захват максимальной добычи

и уход, по возможности без потерь. Главным стимулом в таких набегах был захват военной добычи. «Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают». Согласно обычаю сюнну, «кто в сражении отрубит голову неприятелю, тот получит в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу», и, если, «кто убитого привезет из сражения, то получит все имущество его. Захваченное – и мужчины, и женщины – поступает в неволю, и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью».[8]

Сюнну в ходе своих походов достигли поставленных их шаньюями стратегических целей – подчинили кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, установили контроль над Великим Шелковым путем через Восточный Туркестан, навязали империи Хань договоры «о мире и родстве», по которым древние китайцы платили им дань.

Сюнну были преимущественно кочевниками, хотя в источниках неоднократно проскальзывают сообщения о существовании у них оседлых поселений, а археологическое обследование степей современной Монголии привело ученых к мысли, что империя сюнну была «страной городов».[9] Государственное устройство сюнну было пронизано военно-демократическим принципом деления на два крыла и центр. Левое (восточное) объединение было представлено юэчжийской по происхождению фратрией «хуянь» (хуйан, хайан). Это была фратрия императрицы, материнство которой было обязательным условием для претендента на шаньюев престол. Вероятно, орда (ставка) императрицы располагалась к востоку от Большого Хингана, в долине реки Чор, носившей название Яньчжи (Эчжы, Ати?). Однако юрисдикция левого крыла простиралась на восток вплоть до северокорейских княжеств. Правое крыло объединения предполагало распространение сюннуской власти (даже только потенциальной) далеко на запад, вплоть до Усунь. В его состав входили и бывшие центральные земли юэчжей на Цилянь-шане (Нань-шань), в Чжанье – Ганьчжоу и по Эдзин-голу,

юэчжи стали вассалами сюнну, и по отношению к ним в источнике появляется обозначение «хун» на древнекитайском (в современном языке «вэнь»). Впрочем, вассалитет носил призрачный характер, порой шаньюй даже не представлял, какие это земли, что в них произрастает, кто в них живет, каковы обычаи того населения и кто им управляет.[10]

Наибольший интерес для нашей темы представляет решение вопроса об этническом состоянии левого (восточного) крыла сюннуского объединения и его этнополитических связях с западом Центральной Азии. В 57 г. до н.э. предводителем левой стороны стал простолюдин по матери и старший брат шаньюя по отцу – Худу-усы (возможная реконструкция «Хадааси», «Хада-йаси»). «Найденный среди народа» братом шаньюем, он стал управлять племенами на востоке, примерно в области верхней Аргуни и Прихинганья. К этому времени держава сюнну пришла в упадок и находилась на грани распада. После принятия шаньюем ханьского подданства в 55 г. до н.э., т.е. после обретения южной политической ориентации, часть племен стала обозначаться южными сюнну – в противоположность которым (также только в китайских документах) не принявшие подданства племена левого (восточного) крыла, преимущественно юэчжийского этнического состояния, стали называться северные сюнну, а Худу-усы самовольно объявил себя их правителем-шаньюем. Он получил тронное имя Чжичжи и в течение последующих нескольких лет сумел на западе нанести поражение нескольким усуньским отрядам, покорил владение Уцзе (Авгал), силами авгалского войска разгромил войска цзянькуней (керкир), а на севере покорил Динлин. От северных сюнну политически зависел правитель Цзюйши, владения которого в первых веках н.э. простирались с запада на восток «от Дуньхуана до Усунь» с центром в Турфанском оазисе и делились на шесть самостоятельных кочевых уделов. Испытывая, однако, постоянную военную угрозу со стороны южносюннуских и ханьских войск, Чжичжи «оказался в тесных об-

стоятельствах», «приблизился к гибели» и, воспользовавшись приглашением царя Канцзюя (Канга, Кангхи), который выдал за него свою дочь, переселился со своей свитой (в числе лишь трех тысяч человек) на берега средней Сыр-Дарьи, а затем Таласа (Дулай), в область пограничную между Кангхой и страной усуней. Возможно, что эти владения, где жили племена хэсу, яньцай и даюань китайских источников, прежде находившиеся в зависимости от царя Кангхи, были выделены не имевшему уже к этому времени своей хозяйственной базы северному шаньюю «ради кормления», которое в источнике называется «данью». Собственно, из трехтысячного каравана к моменту прихода на Талас оставалось в живых 1518 человек – жен, сыновей-дочерей и именитых сановников. Царь Кангхи рассчитывал силами Чжичжи противостоять давлению усуней с востока и использовать его «для охраны своих границ», но его надежды оказались тщетными: воздвигнутая Чжичжи в течение двух лет на берегу Таласа и поразившая воображение современников крепость в виде замка с двойными стенами, рвом между ними и цитаделью, в 36 г. до н.э. была разрушена силами усуней, ханьцев и даже части самих канцзюйцев, а все отмеченные 1518 человек преданы казни. Чжичжи сам обрек себя и своих людей на гибель, поступив «несообразно с условиями» царя Кангхи. Он вступил с ним в конфликт и бросил в воды Таласа царскую дочь с ее свитой, за что, после взятия крепости объединенными силами, уже истекающий кровью псевдошаньюй был обезглавлен одним из предводителей Кангхи.[11]

Таков печальный конец первого, относительно «массового» вторжения «сюнну» на запад (т.е. в пределы Средней Азии) и такова судьба «внедрения» языка сюнну в странах Усунь и Канцзюй.[12] Так называемый «язык сюнну» – фикция, это примерно то же, что для древних греков «язык варваров», а для китайца сравнительно недавнего времени «советский язык» (сулянь хуа) или «американский язык» (мэйго хуа).

Таким образом, Хань – империя древних китайцев не смогла сломить сюнну своими силами, а сделано это было лишь с помощью других кочевых и полукочевых народов Центральной Азии – усуней, динлинов с Енисея, дунху, кангюев и даже самих сюнну.

Вторая волна «сюннуского вторжения» относится к последней декаде I в. н.э. и также связана с Кангхой. Первые сообщения об этом событии содержатся в описании государства Юэбань («Урпен» по тексту «Истории Северных династий»). Здесь говорится, в частности, что владение Юэбань, находившееся в IV-V вв. на территории Средней Азии, прежде представляло собой «племена северного шаньюя сюнну». «Преследуемый ханьским генералом боевых колесниц и конницы Доу Сянем, северный шаньюй переправился через горы Киме (Цзиньвэй) и ушел на запад в Канцзюй, малосильные же из них, кто не мог уйти, остановились (или: расквартировались) на севере от (местности) Куча (Цзюйцы). (Прежняя же) местность (Юэбань) простирается на несколько тысяч ли по сторонам, народа около двухсот тысяч. Жители области Лянчжоу, кажется, называют их правителя шаньюй-царь. Их обычаи и язык близки с гаочэ (коча, тохары)».[13] В 89-93 гг. ханьский двор предпринял последнюю попытку установить господство на северных участках Великого Шелкового пути «Восток-Запад», прежде находившихся под контролем северных сюнну. В результате серии попыток ханьские отряды, общее руководство которыми осуществлял царедворец Доу Сянь, поддержанные южными сюннами, смогли проникнуть в труднодоступные для них районы за Большим Хинганом, в долины рек Чор и Тор (притоки Ноннм-Сунгари), где и находилась орда (ставка) северного шаньюя. В результате сражения шаньюй был ранен и сбит с коня, но, в конечном счете, сумел скрыться.[14] При этом сообщения одной и той же летописи о месте, куда бежал шаньюй, различны, хотя главным ориентиром остается Кангха.[15] Но дело в том, что раненому, «без одежд»,

имеющему несколько десятков (или просто несколько) воинов-всадников сопровождения, немедленно проделать огромной сложности дальний путь из Маньчжурии в Среднюю Азию было бы не под силу. Это затруднение преодолевается тем, что Канцзюй (Кангха) существовал и на северных предгорьях Большого Хингана. Китайские известия об этой области на востоке скудны, но они существуют. В сохранившихся фрагментах «Вэйского обзора» подразумевается существование двух Канцзюев – в Средней Азии, а также на юго-востоке от енисейских керкиров (кыргызов, цзянькунь), на юге от забайкальских динлинов: «Владение Цзянькунь расположено на северо-западе от Канцзюй: боеспособного войска 30 тысяч, кочуют, там много соболей и хорошие кони. Владение же Динлин расположено на севере от Канцзюй...»[16]. В списке племен, подчиненных сюнну, племя цянцюй, тождественное канцзюй,[17] упоминается рядом с хэла-алатами («ала-ат», т.е. «пегие кони»). В середине IX в. источник также упоминает Канцзюй в Золотых горах – Большом Хингане, называвшихся по-древнетюркски Алтункан и по-монгольски Алтахан. В «Шахнаме» Фирдоуси эта местность за Чинским морем – Далайнором связывается с Кангом Сийавуша, причем говорится, что цветущий Канг Сийавуша находился поблизости от реки Кимек, вполне сопоставимой (в числе других доказательств) с современной рекой Имин.[18] «Область Канга» на востоке (сравнивается с персидским Канг-дих) вполне сопоставима с «Канкати» при слиянии рек Аргунь и Кан раннемонгольского времени.[19]

Восточный Канг (Кангха) напрямую не связан с племенем кара-канглы (по-китайски «хэй-чэ-цзы» - «чернотележники», по-тибетски «га-ра ганг-лэг»), первые конкретные исторические известия о котором появляются лишь в середине IX в. и в этом же контексте. По мнению некоторых исследователей, канглы являются древней народностью. Собственно этноним «канглы», принятый верхушкой части тюркских кыпчакских

племен (половцев древнерусских летописей, куманов европейский и византийских хроник) в результате их продвижения к берегам Сыр-Дарьи на рубеже I-II тысячелетия н.э., выражал их стремление связать себя с генеалогической традицией древний канцзюев (кангюев), издавна живших на Сыр-Дарье, и таким путем обосновать свои права на эти земли.

Интересно отметить, что поздние китайские источники, в частности «Юань-ши» -«История (монгольской) династии Юань», составленная в XIV в., прямо указывает на ту преемственность, которая существовала между канглы и древним населением Центральной Азии: «Канли (канглы) – это есть то, что в эпоху Хань называлось Гаочэ-го – страна (государство) высоких повозок...».[20] Аналогичные сведения о канглы, хотя и недостаточно полные, приводит персидский историк конца XIII-начала XIV вв. Рашид-ад-Дин.[21] Он указывает, что они первыми изобрели повозки – «канглы» по-тюркски, откуда и происходит название их племени. Возможно, и Рашид-ад-Дин и составители «Юань-ши» использовали данные о канглы из одного источника, чем и объясняется их совпадение. В науке же высказывалось мнение, что само слово «канглы» на тюркской почве не этимологизируется, что оно может восходить к названию какой-либо страны, население которой поклонялось «повозке» как колеснице богине Вод и Плодородия. С этой позиции представляется вероятной связь слова «канглы» (при существовании кангылыг) с древним названием восточного Канцзюя (Кангхадих, Кангди) или западного – Канг, Кангха, Кангюй, и даже с тохарами – «коча, гаочэ».

Рассмотрим вопросы ранней этнической истории древних усуней, которая «ставит перед исследователем больше проблем, чем их возможных решений». Относительно полная версия их историко-генеалогического предания сохранилась в передаче Бань Гу: «Правитель усуней именуется куньмо. Отец куньмо Наньдоуми совместно с Большими юэчжи жил между (горами) Цилянь и Дуньхуаном, был правителем небольшого

царства. Большие юэчжи при нападении убили Наньдоуми и захватили его земли. Народ бежал к сюнну. Его сын, куньмо, только что родился, и его опекун Буцзю-сихоу бежал с младенцем на руках. Положив младенца в траву, он ушел в поисках пищи, а когда вернулся, то увидел, что волчица кормит его грудью, а ворон парит над ним с мясом в клюве. (Буцзю-сихоу) счел (младенца) божеством, взял его и вернул сюнну».[22] Это тотемический миф о рождении божественного младенца в результате взаимодействия двух миров – Верхнего и Нижнего. Инкарнацией Верхнего мира является космический Ворон с плотью тотема-предка. Иероглифическая этимология транскрипции «у-сунь» буквально означает «потомки Ворона». Вероятные предки семиреченских усуней в Аньдине (ныне южная часть Ганьсу, КНР), названы в «Му-тяньцзы чжуань» «родом красного Ворона» (чи у ши). В древнекитайской мифологии Красный Ворон всегда связывался с восходящим Солнцем - символом утреннего Неба. Подобную роль играл Аруна - «Красный» в мифах древней Индии. Древнеиндийский Аруна был старшим братом «царя птиц» орла Гаруды, он раньше срока вышел из чрева Прародителя, чтобы успеть встретить восходящее Солнце и в лучах утренней зари его оперение было красным. Культ Красного Ворона отложился в этнонимике народов Алтая («кызыл карга» в Шории), а в якутском фольклоре Ворон приносит людям огонь. Мясо в клюве мифологического усуньского Ворона это плоть тотемического Первопредка – восходящего Солнца на голубом утреннем Небе. Таким образом, младенец в древнеусуньском мифе выступает носителем сущности Солнца и Неба.

Символом Нижнего мира в мифе выступает волчица как инкарнация божества Плодородия Дракона. Мифологический Дракон, как правило, и прежде всего, связан с Водой как условием Плодородия. И действительно, в древнетюркской реализации усуньского мифа мальчик оказывается брошенным не в траву, а в Болото (или: Озеро, поросшее травами) При этом

обращает на себя внимание сходство функций Волчицы (Дракона) и отца-опекуна, также занимающегося кормлением младенца. Он носит юэчжийский (и, в меньшей степени канцзюйский) титул «сихоу» и держит на руках (забирает) ребенка с младенческого возраста. Вероятно, в этом факте следует усматривать указание на существование обычая авункулата, при котором новорожденный еще считается собственностью рода матери, в данном случае матери-юэчжийки, происходящей из династийного Лунного рода, символом которого в данном случае была Волчица (Дракон). Такая трактовка наводит на мысль о существовании в древнеусуньском обществе династийного «солнечно-лунного» соправления, подобного тому, как это было у древних тюрков, хазар и других. Она позволяет понять, наконец, и сообщение о «совместном» проживании усуней и юэчжи «между Цилянем и Дуньхуаном». Усуни и юэчжи ганьсуйского периода – это солнечно-лунная династия одного государственного или племенного образования под эгидой Лунного рода императрицы или вообще владычицы. Сообщение об убийстве усуньского владетеля юэчжами, а затем о преследовании юэчжей усунями, отражает мучительную и долгую борьбу между материнско-правовыми и набирающими силу патриархальными, отцовскими традициями. С этой точки зрения становление институтов раннеусуньской государственности в Семиречье следует рассматривать одновременно и как окончательную победу патриархально-правовых отношений, верховенство Солнечного рода в двуфратриальном соправлении. Примерами подобной ситуации в обществах Центральной Азии может служить, например, история жестокого гонения и даже уничтожения представителей династийной катунской фратрии ашидэ (аждаха, «дракон») со стороны фратрии «неборожденных» каганов ашина (ашна, «Небо», *кок тюрк*) во Втором Тюркском каганате после 716 г.,[23] а также сходную по мотивам борьбу в Уйгурском каганате в середине IX в., о котором в одном из документов говорилось: «Мы – уйгуры двух под-

разделений. Мы, уйгуры и дум-«драконы», мы стали черными врагами». Но борьба каганской-отцовской и катунской-материнской фратрий внутри династийной коалиции за верховенство отражала социальный расклад и социальную борьбу в обществе, так как за каждой из этих сил стояла определенная группа племен, отстаивавших свое преимущественное положение в степной иерархии.

Усуньский космо-генеалогический миф вплетен в историческое повествование, это своего рода мифологическая одежда, с помощью которой манифестируется и оправдывается новое этнополитическое состояние усуньского общества к моменту записи этой исторической информации. Возможно, отмеченная борьба не носила всеобъемлющий тотальный характер и не была напрямую связана с массовыми этническими перемещениями в середине II столетия до н.э. Во всяком случае, археологические исследования в Семиречье не дают повода к заключению о резкой смене материальной культуры в это время.[24] Между тем, китайские археологи сумели-таки выделить некоторые новые черты в археологических памятниках усуньского времени и связывают их с существованием «ответвлений сэ и юэчжи» в составе усуней.[25]

Существует несколько точек зрения относительно этнической и языковой принадлежности древних усуней. Абель-Ремюза и Клапрот считали их индо-готами. Смешанного тюрко-индо-готского происхождения считал усуней Г.Е. Грумм-Гржимайло. Целый ряд исследователей, начиная с Дегиня, сопоставили известия о разгроме юэчжей усунями с сообщением античного автора об асианах, ставших царями тохаров, и склонились к тождеству усуней с асианами,[26] хотя, как отмечал И.И. Умняков, в пользу такого сближения «нельзя привести никаких доказательств, кроме сходства звуков». В той или иной мере эта тема затрагивалась в трудах Ж. Шарпантье, Г. Халоуна, О. Менхен-Хелфена, Г.У. Вэйли, Я. Гарматта, С. Альтхайма и др.[27] В 1947 г. А.Н. Бернштам выступил с идеей

о тождестве усуней с кушанами.[28] В наши дни идею тохароязычности усуней серьезно отстаивает Э. Пуллиблэнк.[29] Авторы предлагаемой статьи вслед за Н.А. Аристовым и К. Сиратори склоняются к идее тюркоязычности древних усуней.[30] Кроме того, по их мнению, имя Усунь закрепилось в названии территориальных восприемников древних усуней Семиречья – казахов Большого Жуза, который в казахской этногонической традиции считается Уйсунским,[31] и современных кыргызов, в чьей родоплеменной структуре представлен род уйшун.

С точки зрения китайцев, усуни были чистыми кочевниками, они «не возделывали полей и не выращивали злаков, вместе со скотом они перемещались в поисках воды и травы, в этом их обычаи совпадали с сюнну».[32] Трафаретное выражение «перемещаются в поисках воды и травы» использовалось для характеристики многих народов за пределами «Чан-чэн» – Великой Китайской стены, но «чистого» кочевничества у них могло при этом и не быть. Так, Бань Гу сообщает, что китаянка Фынь из свиты китайской жены куньмо раздавала подарки усуньским «оседлым владетелям». Территория современной Монголии, бывшая коренным юртом, доменом древних сюнну, после длительного археологического обследования предстает как «страна городов».[33] В стране Усунь и сами китайские информанты отмечали наличие «чэн-и», «огражденных стенами поселений», и то, что усуни «имели города и предместья», а также «сажают деревья». Хотя, при этом «в Усунь много коней и их самые богатые люди имеют до четырех-пяти тысяч голов лошадей».[34] Скорее всего, усуни не были ни «классическими» кочевниками, ни «классическими» земледельцами, у которых скотоводство сочеталось с земледелием, а кочевой образ жизни с полуоседлостью. Археологическими наблюдениями сейчас с достаточной убедительностью установлено, что главным способом ведения скотоводческого хозяйства у древних усуней было отгонное скотоводство с меридиональным принципом кочевания по вполне определенным территориям и маршрутам

в определенное время года. Иными словами, кочевание было не беспорядочным, а строго регулировалось. Возможно, этой особенностью древнеусуньского быта объясняется и форма их жилища – неразборная юрта «цюнлу», «шалаш сюннуского типа»,[35] имеющий округлую форму и каркас из ивовых ветвей. «Сплетенная ива служит им домом, а войлочная циновка является крышей».

Основой военно-племенного счисления в усуньском объединении была десятиричная система, стандартный намек-указание на которую следует видеть в сообщении о «десяти сыновьях» усуньского верховного правителя-куньмо. Примерно такая же фраза («десять предводителей» полуисторического западнотюркского Эштеми-кагана) присутствует при объяснении более позднего десятисоставного Западнотюркского каганата «Он-ок» («десять стрел»), созданного на этих же землях позднее (603-699 гг.). Как наследие военно-демократической системы, Западнотюркский каганат был устроен в виде триединой организации: «левое крыло-центр-правое крыло» по пять племен-местностей в каждом крыле и каганского центра. Точно так же их усуньские предки были разделены на три части, и ведущую роль в этом объединении играл предводитель-куньмо. Подобные триальные структуры, наиболее приспособленные для войны и облавной охоты и внешне сходные с трехродовым союзом кросскузенного брачного родства,[36] были широко распространены в древности, в них связь осуществлялась через род правителя со стороны двух других, брачующихся с ним, но автономных по отношению друг к другу. Много времени спустя, на основе сочетания триальной организации и десятиричной системы счисления («сотня» – ее второе подразделение) на территории Казахстана сформировались три жуза – «сотни» как символ всего казахского народа.

Особенности материальной культуры усуней подчеркнуты в письме-жалобе китайской принцессы, выданной замуж за усуньского владетеля:

«Выдали меня родственники замуж на край света,
В далекую страну Неба выдали, за усуньского царя.
Цюнлу служит мне домом, войлок – стенами
Мясо едой, а кислое-то молоко – питьем...»[37]

Говорить об этнической территории собственно усуней на основании имеющихся китайских известий крайне сложно, так как численность правящей группировки или племени совершенно неизвестна, а само политическое объединение, на которое был распространен в результате смены династии политоним «усунь», было этнически пестрым по составу. Из сообщения 73 г. до н.э. следует, что на востоке в его состав входили области Цзюйянь и Эши. Относительно первой можно с уверенностью сказать, что это была юэчжийская область, с характерным юэчжийским названием символом «Цзюйянь» («Каяан»-«Белый»). Китайское обозначение Эши (Акса) соотносимо с упоминаемой Птолемеем областью Акасса-скифов за Касийскими горами – Восточным Тянь-шанем. «Под ней», у Эмодских гор, жили, по Птолемею, скифы-хауранеи, тождественные области «правителя Хунье» китайских летописей. Юэчжийское племя хунье в середине II в. до н.э. кочевало в средней части современной провинции Ганьсу, в округах Чжанъе и Цзюцюань.[38] С поражением Юэчжи оно вошло в состав империи Сюнну и, соответственно, стало считаться сюннуским. В 121 г. до н.э. оно приняло сторону Хань, и его местожительство стало считаться «пустующим». Сюда и склонял переселиться усуньского предводителя-куньмо ханьский посол в 120 г. до н.э.[39]

Граница политической юрисдикции усуней на западе выясняется из описания событий, связанных с приглашением северосюннуского псевдошаньюя Чжичжи в Канцзюй-Кангху и его выступлениями против усуней в сороковых годах до н.э. Сообщается, что в один из рейдов на Усунь Чжичжи вплотную подошел к усуньской столице Чигу, поубивал и взял в плен людей, увел скот. Усуни не решились преследовать его, их за-

падная граница опустела и обезлюдела на тысячу ли.[40] Вероятно, в это время западная граница Усунь не достигала Таласской долины, так как именно на берегу Таласа Чжичжи воздвиг крепость, откуда намеревался завоевывать Усунь. Поэтому усуни заключили союз с Хань против сюнну, что усилило влияние Китая в их стране и вызвало недовольство местного населения, особенно вмешательство в дела престолонаследия, где оспаривали трон сторонники сюнну и прокитайской ориентации. Итогом этих распрей был развал государства усуней на два владения – великого и малого куньмо. Эти события происходили между 64-51 гг. до н.э. Но 45-14 гг. до н.э. – время правления куньмо Цылими – период расцвета Усунь, так как он «твердо держал власть», и в его владениях «настала глубокая тишина и мир». О значимости усуней на политической карте Центральной и Восточной Азии, о заинтересованности союзнических отношений с ними говорят династийные браки. Не только принцессы из правящих домов древнего Китая, но и из семьи шаньюя империи Сюнну становились женами усуньских куньмо, а дочь куньмо, которую звали Диши, стала супругой правителя Кучи из Восточного Туркестана. До III в. н.э. китайцы подробно освещают историю усуней.[41] Еще в 437 г. н.э. есть упоминание о посольстве усуней в Китай. От усуньского времени осталось много археологических доказательств былой культуры: круглодонная и глиняная посуда, железные наконечники стрел, мечи, кинжалы, булавы, ожерелья из драгоценных камней, серьги, браслеты, зеркала.

Интересен анализ китайских политических терминов, обозначающих различные формы социальной организации у кочевников Центральной Азии и сохранившихся в династийных историях, начиная с «Ши-цзи». Тщательный анализ китайской терминологии, относящейся к предгосударственной, племенной фазе социальной эволюции кочевых обществ, проделан Х. Эчеди.[42] Применительно к рассматриваемой эпохе анализ соответствующей терминологии вызывает интерес ввиду фор-

мирования кочевых государств и империй на территории Центральной Азии. Например, говоря об усунях и гаочэ (коча, тохары или канцзюй), китайские источники употребляют термин «го» - государство: «Усунь-го» - государство Усунь и «Син-го» - кочевое государство, «Гаочэ-го» - государство Гаочэ, что свидетельствует о становлении у них государственных отношений.

Таким образом, анализ китайских письменных известий позволил прийти к нескольким заключениям, как частного, так и общего характера.

Можно констатировать, что в период с III в. до н.э. по V в. существовали тесные этнокультурные связи населения запада Центральной Азии (ныне Средней Азии и Казахстана) с народами, жившими в восточной ее части (на территории современных Восточного Туркестана, Монголии) и северной части Восточной Азии. Обнаруживается, например, существование нескольких центров юэчжей: в Средней Азии, в Илийской долине, к северу от Нань-шаня и Внутренней Монголии. Письменные источники регистрируют также и существование, по крайней мере, двух стран с одинаковым названием Кангха, связанных между собой не только этнической памятью, но, вероятно, и политически.

Материал источников не позволяет напрямую связывать появление термина «гунн» со словом «сюнну», древнее звучание которого могло отражать протоформу типа «фруна», «хунгна», но дает достаточно оснований предполагать, что данный термин впервые зарегистрирован в юэчжийской этнонимике. Его появление на западе можно связывать с многократными передвижениями юэчжийцев на запад, о которых сохранились письменные свидетельства.

Весь этот период является временем консолидации некогда разрозненных и разноязычных племен Центральной Азии в относительно устойчивые образования государственного типа, в том числе и на территории современных Казахстана

и Кыргызстана – Усунь и Канцзюй, следы существования которых хорошо сохранились в этнической памяти казахского и кыргызского народов.

Значимость этого периода, известного как эпоха «Великих переселений народов», обусловлена не только тем влиянием, которое оказали канцзюи, усуни и особенно юэчжи с сюнну на историю Центральной и Восточной Азии, но и на дальнейший ход мировой истории, хотя названия некоторых из этих ушедших, казалось бы, в небытие народов, например, сюнну и их предполагаемых потомков гуннов, до настоящего времени сохранились как синоним воинственности, варварства и необузданной жестокости. В V в. н.э. гунны, вероятно, по пути на запад Евразии, смешавшиеся со многими народами, которые им встречались, почти забывшие славное прошлое своих предков сюнну и мало напоминавшие их внешне, но не утратившие их бойцовских качеств, предстали перед пришедшей в ужас Европой и под предводительством Аттилы нанесли сокрушительный удар по последнему оплоту античности – Западной Римской империи. А юэчжи, еще в I в. н.э. положившие конец древнегреческому влиянию в Центральной Азии в лице Греко-Бактрийского царства, стояли у истоков создания мировой империи Кушанов, существовавшей в I-IV вв. на юго-западе Центральной Азии (Средней Азии) и в северной Индии.

Великие империи древности уходили в небытие поразному: одни, как державы древних китайцев Цинь и Хань, распадались с грохотом или умирали после долгой, тяжелой болезни, как Сюнну и Кушаны, другие, например, государства Юэчжей, Канцзюй и Усунь, растворялись, подобно неясному видению...

---

[1] *Сыма Цянь* «Ши-цзи» («Исторические записки»). – Пекин: Изд. Бо-на, 1928. – Гл. 123.

[2] Там же. – Гл. 3.

[3] Там же. – Гл. 123; *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. – М., 1979. – Т. 1. – С. 122-123.

[4] *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М., 1983. – С. 105-120.

[5] *Бань Гу.* Хань-шу (История династии Хань). – Пекин: Изд. Бо-на, 1928. – Гл. 94.

[6] *Фань Е.* Хоу Хань-шу (История династии Поздняя Хань). – Пекин: Изд. Бо-на, 1958. – Гл. 89.

[7] *Гумилев Л.Н.* Хунну в Китае. – М., 1974. – С. 21.

[8] *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск. 1986. – С. 25-52.

[9] *Кызласов Л.Р.* Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // История и культура востока Азии. – Новосибирск, 1975. – Т. 3.

[10] *Бань Гу.* Хань-шу. – Гл. 94 б. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М., 1973. – Вып. 2.

[11] *Зуев Ю.А.* К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем // Известия АН Казахской ССР, серия общественных наук. – Алма-Ата. 1957. – Вып. 2.

[12] *Бенцинг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 11-29; *Пуллиблэнк Э.Дж.* Язык сюнну // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 29-71; *Дерфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 71-135.

[13] *Ли Янь-шоу.* Бэй-ши (История Северных династий). – Пекин, Изд.Бо-на, 1958. – Гл. 97.

[14] *Фань Е.* Хоу Хань-шу. – Гл. 89.

[15] Там же. – Гл. 19, 23.

[16] *Чэнь Шоу.* Сань го чжи (Записи о трех царствах). – Пекин, Изд. Бо-на, 1958. – Гл. 30.

[17] *Яо Вэй-юань, Бэй чао ху син као* (Исследование варварских фамилий, существовавших во время Северных династий). – Пекин, 1958.

[18] *Дьяконов М.Н.* Образ Сийавуша в среднеазиатской мифологии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1951. – Вып.10. С.31-39; *Фирдоуси.* Шах-намэ. – М., 1960. – Т. 2. – С. 266-354.

[19] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. – М., 1951. – Т .1. – Ч. 1.

[20] Юань-ши (История династии Юань). – Пекин-Шанхай, 1958– Цзюань 130. – С. (1502) 27454. (в серии Соинь бо-на-бэнь).

[21] *Рашид-ад-Дин.* Указ.соч. – С. 64

[22] *Бань Гу.* Хань-шу. – Гл. 61.

[23] Синь Тан-шу (Новая история династии Тан). – Пекин-Шанхай, – 1958 – Гл. 217 б (в серии Соинь бо-на-бэнь).

[24] *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1983. – С. 10-18.

[25] *Pulleyblank E.* The Wu-sun and the Yueh-chih migration // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – University of London. 1970. – Vol. 33. – Pt. 1.

[26] *Толстов С.П.* Древний Хорезм. – М., 1948; *Умняков И.И.* Тохарская проблема // Вестник древней истории. – 1940. – № 3-4. – С. 181.

[27] *Haloyn G.* Zur Uetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Geselschaft. – 1937. – S. 306; *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. – Berlin, 1959; *Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. – London, 1973.

[28] *Бернштам А.Н.* История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского нашествия // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.-Л., 1947. – Вып. 16. – С. 266-354.

[29] *Pulleyblank E.* Chinese and Indo-Europeans // JRAS. – 1966. – № 1-2. – P. 29.

[30] *Shiratori K.* Sinologische Beitrage zur Geschichte der Turkvolker II. Uber der Hiugnu und der Tughu-Stamme // UAJb. – 1902. – T. 13.

[31] *Зуев Ю.А.* Исторические проекции казахских генеалогических преданий. К вопросу о пережитках // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата, 1981. – С. 69-76.

[32] Бань Гу. Хань-шу. – Гл. 96 б.

[33] *Кызласов Л.Р.* Указ.соч. – С. 20-29.

[34] Сыма Цянь. Ши-цзи. – С. 2051 (1521).

[35] *Вайнштейн С.И.* Проблемы жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. – 1976. – № 4.

[36] *Зуев Ю.А.* Указ.соч. – С. 69-76.

[37] *Бань Гу.* Хань-шу. – Гл. 96 б.

[38] *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии (Тексты и исследования). – Новосибирск, 1989.

[39] *Сыма Цянь.* Ши-цзи. – Гл. 123; *Бань Гу.* Хань-шу. – Гл. 61.

[40] *Бань Гу.* Хань-шу. – Гл. 70.

[41] *Зуев Ю.А.* К этнической истории усуней // Труды Института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата, 1960. – Т. 8.

[42] *Escedy H.* Trade-and-war relations between the Turcs and China in record half of the 6-th century // Acta Orient. Acad. Scient. Hungarica. – Budapest, 1968. – T. 21. – P. 151-153. note 3.

А. Рона-Таш

Новые данные к истории этнонима «хазар»

В № 2 журнала «Nyelvtudományi Közlemények» (Лингвистические сообщения) за 1982 г. мы подытожили наиболее важные этимологические попытки, касающиеся истории названия хазарского народа, ранние упоминания этого этнонима и историческую концепцию, которая, в конечном счете, строилась на объяснении звука -z- в этом этнониме. Недавно найденная терхинская надпись подтвердила несомненность того, что древнетюркской формой этнонима «хазар» является **qasar**, и, таким образом, это название народа нейтрально относительно вопроса –**z**- или –**r**-. Мы указали и на то, что звуковая форма этнонима с –**s**- встречается в самых разнообразных источниках; большая часть была известна и до сих пор, и их достоверность безосновательно была подвергнута сомнению. Зная о терхинской надписи, К. Цегледи (K.Czeglédi) в одной из своих коротких статей отметил, что она по многим пунктам изменила и модифицировала его раннее мнение (MNy. 77: 461-462). Исследователи венгерской древней истории с большим интересом ждали более подробного изложения его мнения. В августе 1982 г. во время IV Международного конгресса монголистов мне представился случай уже лично исследовать это место на терхинском камне; сопоставить имеющиеся издания надписи с подлинником. Прочтение **qsr** я проконтролировал особо, и взгляды, изложенные в предыдущей статье, были мною подтверждены. Намного существеннее было то, что для меня стала доступной работа М. Шинэхуу Orhon-Selengijn runi bičgijn šine

dursgal (Studia Archeologica VIII., 1, Ulaan-baatar, 1980), в которой наряду с новым изданием терхинской надписи увидели свет и две другие, недавно найденные надписи с руническими знаками. Первая из них - чрезвычайно интересная - надпись в форме столбца из Карабалгасуна, вторая, - которая будет ниже представлена - тезинская надпись. Имея в виду то обстоятельство, что в тезинской надписи название хазар встречается дважды, и эта надпись находится в тесной связи с терхинской и шине-усуйской надписью, представляется целесообразным рассмотреть здесь вопросы, касающиеся тезинской надписи.

1. ***Тезинская надпись.***

Надпись была найдена в 1976 г. в районе Цаган-уул, на территории, которую использовала бригада Худжирт, в месте под названием Övör-bulangijn Höh Tolgoj у истока реки Тезь. До сих пор известен лишь один фрагмент камня с надписью. Это камень в форме бруска 75 см длины и боковой гранью 32x22 см. На камне видна надпись всего в 21 строку; сохранившийся кусок камня содержит в себе лишь окончания строк. К сожалению, сам издатель М. Шинэхуу публикует иллюстрацию лишь одной стороны, таким образом, нельзя установить размещение строк на четырех сторонах. М. Шинэхуу дал последовательную нумерацию строк (1 - 21). Текст, данный М. Шинэхуу, и основывающаяся на нем транскрипция и перевод в одном-двух местах, наверняка плохи, но из-за отсутствия соответствующих фотоснимков и отпечатков пока не могут быть проверены. При передаче терхинской надписи можно наблюдать, что М. Шинэхуу довольно точно следует исконному написанию, и в перерисовке букв он столь же не точен, как и иные, находящиеся в его положении тюркологи с мировым именем. Поэтому текст М. Шинэхуу можно использовать с известной долей осторожности до анализа и исследования подлинника.

Мы не можем согласиться с датировкой М. Шинэхуу, который (см. Цит. соч. с.57) время написания тезинской надписи определяет между 760 и 780 гг. Еще С.Г. Кляшторный

(1980, 87) указал на параллельные места терхинской и шине-усуйской надписей, а Т. Текин (T. Tekin) в своей статье о терхинской надписи дальнейшими подробностями подкрепляет взгляды С.Г. Кляшторного. Однако, ни один из исследователей не упоминает о тезинской надписи.

Хронологическое соотношение трех надписей на основе одного места шине-усуйской надписи теперь уже, благодаря находке тезинской надписи, стало ясным. Строки 7 - 10 восточной стороны шине-усуйской надписи повествуют о том, что:

[7:] ... ančip bars yïlqa čik tapa yorïdïm. Ekinti ay tört yegirmike Kämdä [8:] toqïdïm. Oly [ïlqa] ... k . . .d . . . č. . . nt . . .[te] z baši anta qasar qurïdïn örgin anta etidim čit anta toqïtdïm yay anta yayladïm yaqa anta yaqaladïm belgümin bitigimin anta yaratïtdïm ančip ol yïl küzün ilgerü yorïdïm tatarïγ ayatdïm. Tabïšγan yïl [9:] bešinč ayq[a] teg... [ulu yil]qa Ötüken yiš baši anta As öŋöz baši anta Iduq Baš kedintä Yabaš Tuquš beltirinta anta yayladïm örgin yaratïtdïm čit anta toqïtdïm biŋ yïllïq tümen tünlik bitigimin balgümin anta yasi tašqa [10:] yaratïtdïm toq [ïtdïm].

«После этого в год тигра я выступил против народа чик. 14-ого числа второго месяца я столкнулся с ними у Кема (река = Енисей). (8). Еще в том же году... у истока Тезь там Qasar на западе (находясь), подготовил свое месторасположение, обнес дерновым частоколом, там провел лето, отметил там границу, там написал свой памятник, свое письмо, а потом осенью того же года выступил на восток, допросить татар. В пятый месяц года зайца (9) ... (в год дракона) в верховьях Отюкен... у истока реки Аз, за Iduq Baš («Священная вершина») у слияния рек Yabaš и Tuquš там провел лето, там подготовил свое местопребывание, обнес его дерновым частоколом и тысячелетнее, тысячедневное свое писание, свой памятник приготовил и высек их на плоском камне...».

Как видим, шине-усуйская надпись повествует о сооружении двух надписей. До сих пор полагали, что, по крайней мере, одна из них – это сама шине-усуйская надпись. В дейст-

вительности, однако, первая - это Тезинская надпись, а вторая - терхинская. Это подтверждает параллельное место терхинской надписи, 1-3 строки западной стороны: [l:] tez başi anta örgin. . . anta yaratïtdïm bars yïlqa yïlan yïtqa eki yïl [2:] yayladïm ulu yïlqa Ötüken ortusïnta As öŋüz baš Qan Iduq baš kedininte yayladïm. Örgin bunta yaratdïm čit bunta toqïtdïm bïŋ yïllïq tümen künlik bitigimin bunta [3:] yasï tašqa yaratdïm tulqu tašqa toqïtdïm». [l:] «У истока Tez там свое местопребывание... там подготовил, в год тигра и в год змеи, эти два года [2:] провел лето. В год дракона посередине Ötüken, за истоком реки As за baš Qan Iduq («Святой глава») провел лето, здесь разбил себе лагерь, здесь обнёс дерновым частоколом, тысячелетнее, тысячедневное мое писание, свой памятник (знаки) здесь [3:] приготовил на плоский камень, высек на камне».

Из терхинской надписи ясно, что и здесь речь идет о двух лагерях; второй - это место, где соорудили терхинскую надпись, поскольку в противоположность обстоятельству места **там** (anta), употреблявшегося в шине-усуйской надписи, в терхинской надписи употребляется обстоятельство **здесь** (bunta). Первое местопребывание было у истока реки Тезь, и об этом терхинская надпись повествует, что это было **там** (anta). На самой тезинской надписи, в соответствующем месте стоит следующее: [13:] . . . èl sir ilgerü qontï belgüsin bitigin bu urti buyrutdi [14:] [Te]zig qasar qurïγ qontï čit tikdi örgin yaratdï yayladim /13:/ . . . el sir». «..осел на востоке. Свой памятник, свои писания здесь приказал высечь..., [Te]z qasar поселился на западе, обнес дерновым частоколом, разбил лагерь, лето провел». Как видим, обстоятельство места - **здесь** (bu).

До сих пор запутанным казалось совместное упоминание годов тигра и змеи в терхинской надписи, после которых следует год дракона; на самом же деле последовательность годов такова:

обезьяна 744	тигр 750
курица 745	заяц 751

собака 746	дракон 752
свинья 747	змея 753
крыса 748	лошадь 754
корова 349	овца 755

Год дракона, т.е. год написания терхинской надписи, - 752, в то время как Тезинская надпись возникла на два года раньше, в 750 г. - в год тигра. По какой-то причине создание терхинской надписи затянулось до 753 года; в этом году каган лето опять провел у истока реки Тезь, а на зиму отошел в долину Терхин, когда было закончено изготовление камня. Так дата 753 оказалась в надписи. То, что это положение мешало и автору надписи, хорошо показывает текст: выражение - bars yïlqa yïlan yïlqa eki yïl. На основе всего этого хронология трех надписей такова: Тезинская надпись - 750 г., терхинская надпись - 752-753 гг., шине-усуйская надпись - 759 г. Карабалгасунские надписи более поздние, они были сделаны уже после принятия манихейства, но сейчас они нас не интересуют.

После выяснения временной последовательности возникновения надписей посмотрим наличие этнонима «хазар» в тезинской надписи. В уже цитированном месте читается: ... zig qasar qurïγ qontï. Управление глагола qon- «осесть, поселиться», как правило, стоит в локативе, но как раз именно в ранних текстах встречается и винительный падеж. Так, например, в 10-ой строке южной стороны надписи Тоньюкука говорится: «. . . türk bodunuγ Ötüken yerkä bän özüm Bilge Tonuquq Ötüken yerig qonmiš teyin äšidip. «Слыша, что говорят, что тюркский народ на земле (yerkä) я сам Мудрый Тоньюкук поселился на земле (yerig) Ötüken».

Одним и тем же глаголом обозначают поселение народа и министра Тоньюкука. Следовательно, qurïγ - здесь такой же винительный падеж, как yerig, и означает место, где расположились хазары, в нашем случае - запад. Это объяснение подтверждается предыдущей строкой, где читается следующее: èl sir ilgerü qontï; здесь идет речь о поселении народа èl sir на вос-

токе; в слове ilgerü нам надо видеть обстоятельство места: ilk «первый», ilk gerü «находящийся впереди, к востоку». Этноним «èl sir» не определен, по мнению М. Шинэхуу, здесь можно читать «высокий» l,s и r. Следовательно, из текста выясняется, что у истока реки Тезь каганский лагерь разбили таким образом, что на западе были «qasar», а на востоке «èl sir». Эту ситуацию должно отражать спорное предложение шине-усуйской надписи: «qasar qurïdïn örgin anta etitdim». Это предложение в предыдущей моей статье, вслед за толкованиями Рамстеда и Клосона я перевел так: «От Qasar к западу я разбил лагерь» (см. NyK. 84, 369). Однако, Тезинская надпись уже ясно указывает на то, что хазары находились к западу от каганской резиденции, то есть каганский лагерь - к востоку от них. Поэтому теперь окончание -din я считаю не суффиксом обстоятельства места, отвечающего на вопрос «откуда?», а вместе с А. фон Габэн (Gabain, I960, 89) понимаю как общее обстоятельство, обозначающее место. (Ср. küntün bulu – «да юге», öŋdün siŋar – «спереди на востоке», tašdin – «снаружи» (Gabain. Цит.соч.; ср. еще Sinor 1943/ 1982, 10-12). Следовательно, перевод таков: «Qasar (находился) на западе, (когда) я там разбил свой лагерь». В то время как в тезинской надписи речь идет только еще о поселении **qasar**, то через девять лет поселение является уже свершившимся фактом, **qasar**-ы уже живут там, и одна их группа находится у истока реки Tez.

В тезинской надписи еще раз встречается название хазарского народа. Напоминая еще раз, что в начале строк отсутствует довольно продолжительная часть текста, процитируем первые пять строк надписи:

1. ... rä tabγačqa bazlanmïš: uyγur: qaγan: toq olurmïš: yïl ärmïš:
2. ... èbir èl aqadïr qasar: aŋta barmïš: ol: bodunïm keŋkerešdä
3. ... miš: buzuq bašin /:/ qaza: učuz kök: äki atlïγïn tökä: barmïš.
4. ... olurmïš: aniŋ: eli: uč yüz: yïl: el tutmïš: ančip boduni
5. ... öŋre: qïlïntuqda: uyγur qaγan: olurmmïš: čik uluγ qaγan.

1. ... у китайцев примирили. Уйгурский каган с довольством правил, семьдесят лет был...

2. ... народ эбир/ибир, aqadïr qasar там ушел. Там мой народ у Keŋkereš
3. ... был. голову buzuq-a («пораженный»); потеряв, корень učuz («неценный») (предка), -потеряв два родовых старейшины, рассеяв...
4. ... правил. Делами той империи управлял 300 лет, тот народ...
8. ... во время поставления его на востоке, уйгурский каган готовился воссесть на трон, великий каган чиков...

Поскольку из шине-усуйской надписи мы знаем, что в процессе укрепления уйгурский империи решающим был поход против чиков в 750 г., к формированию уйгурской империи относится 5-я строка тезинской надписи. Когда после завоевания востока предводитель уйгур получил титул кагана и вел войну против кагана чиков. Всё то, о чем идет речь в 1-4-ой строках, по всей вероятности, произошло до 750 г.; и здесь, как в терхинской надписи, речь идет как бы о подытоживании ранней истории турецко-уйгурских племен. В 4-й строке в месте, соответствующем 3000 годам, в терхинской надписи стоит 200 лет. Хотя событие, происходившее за 200 лет до этого, может указывать на события формирования Первого Тюркского Каганата (551 г.), а события, происходящие на 300 лет раньше, могут относиться к оногуро-болгарскому переселению к и основанию кубано-кавказской империи (460 г.), едва ли вероятно, что эти круглые даты следует принимать дословно. Намного вероятнее то, что читающиеся в первой строке тезинской надписи 70 лет, относятся ко времени, когда между 680-750 гг. уйгуры жили в пределах Второго Тюркского Каганата.

Имя Buzuq находящееся в 3-й строке, очевидно, тождественно названию группа племен buzuq, о которых мы знаем из Огуз-наме (XI в.). Вторая группа племени в Огуз-наме Uč Oq. Здесь в нашем тексте стоит uč z, то есть задний uč и задний z. Это может быть uč и az Učuz. Невозможно не думать о том, как резонируют друг с другом нарицательные слова со значением «пораженный» и «неценный». Во всяком случае, 2-я и 3-я

строки тезинской надписи и 2-я строка такой важной для нас восточной стороны терхинской надписи однозначно и ясно имеют отношение друг к другу: bodunï qaza barmïš uč uz kök äki atlïγïn tökä barmïš. 3-я строка тезинской надписи: Buzuq baši qaza /barmïš/ učuz kök äki atlïγïn tökä barmïš, а также: терхин. (B2): aqadir qasar äbdal bärsil yat az oγuz ... тез. : ... èbir èl aqadir qasar anta barmiš ...

Отрывочное èbir èl, стоящее перед **aqadir qasar** может быть eltèbir èl или даже (s)ibir èl, поскольку первая буква - та *i*, которая употребляется и в качестве закрытого *e*. Из сопоставления параллельных мест в двух надписях кажется вероятным и весьма убедительным, что в терхинской надписи после перечисления народов также стоит anta barmiš «там ушли», следовательно, речь идет о раннем переселении перечисленных народов.

Насколько бы ни были фрагментарными Тезинская и терхинская надписи, из обоих, частично взаимно дополняющих текстов ясно, что **aqadir qasar**, упомянутое в первом случае, относится к более раннему периоду, чем название qasar, упомянутое «на западе», во втором случае. Благодаря этому мы подошли к вопросу, какова роль хазарских групп среди уйгур, а также, каково значение новых надписей в связи с рассматриваемой проблемой хазаро-уйгурских отношений.

Часть исследователей считала, что хазары были уйгурского происхождения. Яркий представитель этой концепции Л. Данлоп в своей книге (1954) даже посвящает этому вопросу одну главу (с. 34-40), и хотя лингвистические трудности даже ему были очевидны, он всё же их считал преодолимыми. В. Минорский в критике на книгу (1958, 175) отмечает лишь, что идея уйгурского происхождения хазар, которая является «комбинацией взглядов Маркварта, А.З. Валиди и А. Зайончковского и др., и не очень убедительна». П. Голден в своей книге только кратко упоминает главный аргумент Л. Данлопа, но всю идею уйгурского происхождения отвергает. Не вдаваясь здесь в подробности истории вопросов, касающихся теории

уйгурского происхождения хазар, в демонстрацию аргументов и опровержений, достаточно лишь указать на то, что якобы уйгурское происхождение хазар со времени Гиббона опирается на данные, по котором у уйгур было племя, носившее название Ko-sa, и китайские источники, где встречается это название племени, для называния хазар использовали точно такие же письменные знаки или знаки со сходным звучанием (L. Dunlop, Цит. раб. 34, 35; Golden, Цит. раб. 55, 124). Проблематичное место в последний раз цитировал Гамильтон (Hamilton 1955, 4-5); в перечислении уйгурских племен это шестое по счету племя. Как я уже упоминал в одной из своих статей, несомненно, что реконструкция китайского слова - тоже qasar. Из того факта, что тюркское название хазар было **qasar**, и что среди уйгур было и племя под названием **qasar**, можно сделать много различных выводов. Значение тезинской надписи состоит в том, что она ясно говорит о поселении народа **qasar** во время формирования уйгурской империи. А это указывает на то, что в формировании уйгурской империи значительная роль принадлежала определенной хазарской группе, племени хазар. Эта хазарская группа или племя точно так же могло примкнуть к уйгурам, как и кабарские племена, отделившиеся от хазарской империи, примкнули к венграм. Какое именно событие, в результате которого значительная группа хазар покинула тюркскую империю, и примкнула к будущим покорителям степей, могло произойти — об этом мы можем только гадать. Вероятно, событие, которое могло вызвать отделение, было столь значительно, как и военный поход халифа Марвана (737 г.), в котором арабы разбили хазар и хазарскому правителю, хотя и временно, пришлось принять ислам.

На основе вышесказанного мы можем в итоге установить, что в уйгурских надписях этноним «хазар» встречается многократно и, причем, всегда в форме qasar. В тезинской и терхинской надписях фигурируют **aqadir qasar** - народ, переселившийся на запад в период, более ранний, чем возникнове-

ние надписей, - главное племя кубанской, прикавказской империи.

А группа **qasar**, встречающаяся в тезинской и шинеусуйской надписях, тождественна тому племени, которое китайские источники считали 6-ым по счету племенем уйгур. Естественно, не случайно, что хазары, живующие на дальнем западе, попадают в раннюю историю тюрков, когда и сами они появляются на исторической арене и играют значительную роль, среди прочего, и в формировании уйгурской империи.

2. *Форма этнонима «хазар» (kasar) в одном раннем армянском источнике.*

В июле 1982 г. по приглашению профессоров К.Р.Ф. Баррэла (K.R.F. Burrill) и Тибора Халаши Куна (T. Halasi Kun) я прочитал доклад в Колумбийском университете по хазарскому вопросу; на нем присутствовал и П. Голден (P. Golden). После доклада мы вели очень поучительную для меня беседу по проблемам этнонима «хазар». По поводу этой беседы – в качестве добавления – П. Голден 11 августа того же года написал мне письмо. В нем, среди прочего, он обращает мое внимание на то, что в работе армянского историографа Моисея (Мовсеса) Дасхуранци (Moses Dashuranci) встречаются персонажи по имени **č'at' Kasar** и **č'at'n Xazr** (ср. Golden, Цит. раб. с. 173-174). Свое письмо автор заканчивает следующими строчками: «Being overly cautious in my book, I noted the possibility of such an identification, but tended to discount it. Now, in light of your new approach, I think it is certainly possible and one could not be faulted for at least suggesting the strong possibility of their being one and the same. If so, you could have a strong link of Qasar and Qazar». Едва ли можно сомневаться в том, что эти две личности тождественны друг другу; скорее всего, мешает то, что формы имени, наверняка, искажены. Это понимает и П. Голден. Л. Доусетт (L. Dowsett, 1961, 167, 168, 170) в конспектном аппарате, данном к своему переводу, отмечает разночтения различных рукописей. Форма **kasar** встречается один раз, и в каж-

дой рукописи это так; форма **Xazr** находится в двух местах, и все рукописи - в равной мере - пишут ее с ***x*** и ***z*** (относительно других букв здесь есть отклонения). Интересующая нас личность - подчиненный, слуга il-it'uer «гуннов», который, согласно тексту, имел такой же ранг, что и хорасанский il-tigin. О титуле il-it'uer мы знаем, что исконно это был титул, носитель которого получил его от хазарского кагана вместе с его дочерью (L. Dowsett, Цит. раб., с.160). У этого il-lt'uer-a был полководец по имени **Awci tarxan** и его «камергером» **č'at'/č'at'n Kasar/Xazr**. Мы должны согласиться с П. Голденом, который не принимает предложение Л. Доусетта, что **šad** - это титул, поскольку **č'at-šad** в этот период был чрезвычайно высоким титулом, в то время интересующая нас личность был чиновником сравнительно невысокого ранга. Запутан и порядок слов: следовало бы ожидать **Kasar šad**. Л. Доусетт отмечает (цит.раб., с. 168), что в некоторых рукописях вместо **č'at'n** стоит **kat'n**. Возможно, что они сохранили более правильную форму, и **kat'n** здесь - это **katun** - королева, жен правящего владыки, а также указание, на личность, имеющую отношение к ее двору. Этот вопрос стоит конкретнее исследовать специалисту-арменоведу.

3. *Хазары и венгры в одном северо-итальянском еврейском источнике, написанном ок. 950 г.*

В статье, напечатанной во 2-ом номере журнала «Nyelvtudományi Közlemények» в связи с ***-o-*** в первом слоге, встречающемся в той или другой ранней регистрации этнонима «хазар», я писал следующее: «Хотя нельзя оставить без внимания данные «Сефер Иосиппон» о **Xozar** (**xwzr**), которое едва ли отражает славянское посредничество....» Во время написания статьи эти сведения я знал из работы П. Голдена. Шандор Шайбер (Sandor Scheiber) обратил мое внимание на то, что эта очень важная работа имеет новое критическое издание. Он был столь любезен проверить это слово в издании 1978 г., так что в

моей статье его не надо было исправлять. После сдачи моей статьи в печать я получил от Д. Флуссера (D. Flusser), автора критического издания, второе исправленное издание «Сефер Иосиппон» (1980/1981), а потом получил статью О. Прицака (O. Pritsak), в которой он цитирует еще старое издание Гаркави (Harkavy, 1874). Новое критическое издание существенно отличается от текста Гаркави, поэтому я здесь публикую список названий десяти племен Тогармы из текста издания Флуссера: kwzr, pyçnq, aln, bwlgr, knbyna, twrq, bwz (читай qwz), zkwk, awgr, twlmç. Автор «Сефер Иосиппон» к этому добавляет, что среди десяти упомянутых племён во время написания книги awgr; bwlgr и pyçynq уже жили на берегу Дуная (dwnyy). На основе вышесказанного я должен изменить свое прежнее мнение, поскольку названия народов, указанные в списке, имеют явное славянское происхождение. Здесь отметим лишь то, что слово awgr читается как ugr, и это название венгров, которые вместе с булгарами и печенегами уже в это время жили на берегу Дуная. Согласно этому и **kwzr** читается как **kozar** и также указывает на славянское посредничество. Этот источник, возникший одновременно с трудом Константина Багрянородного, важен, среди прочего, и потому, что, как известно, византийский император называет венгров именем *турк*. Форма **twrq**, находящаяся в списке этнонимов, должна читаться как **torq**, и не может обозначать венгров.

Разработка материалов по венгерской истории и истории степных народов еще ждет опытного специалиста-гебраиста,

4. *Xuzar: данные Кашгари*

В своей статье я цитировал Ж. Дени (J. Deny), который, по моим сведениям, первый привлек данное Махмуда Кашгарского о **Xuzar/Xozar** в исследование истории этнонима «хазар». На материале, находящемся в моем распоряжении и рукописи сочинения, изданной Б. Аталаем (Besim Atalay), невозможно было установить, была ли дамма, стоящая над h, то есть

знак, обозначающий лабиальный гласный, в тексте рукописи (копии) или же его поставили позже. Ведь мы уже и раньше знали, что в уникальной рукописи хорошо можно различить поздние поправки, так как цвет чернил отличается. С тех пор вышел в свет первый том критического издания сочинения Кашгари, подготовленного Р. Данкофф и Дж. Келли (Dankoff, Kelly, 1982). Авторы на основе оригинальной и цветной фотографий всегда отмечают, является ли поздней поправкой какой-либо знак препинания или нет. На стр. 312 цитированной работы они сообщают: данное написание даммы не указывает на позднюю «руку»; значение данного слова – «name of a place in the country of the Turks». Со времени написания моей статьи удалось отождествить данный топоним Кашгари. Современное название этой местности - Guzar, а находится она в 120 км к юго-юго-западу от Самарканда, в 51 км на юго-восток от Карши в Узбекскистане. Раняя форма топонима - Huzar - известна из многочисленных источников (см. *Mirza Haidar* Tarikh-i-Rashidi, ed. N. Elias, E.D. Ross, 1896, карту, а также географический индекс различных томов «Сочинений» В.В.Бартольда, где цитируется частое употребление данного топонима). Вследствие этого можно установить, что данное слово Кашгари **Huzar** не имеет никакого отношения к этнониму «хазар»,и таким образом, отпадает и единственное тюркское данное этимологии, предложенной Ж. Дени (*quz eri* -«северные люди»).

Литература

Czeglédy K. /1981/. A Terhin-i ujgur rovásirásos felirat török és magyar történeti és nyelvészeti vonatkozásai (Тюркские и венгерские исторические и лингвистические вопросы терхинской надписи с уйгурскими руническими знаками) // MNy 77: 4, 461-462.

Dankoff R., Kelly J. /ed./ Mahmud al-Kasgari. Compendium of the Turkic dialects I. Harvard University Printing Office. Source of Oriental Languages and Literatures 7. 1982.

Dowsett C.J.F. /transl./ The history of the Caucasian Albanian by Movses Dasxuranci. London, 1961.

Dunlop D.H. /1954/. The history of the Jewish Khazars. Princeton.
Flusser D. The Josippon /Josephus Gorionides/. I-II. Jerusalem, 1980-1981.
Gabain A.von Alttürkische Grammatik, 2. Aufl., Leipzig, 1990.
Hamilton O.K. /1955/. Les ouighours a l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris.
Minorsky V. A New Book on the Khazars // Oriens 11 /1958/ 2, 122-145.
Pritsak O. The Khazar Kingsdom's Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies 2 /1978/:3, 261-281.
Шинэхуу М. /1975/. Tariatyn Orhon bičigijn šine dursgal. Ulanbaatar.
Шинэхуу М. /1980/. Orhon-Selengijn runi bičgijn šine dursgal. Ulanbaatar.
Sinor D. Az uráli-altáji nyelvek egy különösen elterjedt morfémájáról // Tanulmányok (Об одной, особенно распространенной морфеме в урало-алтайских языках. Статьи). Budapest, 1982. 1-14.
Кляшторный С.Г. /1980/. Терхинская надпись. (Предварительная публикация) // Советская Тюркология. 1980: 3: 82-95

Е. Сюч

Очерк древней истории венгров (фрагмент)

Для христианского Запада связное сообщение о появлении ранее «неизвестного по слухам» (retro ante seculis inaudita) народа венгров - gens Hungarium (Hungariorum) в Карпатском бассейне впервые исходит от аббата Регино из лотарингского Прюмского монастырь.[1] Этот текст автор, очевидно, уже в Триере, в 900 г. отредактировал и «вписал» в свою хронику.[2] В действительности же, если и не в Лотарингии, то в восточных провинциях христианства, по всей вероятности, название венгров было известно уже с 862 г., когда впервые новые враги (hostes antea illis populis inexperti, qui Ungri vocantur)[3] совершили набег на франкскую территорию. Однако, непреложен тот факт, что после немногословных летописных записей, повествовавших о повторяющихся военных предприятиях (881, 892, 894 гг.),[4] аббат Регино впервые не только подытожил проникшие на Запад известия о том, что венгры после поражения, нанесенного им печенегами, уже как народ заняли «пустыни паннонийцев и авар» (Pannoniorum et Avarum solitudines), но и предпринял также попытку указать место нового народа в историко-географической картине мира западного христианства.

Его метод по нормам той эпохи был научным, хотя и довольно простым. Поскольку в своем распоряжении он имел скудную информацию о том, что венгры двинулись откуда-то с устья Дона, за помощью аббат обратился к сохранившимся фрагментам античного запаса знаний. В первую очередь, он обратился к отрывку, который кое-что сохранил для средневе-

ковья из описаний Геродота V в. до н. э. о Скифии, расположенной на побережье Черного моря. Его источником была возникшая в VII в. работа под названием «Exordis Scythica» - сжатый вариант произведения римского писателя II в. Юстиния – т.е. уже сам по себе фрагмент из фрагмента.[5] Благодаря перенятому до подробностей тексту, Регино, во-первых, смог приблизится к наиболее важным точкам опоры географического определения, а во-вторых, что важно, получил в руки и основной материал «характеристики народа» (Scytharum mores). Центром тяжести метода была аксиома, охватывающая около полтора тысячелетия, по которой венгры, продвигавшиеся из Скифии, сами были «скифами». В качестве дополнения аббат использовал отрывок из Лангобардской истории VII в. Павла Диакона (Paulus Diaconus), средневековое эхо теории климатов, бывшей очень популярной в античном мире, - всё это уже было колоритным дополнением.[6] Эта стерильная литературная компиляция (historiographum dicta) составила приблизительно 2/3 образа венгров; для подытоживания от тогдашнего материала сообщений (út fama est), к сожалению, остались только крохи. Вопреки этому Регино и так удалось отметить больше достоверных фрагментов, касающихся событий, связанных с венграми ок. 900 г., перемешивая их с искаженной информацией, чем всем его западным современникам, вместе взятым.

Слово «скифы» (Scithae) в эпоху средневековья было не этническим понятием, это было собирательное определение всех тех варварских народов, которые, начиная с IV в., вслед за готами и гуннами хлынули в Паннонию с побережья Черного моря. Само пространство для христианского Запада, обладавшего тогда еще очень узким ограниченным кругозором, это означало вроде бы Дальний Восток, где пограничной линией между Европой и Азией считали реку Дон (Thanais) или реку Фасис (Phasis) с померкнувшим значением со времен древней эпохи[7] (последнее название у Регино искажено в Ithasis). «Скиф» для средневековья, в основном, означало то, что для современного человека значит слово кочевник». В этом смыс-

ле исследуемая конструкция в общих чертах удовлетворила потребности эпохи. Начиная с летописей таких авторитетных монастырей, как Мец (Metz), Адмонт (Admont) или Нидералтаих (Niederaltaich), до таких образованных историографов XII в., как Отто Фрезингенского (Otto Fresingi) или Саксонский летописец (Annalista Saxo) - текст Регино считался единственным источником в отношении происхождения венгров.[8]

Однако, с самого начала проявились и определенные «этнические» идентификации. Современный продолжатель фулдайских летописей, содержащих, между прочим, верные сведения, был убежден в том, что венгры являются остатками авар (Avari qui dicuntur Ungari).[9] Одновременно с этим в Италии, очевидно, под влиянием уже первого набега - военного похода (899/900 гг.), родилось предание, а позднее оно, по свидетельству Annales Alamannici, в X в. пустило корни и на немецкой земле, что в венграх возродился gens Hunnorum.[10] Два разных предположения не обязательно исключали друг друга, так же, как авар уже раньше часто склонны были считать гуннами.[11] На основе этой традиции (út quidam putant) эти два суждения Видукинд (Widukind, 968 г.) соотнес с теорией, согласно которой «венгр» - это, собственно говоря, лишь новое название авар (Avares quos modo Ungarios vocamus), которые, в свою очередь, были остатками гуннов (Avares autem... reliquiae erant Hunorum). Следовательно, из этого логично вытекало, что рассказ о венграх вслед за Иорданом он начинает с гуннского сказания о происхождении.[12] Были в наличии и экстремальные идентификации (напр., Agareni, Parthi, Iudai); более того, ок. 900 г. в провинциях Рейна и Лауры очень многие разделяли мнение, по которому, в исполнении предсказания Иезекииля о конце мира, в венграх воскрес народ Гога и Магога.[13] С упадком хилиастических настроений, конечно, большинство пригодных идей осталось и после рубежа тысячелетий, с тем, однако, чтобы на их место всё с более усиливающейся тенденцией вторглась гунно-венгерская идентификация (Huni qui et Ungri), но эта последняя еще до конца XII в. не возвысилась до

уровня теории. Большинство летописцев не приняли это к сведению, а придерживались взглядов Регино.[14]

В конечном счете, «этнические» рассуждения, ограничивающиеся аксиоматической идентификацией, не предложили более того, чем представление о «скифском» родстве венгров. Они основывались не на наблюдениях и сообщениях, и никоим образом не отражали действительную этническую традицию.[15] Даже само предположение гунно-аваро-венгерской непрерывной связи, выделяемой среди прочих определенными контурами, было не более, чем формулировкой еще одного ньюанса того, что уже было заложено в понятии «Scytha»: «восточный кочевник».[16] Но если эти устремления в отношении венгров не представляют никакой исторической ценности, их источниковедческая ценность безусловна в отношении ситуации, сложившейся ок. 900 г. В этом смысле уже и чрезмерно литературный очерк Регино поучителен, более того, в противоположность идентификаций на уровне предположений данная конструкция имеет единственную источниковедческую ценность.

В понимании лотарингского аббата, венгры, с одной стороны, – единый народ (gens);[17] с другой стороны – это варварское общество по своему характеру и миру обычаев и привычек, воплощающее «скифов» (Scytharum moribus), которое резко контрастирует с группами, тоже понимаемыми Западом, как народы (gentes). Этот mores, в конечном счете, по характеристике, исходящей от Геродота, встроился в понятийные круги образа жизни (отсутствие земледелия, «кочевой образ жизни»), политической «независимости», своеобразного восточного метода ведения войны, чужих обычаев питания и одежды, а также положительных или отрицательных «моральных» качеств. Среди точно тех же категорий Регино в четыре категории вместил все те малочисленные сведения, которые он собрал уже о настоящих, подлинных венграх.[18] Сами понятийные круги выкристаллизовались в поздней античной этнографии согласно понятийной схеме о том, что какой-либо народ по-

нимается в совокупности lingua и mores.[19] Во всем анализе главным образом стоит обратить внимание на выделение контрастов с порядком ценностей Запада.

Личность прюмского аббата Регино и его произведение заслуживают особого внимания потому, что, наряду с тем, что его достойно можно считать выразителем тогдашнего «западного подхода»,[20] общеизвестно, что от него исходит одно из наиболее четких определений той эпохи о понятийной сущности народов. Согласно вступительному письму к произведению под названием «De Synodalibus causis», написанному ок. 906 г., «diversae nationes populorum inter se discrepant genera, moribus, lingua, legibus».[21] Определение автор считал общепринятым, однако, ясно также, что он склонялся к этой «модернизации»,[22] сугубо внутри единства христианской веры и universalis ecclesia. Как же можно было бы привести к общему знаменателю новый, появившийся nefandissima gens с народами Запада, стоящими перед глазами Регино?

Ученый аббат жил задолго до европейского «образования наций», и поскольку он обладал высокой эрудицией, его хроника точно отражает это состояние. Его интерес распространялся, в первую очередь, на ту область, особенно после 818 г., этот период он считал началом собственной эпохи (nostra tempora), которую Карл Великий «сковал» в единую империю, и в его хронике повествуется о народах, живущих на периферии или вне ее, только лишь в связи со случайными, можно сказать, исключительно конфликтными ситуациями. Регино, считая наследие Каролингов, можно даже сказать, Европу Каролингов, идейным единством (хотя само единство уже как с полстолетия кануло в Лету), понимал окружающие земли в античной манере в форме триады Gallia, Italia и Germania.[23] Последнее территориальное понятие, по традиции Каролингов, как это уже сформулировал Айнгард (Einhardus, c. 15) включало в себя и западные славянские племена, вплоть до Вислы, а к югу в это единство входили словены и славяне Паннонии.[24] На

этой территории Регино знает около двух дюжин «названий народов».

К западу от Рейна характерны уже дериваты соответствующих названий - провинций типа Austrasii, Aquitani, Lotharienses, поскольку там уже завершилась локализация понятия народа, начинающаяся с VII в.; исконно уже ок. 900 г. названия «племен» (напр., Burgundiones) означали лишь «народ» территориальных образований.[25] К востоку от Рейна начался новый мир в том смысле, что игравшие роль на тогдашней немецкой территории gentes - от саксонцев (Saxones) до баварцев (Baioarii) без исключения - носили названия древних германских «больших племен». В действительности же, уже и эти названия были скорее новые провинциальные образования (Neustämme), чем если бы это была непрерывная связь, объединявшая их в этнические узы переселения народов.[26] Этносы словен и паннонских славян на восточной окраине опять-таки скрылись за дериватами упомянутых названий провинций (Carantani, Pannonii). Сочинение Регино весьма характерно отражает тот исторический период, когда вступающие в европейскую историю образования народов (gens) уже пережили распад и переформировались, но едва начали вырисовываться бледные контуры «французов» и «немцев».[27] Действительность настоящего означали nationalites provinciales,[28] (хотя их разнообразие пока всё еще было скромным по сравнению с феодально-территориальной «пестротой» в период после рубежа двух тысячелетий), на которые метод исследования - и сам Регино - перенес наследственные признаки «народа» (origo или genus, lingua, mores).

Вне пределов «Европы Каролингов» в сочинении Регино выделяется три народа, которые приходят к общему знаменателю: норманны (Normanni), арабы (gens Sarracenum) и венгры (gens Hungarium).[29] Естественно, роль западных, южных и восточных противников христианства привела их к общему знаменателю. Само повествование о происхождении венгров Регино не случайно помещает между рассказом об опустоши-

тельном военном походе норманнов в окрестностях Парижа (886 г.) и их бургундском военном походе (887 г.).

Заслуживает внимания, однако, то, что в понимании Регино сюда относились - или, по крайней мере, располагались в неопределенной пограничной полосе - еще три народа. И хотя он рассказывает довольно подробно (относя это к 868 г.) об обращении в христианскую веру протоболгар в 864 г., характеристики gens Vulgarum (Bulgarorum) (ferocissima ac bellicose, populus adhuc rudis), пожалуй, лишь на один тон мягче, нежели те, которые заслужили венгры.[30] Правда, большая часть характеристик относится еще к недалекому языческому прошлому. В то же время в противоположность вышеупомянутым западно-славянским группам, «народное» единство которых действительно создалось лишь покорением и организацией провинций Каролингов, в случае недавно обращенных в христианство других западных славянских народов, - которые ко всему прочему пока и в политическом отношении были более лабильными феодалами, чем, например, карантаны, - уже последовательно использует этническое обозначение (Sclavi Behemenses, Marahenses), и в то же время выражает, что и в этом случае речь идет о народах (gentes), но ни одного раза не описывает - как исключение во всем христианском пространстве - явных территориальных соответствий названий народов,[31] что, вероятно, зависело от того, что чехи и моравы - хотя только наполовину - но всё же перешли в мир варваров. Эта понятийная единица gentes - первоначально была принята «как личные связи (Personenverband), хотя правящая организация (ducatus, regnum) была у них неоспорима.

Во всяком случае, ок. 900 г. мир варваров, как это определил Регино, однозначно начинался «с концов карантан, моравов и болгар» (Carantanorum, Marahensium ac Vulgarum fines).[32] На эту территорию вторгся в 895 г. венгерский народ. Нельзя не признать, что в понимании Регино сарацины, норманны и венгры - но в определенной мере еще и чехи, моравы и болгары - соединились вместе таким же образом, как в глазах

римских писателей IV-V вв. племена германцев. Характеристики венгерского народа у Регино (ferocissima. nefandisaima) более усугублены в силу недавней обостренной ситуации, чем те, которые употребляли римляне в свое время в адрес германцев, а современные христианские писатели в мирное время стереотипным образом характеризовали так новые народы: gens barbarica. Привычка укоренилась настолько глубоко, что lingua et moribus barbari и подобные ей характеристики надолго пережили и рубеж двух тысячелетий.[33] Но к представлениям заведомо относилось также и то, что речь идет о внутренне единых moribus народах.

Историческая ситуация на рубеже IX-X вв. действительно напоминает IV - V вв. Во всяком случае, в том смысле, что и тогда, и сейчас цивилизация, считающая себя единой, и варварские народы, ни в коей связи не находящиеся друг с другом, разместились на двух полюсах острого напряжения. Если Imperium Romanum и была совершенно иной, чем постепенно приходящая в упадок Imperium Christianum Каролингов в IX в., - факт, что рождение Европы с определенного аспекта можно понимать и в свете двух волн варварских вторжений.[34] Во время второй волны вторжения варвар венгры, заброшенные на окраину Запада в первой половине X в., со стороны Востока завершили ту кризисную ситуацию, которая началась в VIII в. нападениями арабов с юга, а затем со второй трети IX в. продолжалась вторжением норманнов с запада. Другой вопрос, что после рубежа двух тысячелетий результат стал совсем иным, чем после 476 г. Зрелищно-импозантный Рим был побежден древними варварами, чтобы потом в ходе веков они сами абсорбировались им; более бедный зрелищно, но таящий в себе динамику и экспансивную энергию христианский Запад убедил и уподобил себе новых варваров, но сохранив целостную их этническую и политическую идентификацию. Не менее значительная разница, если учесть этническую формулу двух разных больших цивилизованных единств. В давние времена «супранациональное общество» системы империи populus Ro-

manus противостояло gens-структурам;[35] в период до рубежа двух тысячелетий populus Christianus в такой мере конфронтировал с новыми варварскими народами, что оба основных элемента своего исконного исторического основного материала, общественно-правовое единство, выражающееся в романской языково-культурной интеграции, и gens-образные народные рамки в одинаковой мере распались, но «образование наций» было еще только у своих истоков. Вопрос состоит в том, однако, нет ли внутренней аналогии на втором полюсе исторической напряженности между германскими «большими племенами» IV - V вв. и gentes IX-X вв.

Среди различий, во всяком случае, небезынтересно, что христианский Запад намного хуже знал своих варваров, чем в свое время общество Рима, где в качестве союзника у него было полвека и возможность поближе познакомиться с германцами, входящими с ним в контакты. Христианство вступило в конфронтацию с новыми варварами, как нападшими издалека, абсолютно чужими врагами, с неизвестным происхождением.[36] К этому еще следует добавить, что Запад IX-X вв. обладал значительно более узким кругозором, чем древний Рим, более низким интеллектуальным уровнем и замкнутой «идеологической» ментальностью, не говоря уже о суеверных ужасах, прошедших через искаженную призму обстоятельств. Понятно, что в глазах христиан новые варвары временами перемешивались. Hroswith принимал совершавших набеги венгров то за авар, то - в связи с норманнским набегом (880 г.) – почему-то оплакивал опустошения «венгров». Hugo Flaviciensis упоминает то о никогда не совершавшейся совместной акции 899 г., в рамках которой норманны, арабы и венгры, якобы, совместно вторглись с трех частей света в Галлию, а при настоящем нападении венгров (917 г.) он отождествил противника с арабами (Ungri id est Saraceni).[37] Вышеуказанные домыслы относительно происхождения венгров отражают не что иное, как смутность, неясность и расплывчатость представлений авторов о предмете.

Картина начала проясняться только тогда, когда кризисная ситуация в конечном счете стала делом прошлого, и из соответствующей исторической перспективы интеллигенция эпохи стала способной к установлению аналогий древних и новых варваров и, следовательно, в более объективном опрделении их места в 500-летнем процессе рождения Европы. Альбер де Труа-Фонтэн (Albericus de Trois-Fontaines) в произведении, написанном ок. 1230 г., этот процесс уже видел в последовательности четырех «генеральных нападений» (generalis impetus). Первым был набег вандалов и западных готов, вторым - нападение гуннов, третьим (который от 837 г. «продолжался, по крайней мере, 60 лет») было нападение норманнов, и, наконец, «по крайней мере, в течение 80 лет» - нападение венгров.[38] В этой исторической картине рождение Европы уже можно было понять таким образом, что христианство преодолело эти нападения.

Венгров, так же, как и норманнов, между двумя полюсами напряженности новое соотношение сил уже перед рубежом двух тысячелетий стимулировало к становлению будущей западной нации; однако их жизненно-верного познания barbarica gens в условиях X в. для Запада не осуществилось. Даже такой выдающийся деятель, как Регино, в 900 г. можно сказать, играл роль «Псевдо-Тацита».[39] Цезари и Тациты венгров (а также их Сальвианы и Кассиодоры) вышли из тех двух высоких культур, в горизонте которых формирование венгров в народ произошло в период до X в.: это культуры Византии и Ислама.

Единство образования народа, называвшего себя венграми, в том составе, как этот сам факт единства ощущал и Запад, в решающей мере был результатом интегральных процессов, происходивших в ранние столетия. А местом действия была территория, простиравшаяся к северу от Черного моря, далеко за горизонтами христианского Запада, по соседству с владениями Византии.[40] Это служит объяснением того, что, после того, как ок. 463 г. на этой территории появились те ко-

чевые народы, в рамках которых предполагались и ранние венгры, Византия систематически следила за событиями, происходившими на этой территории. Но вопреки этому, каким бы многочисленным ни был круг византийских сообщений в период после V в., их информация может относиться к ранней венгерской истории лишь только с более или менее гипотезной ценностью, поскольку венгры до IX в. не были элементом «имянаречения» тем политическим формациям, в которые ходили; следовательно, их народная идентификация не возвысилась в определенных контурах для далекого созерцателя, к тому же в VII-VIII вв. существует период явного отсутствия непрерывности в исторической письменности Византии.[41] Туман начинает постепенно рассеиваться только в IX в., когда для связной группы восточно-римских сообщений, имеющих несомненное отношение к венграм, открывает путь точно такой же фактор, который открыл западно-римским сообщениям касательно германского foederati 500 лет назад.

Уже открывающее этот ряд письмо Ареты (Arethas) 902 г. к императору Льву Мудрому (886-912) выделяет это, приветствуя факт, что императору удалось завоевать венгров и заполучит их в качестве союзника. Намек указывает на греко-венгерский союз 894 г. против болгар.[42] Среду взаимосвязанных описаний наряду с работой Льва Мудрого «Тактика»,[43] написанной после 904 г., своей особой ценностью выделяется великое произведение императора Константина Багрянородного, написанное между 948 и 952 гг. и, как правило, упоминаемое под названием «De administrando imperio».[44] Особая ценность произведения с точки зрения нашей темы состоит в том, что в 38-й главе оно кое-что сохранило из исторической памяти венгров о туманных VII-VIII вв. Первая группа основных написанных источников дополняется так называемой хроникой Georgius monachus continuatus (Продолжателя Георгия мниха),[45] возникшей во время правления императора Никифора Фоки (963-969 гг.), но в отношении венгров восходящей к 831-832 гг.

Эта информация дополняется столь же ценными сведениями, которые сообщают мусульманские авторы о восточноевропейском географическом горизонте исламской культуры (открытие которого было продиктовано торговыми интересами). Так называемая «джайханская группа» исламских источников описывает тогдашнее состояние - на одно поколение раньше, чем византийские источники - венгерского народа, живущего на северном побережье Черного моря. Арабские писатели Ибн Рустэ (ок. 930 г.), ал-Бакри (XI в,), персидский автор Гардизи (1050-1053 гг.) и персидское географическое сочинение-компендиум «Худуд ал-Алам» (982/3 г.), благодаря тому, что сохранили текст своего общего источника - утерянного произведения, написанного бухарским государственным деятелем и ученым Джайхани ок. 920 г,. - оставили нашей эпохе беспримерное описание географического, этнического и политического состояния данной территории в период, более ранний - ок. 870 г.[46]

Греческие и арабо-персидские группы источников со своей эмпирической достоверностью, детальной информацией и беспристрастным отношением (хотя все это делается, конечно, с сознанием превосходства перед миром «варваров»), в основном представляют тот уровень, который 500 лет назад характеризовал отношение римлян, противопоставлявших себя миру германцев. А если теперь принять во внимание, что эти описания «венгерских Тацитов» дополняются письменными сообщениями, происходящими от восточных (главным образом, армянских и сирийских) и северных (славянских) соседей и элементами традиций, сохранившихся в этих сообщениях; а, во-вторых, могут быть дополнены результатами современной археологии, исторического языкознания и исторической этнографии, и теми фрагментами, которые сохранила из этнической традиции латинская культура христианской Венгрии в XI-XIII вв.— можно сказать, что весь источниковедческий базис венгерской ранней истории нисколько не беднее, чем тот, на основе которого Райнхард Венскус (Reinhard Wenskus) рекон-

струировал круг явления германской гентильной структуры в поздний античный период. Punctum saliens, естественно, то, действительно ли «народное» единство (у императора Константина Багрянородного εθνος) означало этническое единство, и воплотило структуру, подобную сознанию «мы» («ein in sich geschlossenes folgerichtiges System gesellschaftlicher und politischer Kategorien»)[47] как у германцев; в конечном счете, само этническое сознание, если оно реконструируемо, выполняло ли аналогичную функцию в политической сфере («normenbildende Kraft für das politische Handeln») ?[48]

Предпосылкой использования базиса источников является, конечно, разрыв с некоторыми предубеждениями и предвзятыми мнениями. Не ново сомнение в том, могут ли вообще употребляться термины «германский» или «славянский» в качестве общественно-исторических категорий,[49] не говоря уже о методе, связанном с именем Ранке, согласно которому, рождающаяся Европа может быть воспринята как «Einheit der romanischen und germanischen Völker». Пожалуй, было бы более правомерно, и, кстати, «ближе к источнику», говорить с терминологической точки зрения о дофеодальных «варварских» структурах.[50]

Венгерский народ, появившийся на окраине христианской Европы в конце IX в., сформировал такие «узы переселения» (Wanderband)[51] с многовековым прошлым, который воплотил дополненное земледелием «полукочевое»,[52] довольно глубоко расчлененное общество. Это общество в политическом и военном отношении на языке типологии Теодора Майера (Theodor Mayer) - своеобразный кочевой вариант «Personenverbandstaat»[53] - организация власти, параллельная типу германского «Heerkönigtum».[54] Эти характерные черты упрочились, по всей вероятности, в рамках наиболее сильной государственной формации Восточной Европы VII-IX вв.,[55] - хазарского каганата. Затем эти черты выкристаллизовались благодаря тому, что в первые десятилетия IX в. венгерское кочевое государство стало самостоятельным. Вышеуказанные категории -

едва ли чисто «германские специфические черты», а скорее структурные элементы, приводящие в большей или меньшей степени варварские общества к общему знаменателю. Эти общества стали способными противостоять тяжелым испытаниям в конфликтных ситуациях в IV-V вв., а в IX-X вв. выстояли именно благодаря тому, что обладали этими структурными предпосылками.

Дополняется ли этот «ансамбль» в случае венгров еще и фактором этнической однородности ? Мы не ставим перед собой цели рассмотрения возможных аналогий или явлений различий в норманнском или славянском вариантах;[56] цель - исследование лишь того, может ли быть реконструировано что-либо из этнического сознания венгров в период до X в., подразумевая под этим ту форму общественного группового сознания, которая в культурно-языковых и исторически-традиционных взаимосвязях, коренящихся в вере общего происхождения группы, имманентно учитывает сплоченность «народа», придавая этим узам в этническом отношении раз и навсегда нормативные ценности. Под «благородными» узами в дальнейшем мы подразумеваем такое понятие (народа) gens, которое в категориях тогдашнего Запада «ein nach dem Prinzip der natio gegliederter populus».[57] Передавал ли гуманист Авентиний слова утерянного источника X в., или же он сам так думал о своей эпохе, следует решить, действительно ли по отношению к X в. понятийное определение: Ungri, qui ipsorum lingua Maegari vocantur, una gens est, non in plures nationes divisa, ut caeteri Germani.[58]

Последующий анализ не ставит себе целью поиска средневекового «национального сознания» у венгров, занявших Карпатский бассейн. Однако, ясно, что если существовало варварское этническое сознание в вышеуказанном смысле, то проблема относится к предмету исследования даже и в том случае, если окажется, что реконструируемое после 1000 г. сознание является его отрицанием во многих отношениях. Если, однако, оно существовало, не исключается и факт непре-

рывности и (в какой-то мере) преемственности; во всяком случае, следует учесть, что в данном случае мы имеем дело со своеобразной формой «пренационального» группового сознания. На великих нациях Запада, как правило, стоит что-то такое, что Хельмут Бёманн (Helmut Beumann) подытожил в отношении французов и немцев: «Die Nationen erscheinen als eine Formation der europäischen Geschichte, als das Ergebnis eines Integrationsprozesses, dem die Disintegration des Frankenreiches korrespondiert».[59] Однако, в случае венгров речь идет не о процессе такого типа, и не только потому, что они опоздали к созданию франкского государства.

Если затронутые взаимосвязи окажутся правильными, - quod est demonstrandum, - тогда в случае венгров речь идет о том, что история как будто произвела на свет одну готскую, одну франкскую, или одну лангобардскую нацию. Если это так, явление может стать дополнением к тому своеобразному объединению процессов, которое, в частности, характеризует - в противовес более расчлененному ритму развития западного прогресса, - не только венгерскую историю, но и в более широком смысле, восточно-среднеевропейскую историю. Но, пожалуй, поучительна эта иная модель и в широких европейских взаимосвязях. Настолько более поучительна, насколько больше родственных черт покажет венгерское «национальное сознание», формирующееся между 1200-1300 гг. - несмотря на разные точки отправления - с тем содержанием, что можно так назвать на Западе. Из этого следует, что эта модель и ритм развития поучительны и с понятийной точки зрения, а именно: группу явлений какого-либо качества можно более или менее надежно назвать «национальным сознанием» в эпоху средневековья. Еще Марк Блок осознал, что периферии часто способствовали понятийному различению явлений центральных территорий.

***

Согласно группе арабо-персидских источников, сохранивших текст Джайхани, ок. 870 г. название народа, который в

ту эпоху жил к северу от Черного моря, между Доном и Нижним Дунаем - было madžer или modžer.[60] Это несомненное наиболее раннее упоминание венгерского этнонима. Поскольку взаимосвязь названия «гуннского короля» по имени Muageris, встречающегося вблизи Босфорского пролива (527/28 г.) с венгерским этнонимом слишком уж зыбкая (мало того, и само существование взаимосвязи проблематично, хотя категорически это и не исключено).[61] Первый гласный названия в старовенгерском языке мог близко стоять к еще более закрытому звуку –o-; dž в середине слова, который в некоторых архаических диалектах проявляется до новейшего времени, уже в X в. изменился на gy (=dj), а исконное окончание еще в старовенгерском подгонялось к первому гласному (mogyor~magyar).[62] Название, отмеченное императором Константином Багрянородным, ок. 950 г., это форма с высоким тоном megyer(i) - Μεγερη названий одного племени; а разновидность формы с низким тоном было этническим самоназванием венгров. Русская «Повесть временных лет», черпающая данные из одного византийского источника X в., упоминает их по поводу ранних византийских христианских миссий, под славянским названием Ugri (оугри), «которые себя называют Magere (магеръ) жителей Паннонии (Пеони)».[63]

В историко-лингвистическом плане реконструируемый очень древний первый член названия (* mant's), вышедший из финно-угорского языкового единства после конца III тысячелетия до н.э., был общим названием угорской народной группы. Это до наших времен сохранилось в собственном этнониме вогул, т.е. манси (ma'nśi), да еще в одном из названий двух экзогамных фратрий (mōś) остяков (ханты). Слово по своему исконному значению («человек») - название, относится к характерному «этноцентрическому» типу образования этнонимов.[64] При точно таком же подходе зародилось расширение названия с финно-угорским словом *er, имеющего также значение «мужчина, человек», после того, как значение названия - параллельно смене исконного названия на древне-венгерскую

форму (ʼnś>dž) - уже потускнело. Следовательно, новое название, по современным понятиям, означало что-то вроде: «угорский человек»; формирование названия отражало выделение ранне-венгерского общества из угорской общности, происшедшее на протяжении I тыс. до н.э, другими словами, означало начало его самостоятельного этнического бытия.[65] Но, вопреки этому, на вопрос, какая же группа скрывается за историко-лингвистической категорией «раннее венгерство» в этносоциологическом смысле, ничего определенного, обнадеживающего сказать нельзя. Очень туманна также историческая связь между появляющимся ок. 870 г. этнонимом и названием племени megyer, кроме того, что, конечно, какая-то связь существовала, поскольку речь идет, вероятно, о чрезвычайно древних диалектных вариантах одного и того же названия.[66]

Более конкретна с точки зрения этно-социологической структуры расширенная форма этнонима - Hétmagyar (досл. «7 венгров»), которая сохранилась средневековой венгерской традицией.[67] Параллели этого типа этнонимов хорошо известны у тюркских племенных союзов, в первую очередь, из орхонских надписей VIII в. В названиях Üč-oguz «Три огуза», а также Alti-, Sekiz-, Tokuz-oguz «Шесть», «Восемь», «Девять-огузов», Tokuz- и On-ujgur «Девять»-, «Десять-уйгур», в названии западных тюрков on-ok «Десять-стрел», т.е. племен и в многочисленных подобных самоназваниях, число означает количество племен, изменение чисел означает момент реорганизации племен, что нередко бывало при формировании кочевой власти.[68] Сюда относится и рассматриваемое ниже название On-ogur «Десять огур», участниками племенного союза которых одно время были, по всей вероятности, и ранние венгры. Момент «тюркской»[69] народной организации в случае венгров сохранило еще повествование императора Константина (гл. 39). Согласно этому повествованию, во время разгоревшейся внутренней войны в хазарской империи три побежденных, восставших племени перешли на сторону венгров, которые назвали «их просто кабарами (κάβάροί, читай: kavari)» и, организо-

вав в одно племя, присоединили «восставших» (таково значение тюркского слова) к своему народу. Событие может датироваться, пожалуй, еще до 830-х гг., но не позднее ок. 860 г.[70] Вместе с восставшими венгерский народ сформировался в восемь племен; говоря о настоящем, так повествует об этом и император («эти восемь племен тюрков...», гл. 40). Однако, до присоединения кабар венгры представили собой формирование из семи племен: обращаясь к древнему прошлому, так описывает их историю предыдущая глава («давно... они состояли из семи племен...» гл. 38). Отблеском памяти об этой системе племен до 830-860 гг. стало название Hétmagyar (7-венгров), сохраненное традицией.

«Восставшие», искусственно организованные в одно племя, - скорее всего, остатки трех племен, нежели целые племена - в этническом отношении воплощали собой смесь, как и население самой хазарской империи. Кроме различных остатков тюркских племен, народ кабаров сформировали также незначительное иранские элементы, группы Кализ (хорезмы) и алан (ослар), исповедовавших ислам; их потомки выявляются до XIII в. в христианской Венгрии.[71] По принципам организации кочевых государств, новопримкнувшим народностям - чужакам выпадала роль военного народа-помощника. В военных походах они представляли передовые части («в войну они шли впереди», гл. 39), поэтому считались «первым» племенем (гл. 40). Так становится понятным, что внешний наблюдатель, например, при битве вблизи Вены в 881 г. видел, будто бы сражался тогда «народ» (Cowari), независимый от венгров.[72] Вероятно, большая часть конной армии, насчитывавшей 20.000 человек, во главе которой ок. 870 г., по арабо-персидским сведениям, стоял военачальник венгров (Gyula), состояла из кабар. Завоевание самого Карпатского бассейна произошло в результате двух военных операций. Арпад, носивший титул (gyula), предок древней христианской династии во главе кабарских полчищ с северо-востока через Верецкий перевал перешел Карпаты, в то время как венгерские племена через Трансильва-

нию продвинулся внутрь Карпатского бассейна. Император Константин, хотя и ясно описал вышеупомянутое организационное объединение, кабарам - как отдельному «народу» (ἔθνος) он посвятил целую главу. Память об этом племени сохранил фрагмент, отмеченный ок. 1200 г. магистром П. - о народности хазар, поселившихся на территории, граничащей с Трансильванией (gentes qui dicuntur Cozar). Это естественно, ведь закон короля Кальмана венгерских мусульман, в которых большей частью и следует усматривать потомков кабар с иранским этносом, еще ок. 1100 г. противопоставлял в качестве особого народа (de gente sua) своему народу (gens nostra).[73]

Следовательно, внутри племенной системы и военной организации народного формирования под названием magyar в IX-X вв. ясно вырисовывается организационный принцип, который одновременно означал и этнический водораздел. То, что это действительно было так, делает несомненным тот способ, по которому в тексте императора Константина выделяется наиболее главный признак, а именно - язык. Кабары, читается в тексте, «научили этих тюрков (венгров) языку хазар, и до сих пор употребляют этот язык, но знают и другой язык тюрков (венгерский язык)» (гл. 39).[74] Из этого, во-первых, выясняется затрагиваемый ниже факт, что у венгров еще в середине X в. необходимо учитывать определенный билингвизм; во-вторых, однако, своеобразное объяснение («выученный» у кабар язык) знания тюркского языка, проявляющееся в известных слоях венгерского общества, однозначно показывает нормативное языковое состояние - народ семи племен говорил по-венгерски. Акцентируем эту формулировку потому, что император в этом месте, очевидно, передал слова своих венгерских информаторов.[75] В действительности, «язык хазар» не какая-то в недалеком прошлом усвоенная идиома, а результат многовековой интенсивной тюркской языковой и этнической инфильтрации,[76] память о которой уже настолько потускнела, что живущие еще кое-где тюркские диалекты - очевидно, как язык

определенного слоя общества, как «жаргоны» - были объяснены примерно 100-летним симбиозом с кабарами.

Следовательно, единство народа Hétmagyar, в понимании императора Константина в середине X в. для тех, кто это единство считал «мы»-группой, могло быть воспринято в качестве языковой идентификации, даже если это и не было исключительным. Это подтверждает и история языка, поскольку в старо-венгерских языковых фрагментах, возникающих после 1000 г., а затем, с XIII-XIV вв. во все умножающихся языковых памятниках, нет и следов таких значительных диалектных различий, которые могли бы быть увязаны с тогдашней племенной расчлененностью.[77]

Относящиеся сюда результаты археологии также свидетельствуют о высокой этнической однородности. Материалы захоронений венгров, занявших Карпатский бассейн, несколько расчленены в социальном отношении, однако сами носители их настолько же едины по системе обычаев и форме языка. Около 30-и типов предметов бедного материала ювелирных украшений из так называемых «простолюдинов» кладбищ, по сути дела, не что иное, как чрезвычайно упрощенные разновидности богатых находок, вскрытых в одиночных могилах или крупно-семейных кладбищах знатных людей. Да и в горизонтальном сечении ярко проявляется гомогенный характер этого археологического наследия: даже если и проявляются такие особенности, за которыми скрываются, возможно, племенные черты, четко разграничить их, выделить и увязать с племенами до сих пор пока не удалось. Как стилистические признаки изготовления металлических изделий южно-русской степной территории, связанные с венграми (исчезающие после 900 г.), в которых ирано-сасанидские, тюрко-хазарские, более того, некоторые византийские мотивы растворяются в виде своеобразно уникального, ярко выраженного «этнического» сплава, сформировались самое позднее, в третьей четверти IX в., так, как правило, венгерский материал находок X в., собранный в районе Карпатского бассейна, относя сюда и массо-

вые кладбища, показывает самое тесное родство с материалом так называемой салтовской археологической культуры, процветавшей в VIII-IX вв. на территории Дона и Донца.[78] Общеизвестно значение похоронных обрядов в картине мира и этнических традициях, демонстративная этническая определительная роль предметов, выражающая известный престиж (оружие, конская упряжь, ювелирные изделия, пластины сумок - исконно характерные особенно для венгров) и роль одежды (в находках, особенно, пояс), но наряду с языковым фактором нельзя недооценивать значения арехеологического наследия как ансамбля мотивов, отражающего взаимосвязанное единство (lingua et mores) «обычаев».

Как по данным истории языка, так и по археологическому материалу бросается в глаза неопределенный и расплывчатый характер признаков племенной расчлененности. Это обстоятельство находится в резонансе с полным отсутствием традиций племен после рубежа двух тысячелетий. Средневековая хроникальная литература кроме опустошительного мотива завоевания родины septum duces, ничего не знает о тогдашних племенах, не упоминает ни одного названия племени. Названия венгерских племен мы знаем лишь, во-первых, из точного списка императора Константина Багрянородного,[79] а во-вторых, из грамот по истории поселения около 300 средневековых деревень, разбросанных по территории страны.[80] Но и последние сохраняют не память «мест лагерей племен",[81] а отражают распад племенной системы, начавшийся, очевидно, уже во второй половине X в.[82] На ранний распад племен указывает то, что сохранилось лишь несколько личных имен, образованных от названий племен или названий средневековых родов, но в этническом материале не осталось ни следа от персонифицированного heros eponymos ни из одного названия племени, хотя для древних венгерских сказаний, сохранившихся в хрониках, характерны былинные герои, названные на основе этнонимов.[83]

Разрыв традиций племен лишь отчасти объясняется тем, что печенежские набеги (893, 895 гг.), вероятно, уже в южной Руси ослабили систему венгерских племен, как это подтверждает и отрывок из произведения императора Константина, что в середине X в. «они не покорялись собственным вождям»; только во время войны они составляли военное единство (гл. 40). Причина скрыта более глубоко. У кочевников с тюркской организацией племя, как правило, это не «органическое» или «этническое» образование, а результат искусственной военно-политической организации. Это у венгров непосредственно показывает название одного племени Kürtgyarmat, которое возникло из искусственного объединения двух племен - Kürt и Gyarmat, позднее проявляющихся в топонимах по отдельности. И оно возникло в очень древнюю эпоху, потому что часть названия последнего Yurmati отмечается в Magna Hungaria, на территории между Волгой и Камой.[84] Возникновение народа Hétmagyar - когда-то в период до IX в. - мы должны представить по аналогии с событиями, когда после того, как впервые пошатнулась власть западных тюрков (603 г.), ок. 635 года вновь наступило «распределение» народа, которое известно уже из письменных источников. Западных тюрков разделили на десять племен, каждый вождь племени в качестве символа власти получил стрелу; начиная с этого времени, их назвали народом On-ok bodun – «Народ десяти стрел». Небезынтересно также, что большинство известных названий вождей (651 г.) имеют не тюркское происхождение, а происходят из неизвестного, отчасти, вероятно, иранского языка.[85] Из того факта, что среди названий семи венгерских племен пять названий имеют тюркское происхождение, нельзя заключить всеобъемлющие этнические выводы, потому что военная свита, обеспечивающая систему власти племен (тюркск. buyruq старо-венгерский слой крепостных) и «народ» племен в этой структуре не обязательно идентичны.

Данные X в. с разных сторон показывают, что за народом, называющим себя венграми, скрывались этнические нити,

простирающиеся в эпоху племенной расчлененности. А само название Hétmagyar (7 венгров) формирование этого единства датирует эпохой до IX в. Если название madžer>magyar означало бы просто политические связи, тогда традиция, наверное, сохранила бы этноним Nyolcmagyar (8 венгров). Но помимо истории языка и археологии на этническое единство из христианского средневековья указывают и данные истории понятий. В свое время мы увидим, что ок. 1100 г. неожиданно чисто встречается этническое понятие genus Hungarorum - синоним (homines) Hungaricae linguae at nationis - причем в тексте законов, который резко противопоставляется, в основном, «ненациональному» пониманию сущности «народа» (gens, populus) позиции, не признающей этнические категории[86] христианской латинской литературы Венгрии XI-XII вв. Исключено, что «этнический» метод подхода мог возникнуть в такой общественной, политической и идеологической среде, которая игнорировала само это явление; вероятным образом, потухшие остатки одной такой структуры, в которой традиции, передаваемая на общем языке, и вера в общее происхождение каким-то образом «вписывались» в общественно-политический организм. Вероятно, это каким-то образом взаимодействует с той устной традицией, остатки которой время от времени, фрагментарно проникали в письменность, расцветшую после рубежа двух тысячелетий.

Наконец, но не в последнюю очередь, нельзя упустить из виду одно существенное историческое обстоятельство в отношении этнического состава венгерского народа, занявшего Карпатский бассейн. Результаты исследования истории и археологии единодушно свидетельствуют о том, что венгры в течение X-XI вв., самое позднее, к XII в., ассимилировали население Карпатского бассейна (в основном, славян), и не только на тогдашней территории Паннонии и Альфёльда, но, и далее - через долины рек, до лесной зоны. Новые археологические исследования показывают ассимиляцию по материальной культуре и вкусам (следовательно, и этническую ассимиляцию)

венгерского и славянского населения к XI в. уже на очень продвинутом этапе.[87] Этим самым на тогдашней территории Паннонии и Мезии формируется беспримерная ситуация. Венгры были единственным степным народом, пришедшим на Запад, начиная с IV в. в течение тысячелетия, который не диссимилировался, а ассимилировал, сохранив раз и навсегда политическую и этническую идентичность, став частью европейской истории. Исчезли с арены истории не только гунны, но и непосредственные предшественники венгров - авары. Более близкая аналогия венгров в определенном смысле - судьба болгарских тюрков (протоболгар), так как они, пройдя рядом с венграми вдоль побережья Черного моря, поселились затем в бассейне Нижнего Дуная (680 г.) и в течение трех столетий слились с покорившей их славянской народностью. А вероятные остатки авар, так же, как и последние остатки степного потока XI-XIII вв., - печенеги, узы и половцы - уже в рамках христианского венгерского королевства ассимилировались с венграми. Разгадку исторического ребуса венгерские исследователи ищут в том структурном различии, которое отличало венгерское общество как от авар, так и от тюркского народа болгар, которые в качестве кочевого военного правящего пласта «наслоились» на общества, культивировавших земледелие.

Проведенные в последние десятилетия[88] раскопки рядовых кладбищ, где было захоронено многочисленное сельское население X в., подтвердили раннее предположение,[89] согласно которому «обретший родину» «венгерский народ» не идентичен тем, чьи бренные останки сохранили малосемейные могилы военной свиты, таившие в себе остатки одежды, окованные серебром, декоративные сабли и конские упряжи; одиночные могилы с богатыми надгробными камнями. Этот народ не принадлежал даже к свободному среднему слою, который хоронили на «малосемейных» кладбищах. Этот народ вместе с массовым служилым слоем образовывал единство. Всё это вместе с «полукочевым» образом жизни и другими упомянутыми элементами общественно-политической структуры[90]

венгров, принесенными из южной Руси, делает очевидным, что это общество не просто «надстроилось над» покоренными, а в некотором смысле - послойно - расчленилось среди них. Но само по себе даже и это обстоятельство не явилось бы удовлетворительным объяснением ассимиляции, в направлении, противоположном аварам и протоболгарам, если бы вышеуказанные структурные предпосылки не сопровождались бы фактором относительной этнической гомогенности. Здесь скрывается социальное измерение круга проблем.

***

Однако, при исследовании этнического сознания следует принять во внимание и исторический аспект проблемы. Здесь можно пренебречь древним прошлым венгерского этногенеза, так как этносоциологический аспект более чем тысячелетнего процесса в доисторическое время покрыт мраком, а реконструкция его безнадежна и обречена на провал.[91] Однако, и в понятии «доисторическое время» скрывается некоторая неопределенность. Проблема состоит в том, что хотя венгерский этноним, как мы видели, с несомненной достоверностью известен лишь с конца IX в., предки венгерского народа уже после того, как покинули территорию, простиравшуюся с юго-востоку от места впадения Камы в Волгу, и одной волной «переселения народов» прибились к северо-восточному побережью Черного моря, столетиями были связаны узами переселения, но таким образом, что они не были доминирующими, а главное, дающими название элементами политических организаций, в которые они входили. В этой области terminus post quem - вторая половина V в. К этому добавляется уже упомянутое отсутствие непрерывности в сведениях византийских источников VII- VIII вв., а также то, что вторая высокая культура, в круг интересов которой попала данная территория, - мир Ислама - открыла Восточную Европу лишь в последней трети IX в. Старая и правомерная гипотеза заключается в том, что предки венгров в течение столетий скрывались под другим

названием народа, но для надежной идентификации не хватало опорных точек. Наряду с этим, к природе «высоких, мировых» культур относится то, что народов редко называют своим этническим названием; чем лучше знакомятся с ними, тем чаще их упоминают под определенным, исторически сформировавшимся «ученым» названием.

Характерным примером служит византийская хроника под названием «Продолжение Георгия мниха» (Georgius monachus continuatus), возникшая в 60-х гг. X в. (вероятно, произведение Симеона Логофета - Symeon Logothetes), которая в нескольких местах, исключая уже всякие сомнения, повествует о венграх, об их войнах, известных отчасти и из других источников (836/838, 894/896 гг.), но один и тот же народ называет сначала Ungri (Οὔγγροι), затем дважды - Unni, т.е. "гунн" (Οὖννοι) и дважды - Turci, (Τοῦρκοι).[92] Следовательно, не исключено поэтому, что, например, в византийских источниках, к востоку от Азовского моря, за часто упоминавшимися в VI в. «гуннами» могли скрываться временами и венгры, поскольку рассматриваемые ниже исторические обстоятельства, в принципе не исключают этого,[93] и название венгров «гунн» нередко вплоть до XIII в. в свете сознательных «архаизирующих» стремлений византийской литературы[94] не исключает возможности, что речь идет о сохранении старых традиций. Определенности в этом вопросе нет точно так же, как в том, что, например, относился название «тюрк» (T''urk'k') к ранним венграм в сведениях армянского Моисея Хоренскаго, касающихся этой территории, к событиям VI в. или же нет.[95]

Отправляясь в обратном направлении из более определенного к менее определенному, факт, что с самого начала X в., с упомянутого письма Arethas (902 г.) название «тюрк» относится к венграм и в данной географической области - только к венграм. Лев Мудрый и император Константин не употребляли другого названия в отношении венгров, более того, вплоть до XII в. - местами и позже - в византийской империи официальное название Венгрии было Тюркия

(Τουρκία).[96] Обычай этот настолько переняла и исламская культура, что уже по сведениям джайханской группы источников народ madžger был «разновидностью тюрок», вторая группа арабских источников X в., как увидим ниже, венгров уже прямо называет «турками», заменяя их этническое название другим. В словоупотреблении ярко было выражено заимствование традиций правящего характера, ведь в языке Византии «тюрк» раньше, как правило, было названием хазар, которые получили это название от западных тюрков после VII в. (небезосновательно, так как они отделились от империи); точно такой же путь прошло заимствование названия венгров, которые отделились от хазарской империи в начале IX в. На новые последствия одно время реагировало и византийское словоупотребление. Если уже Феофан (†817) называл хазар «восточными тюрками», то это логически предполагает наличие народа «западных тюрков», который не мог быть ничем иным, как венграми, жившими к западу от Дона. Потом у Николая Мистика (Nikolaes Mystikos, 924/925 г.) опять встречается относящееся к венграм название «западных тюрков».[97] Для различения позднее не было необходимости, так как после распада хазарской империи (965 г.) на северном пограничном горизонте Византии остался единственный «тюркский» народ - венгры. Но это название венгры никогда не употребляли для самоназвания.

Но «тюрк» и в Византии было, скорее, официальным и ученым употреблением названия. Церковный язык и, вероятно, греческое просторечие упоминали венгров, скорее, как в форме Ungri (Ουγγροι). Это проявляется уже в начале X в. в отрывке хроники Chronicon de Papis, а потом в биографии Basileios (†944) и в других источниках, и в форме пояснений («Ungri, названные от Turki»).[98] Конечным источником названия является тюркск. onogur - как мы видели - самоназывание племенного союза «Десять-огур», которое уже в болгаро-тюркск. приняло форму *ongur...

Литература

ÁUO - Árpádkori új okmánytár. I-XII. Közzéteszi Wenzel G. Budapest 1860-1874.

Beumann H. Die Bedeutung des Kaisertums für die Entstehung der deutschen Nation im Spiegel der Bezeichnungen von Reich und Herrscher: Aspekte der Nationalbildung im Mittelalter. Hrsg. v. H. Beumann und Schrödae. Sigmaringen, 1978, 317-365.

Borst A. Der Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. I-IV. Stuttgart, 1957-1963.

Czeglédy K., MŐT = Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest, 1985 (Исследования по древней венгерской истории. Будапешт, 1985. Сборник статей на венгерском языке).

Ewig E. Volkstum und Volkbewusstsein im Frankenreich des 7. Jahrhunderts. Settimane di Spoleto V/2. Spoleto, 1958, 567-643.

Fodor I. Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest. 1982.

Gombos A. Catalogus Fontium Historiae Hungaricae. I-III. Budapest, 1937-1938.

Gyóni M. A magyar nyelv görög feljegyzéses szórványemlékei. Budapest, 1943.

Györffy Gy. Krónikáink és a magyar őstörténet. Budapest, 1948.

Györffy Gy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Budapest, 1958.

HO = Hazai Okmanytar. Szerk. Nagy I., Paur I., Ráth K., Véghely D. I-VIII. Győr-Budapest 1865-1891.

Hóman B. A magyar nép neve a középkori latinságban. Történeti Szemle 6 (1917), 129-158, 240-258.

Hóman B. A magyar hunhagyomány és hunmonda. Budapest, 1925.

Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986. (Тюркские связи венгерского языка в период до обретения родины и в эпоху Арпадов).

Löve H. Regino von Prum und das historische Weltbild der Karolingerzeit: RhVB 17 (1952), 151-179; Von Cassiodor zu Dante. Ausgew. Afsatze zur Geschiehtschreibung und Ideenwelt das MA (1973).

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Melich J. A honfoglaláskori Magyarország. Budapest, 1925-1929.

MGH = Monumenta Germaniae Historica

MHK - *Pauler Gy. - Szilágyi S.* A magyar honfoglalás kútfői. Budapest, 1900. (Источники обретения родины венграми).

Moravcsik Gy. Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai. Budapest, 1984. (Византийские источники венгерской истории эпохи Арпадов).

Moravcsik, Gy. BT = Byzantinoturcica. I-II. Berlin, 1958.

Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930.

RA - Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica. I-II/1. Szerk. Szentpéteri I. Budapest 1923-1943. II/2-3. Szerk. Szentpéteri I., Birsa I. Budapest 1961.

Sestan B. Stato e nazione nell' alto medioevo. Ricerche sulle origini nazionali in Francia, Italia, Gemiania. Napoli, 1952.

SRG Scriptore Rerum Germinicarum in usum scholarum.

SRH Scriptores Rerum Hungaricarum. Ed. E. Szentpétery. Budapest, 1937.

SzÖM = Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba. Szerk.: Hajdú P., Kristó Gy.,

Róna-Tas A. I:1, I:2, II-IV. Budapest, 1976-1982. (Введение в источники исследования древней венгерской истории. Ред.: Хайду П., Кришто Д., Рона-Таш А.).

TESz - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I-III. Szerk. Benkő L., Kiss L., Papp L. Budapest 1967-1976.

Walser G. Rom. das Reich und die fremden Völker in der Geschichtsschreibung der früheren Kaiserzeit. Basel, 1951.

---

[1] SRG (in usum scholarum). Ed. Fr. Kurze, Hannoverae, 131-132; Gombos III. 2038-2039. Именная форма Hungares, стоящая в необычной форме мн. ч. (см. также в 901 г. там же), так же, как и Avares, Vulgares (Bulgares), характерна для Регино, в противоположность более общим формам в X в. Ungri, Ungari (а также форма с неорганическим h в начале слова, в романском языке на территории к западу от Рейна) (Обзор источников Hóman 1917, 139-150). Данная форма, конечно связано с новизной нового этнонима, его недостаточной терминологической кристаллизацией. Между прочим, в рукописях XI в. находим уже gens Ungariorum, Hungariorum (О происхождении латинского названия венгров см. ниже).

[2] В итоговом рассказе Регино уже знает не только о завоевании Альфёльда и нападении на болгарские концы (пределы) Vulgarum fines (895 г.), но повествование заканчивает ссылкой на первый итальянский, грабительский военный поход (899/900 г.) (Kurze, 131). Поскольку об этом же самом военном походе можно прочитать более обширное анналистическое свиде-

тельство от 901 г. (Kurze, 148), становится очевидным, что итоговое свидетельство возникло в 900 г. Другой вопрос, почему его автор приурочил его к 889 г.? Историки этот год до последних времен аксиоматично связывало с нападением печенегов; для которого это данное является единственным хронологическим опорным пунктом. Это последнее справедливо поставил под сомнение *Györffy Gy.* Sur la question de l'établissement des Petchénegues en Europe: Acta Orientalia Hung. 25 (1972), 283-292; Он же. К вопросу о европейском завоевании родины печенегами. Történelmi Szemle 14 (1971) 281-288. 889-й год остается загадкой, но с нашей точки зрения это не существенно.

[3] Свидетельство реймсского архиепископа Хинкмара (Hinkmar) в Бертинских Анналах: Annales Bertiniani ad. a. 862 (MGS I, 458; Gombos I, III; SzÖM I:2, 179). Хотя по поводу хронологической достоверности свидетельства выразил свои сомнения Flórian Mátyás (Akad. Ért. 9 (1989), 383-386), его аргументация все же неубедительна, поэтому это свидетельство вновь считают достоверным. Этот год, как первое появление венгров, см., напр., Johannea Enenkel ad a. 862 Г.: in dem selben Jahr wurden in der Kristenheit Hunger erkant (MGS Ling. III, 540; Gombos II, 1320).

[4] Annales Iuvavenses maximi ad a. 881 (MGS XXX/2, 742); Annales Fuldenses Continuatio Ratisbonensis ad 892, 894 (MGS I, 408-410; Gombos I, 1321). О набегах-военных походах против Запада в целом см. *Szabolcs Vajay* Der Eintritt der ungarischen Stämmebundes in die europäische Geschichte (862—933). Mainz,1968; *Fasoli G.* Le incursioni unghare in Europe nel secolo X. Firenze,1945.

[5] MG Auct. Ant.XI. Chron. min. Berolini 1894, 311-322. Первоначальным отрывком было произведение Historiae Philippicae, написанное Юстином Помпеем Трогом (Pompeus Trogus Iustinus), современником Ливия (Livius). В конечном результате отрывок (Epitoma historiarum Philippicarum Pompeii Trogi) был источником средневековых представлений о Скифии. (SzÖM 1:2, I 167).

[6] К тому же довольно неорганичной, так как в Истории лангобардов (Historia Langobardorum (I, I) Павла Диакона (Paulus Diaconus), в отношении Германии (Germania) явно говорилось о благоприятном влиянии северного пояса на физические способности этого народа и «прирост населения». Все это основывается на этимологической идее germinare. Об отношении климата и «народного характера» см. *Hertz Fr.* Die allgemeinen Theorien vom Nationalcharakter // Archiv für Sozialwiasenschaft und Sozialpolitik 54 (1925), 1-35.

[7] Для эпохи вслед за «Гетикой» Иордана (Getica Jordanes) готы были первыми "скифами".

[8] Annales Mettenses /Gombos I, 156-158/; Annales Admintenses /Gombos I, 89/; Annales Altahenses /Gombos I, 91-93/; Otto Frisingensis /Gombos III, 1762/; Annalista Saxo /Gombos I, 216/.

[9] Под 892-ым г. встречается еще Ungari, но уже в свидетельствах за 894, 896, 900 гг. употреблена вышеуказанная формула; в 896 г. - gentiles Avari (MGS I, 408, 410, 411, 412, 415; Gombos I, 132-133). О прочих идентификациях с аварами см. Hóman 1917.

[10] В одном из житий (Vita S. Geminiani episcopi), возникшем до 910 г., как раз наоборот, чем в истории IV в. под именем Ungari выступают гунны, и как чудотворство святого (348), освободившего церковь, упоминает Ungarorum rege Attila. Это показывает укорененность представлений об отождествлении гуннов и венгров (Muratori SS Italic. II. 2692; Gombos III, 4919). Лиудпранд (Liudprand) в Antapodosis не описывает названия гуннов, но посредством того, что в связи с первым немецким грабительским военным походом венгров (Ungarorum gens, mobis omnibus tunc temporis habebatur ignota) (II, 3) из «Гетики» Иордана цитирует один отрывок о происхождении гуннов, делает это очевидным. (MGS III. 276, 278; Gombos II, 1469-74). Немецкие летописи (Annales Alamannici) встречающееся в цитированном свидетельстве архиепископа Гинкмара о военном походе 862 г. название Ungari, отнесят к 863 г. и передают его в форме Gens Hunnorum (ср. сноску 3; MGS I, 50; Gombos I, 91).

[11] Относящиеся сюда данные собрал Имре Лукинич (Lukinich Imre): Az avargörög háborúk történetéhez: Történemi Szemle (1914) 49. Обзор этих этнонимов. *Moór E.* Die Benennungen der Ungarn in den Quellen des IX. und X. Jahrhunderts // UAJb 31 (1959), 191-299.

[12] SRG /in usum schol./ P. Hirsch. Hannoverae 1935, 28; Gombos III, 2660-64.

[13] Различные идентификации большей частью учел Hóman 1917, 131, 148. Идею о агарянах (Agareni), которая впервые появилась в 926 г., а позже и в других источниках (напр., в повествованиях 892-955 гг. Annales Sangallenses maiores. MGS. I. 72-79; I, 199), позднее автор Casus Sancti Galli, Ekkehard, отверг как глупость (MGS II, 119). SzÖM I:2, 172; Gombos I, 452. Предположение X в., по которому венгры - остатки евреев, высланных из Рима во время голода в период правления императора Клавдия, с тем нигде более не встречающимся дополнением, что и сами венгры евреи (Ungros... qui et iact ant. se a Iudeis originem ducere) (Hariger abbas Lobiensis MGS VII, 171; Gombos II, 1122). Это была, собственно говоря, побочная ветвь распространившейся уже ок. 900 г. «этимологизирующей» идеи, согласно которой название венгров Hungri связано с древнегерм. словом hungar 'голод'. С этими кривотолками, точно так же, как с распространившимся мотивом Гога и Магога, говорящем о конце света (opinio pem quae

innumeros tam in vestra, quam in nostra regione pervasit) мы встречаемся уже ок. 900 г. в письме монаха Remigis d'Auxere к вердунскому епископу Dado. Со времени Иосифа Флавия был обычай скифов и евреев, по преданиям, связивать с Гогом и Магогом, закрытых за Каспийскими воротами Александром Македонским. Использование этого предания отозвалось эхом в письме Remigius d'Auxere (841-908) к епископу Вердуна (Migne, Patr. Lat. CXXXI, 693-970; Gombos II, 1234-1238; *Heilig, K. J.* Der Brief des Remigius von Auxerre um 900 über die Ungarn // Ежегодник Венгерского Исторического Института в г. Вене. 3 (1933), 7-30; Borst II, 58.

[14] Новейший обзор всего круга вопросов см. Györffy 1948, 129-131.

[15] В принципе, нельзя исключить, что венгры принесли с собой какую-то гуннскую традицию, в той мере, в какой венгры были частью кратковременной империи, сформировавшейся на побережье Черного моря после смерти Аттилы. Во всяком случае, у протоболгар, переселившиеся в середине VII в. рядом с венграми, в княжеском списке встречается традиция Аттилы. С другой стороны, однако, непрерывность традиции до XI-XIII вв. с уверенностью показать нельзя, более того, всё говорит против нее. Теория гуннского происхождения венгров на современном этапе исследования - это та же теория на основе гунно-венгерской идентификации, возведенной на Западе ок. 1280 г. на уровень аксиомы. Подробно см. ниже в связи с магистром P. и Simon de Kéza.

[16] Adam von Brehmen считал «скифами» датчан, шведов и норвежцев.

[17] Он (ср. выше сноску 1) четырежды называет венгров gens-ом.

[18] Вопреки этому для скудости информации характерно, что в то время, как отрывок Регино из Юстиния подробно выписывает «политические» конструкции относительно скифов (войны против Дария, Кира, Александра Македонского, римлян) нет ни одного, заслуживающего внимания, свидетельства о политической организации венгров; но и относительно образа жизни он лишь схематично повторяет читаемое у Юстиния (II, 2). Его современные важные сведения: 1. вооружение и метод ведения войны венгров, где свои данные он остроумно сопоставляет с вооружением и методом ведения войны бретонцев (Brittones), которых он знал лично; 2. отчасти верные, отчасти искаженные, сведения относительно питания венгров, где заслуживает внимания то, что при реальном сообщении (carnibus siquidem, út fama est, crudis vescuntur) более конкретно, чем характеристики, выделенные у Геродота; а мотив «питья крови» (sanguinem bibunt) позже ставший популярным - искаженное сведение об акте скрепления соглашения кровью у венгров; 3. внешний вид (острижение головы), к которому 4. сопутствует уже лишь схематическое «нравственное» осуждение. Интересно указать, как возвращается в 1237 г. стереотип, осуждающий «кочевой об-

раз жизни» (vivunt non hominum, sed beluarum more), когда венгерский монах Юлиан обнаружил местные венгерские народные группы на территории Волги - Камы: sicut bestie vivunt, terras non colunt, carnes equinas lupanis et et huiusmodi comedunt, lac equinum et sanguinem bibunt. SRH II, 540.

[19] *Mayer E.* Das antik Idealbild von den Naturvölkern die Nachrichten des Caesar und Tacitus // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 62 /1925/, 226-232; Walser 1951, 72-88.

[20] Löwe 1952, 151-179.

[21] SSRG /in usum schol./ Recogn. Fr. Kurze. Hannoverae 1890, Praefatio 20.

[22] Анализ понятийного исследования Регино в последнее время см. Beumann 1978, 350-352. Регино не только in Galliarum Germiniarque regnis, но и in orientalium regnis, transmarinis regionibus признавал правовую общность многообразия, в этом случае и церковный обычай (in consuetudinibus ecclesiasticis).

[23] На это оказала влияние и церковная организация, и церковная терминология. Ср. Beumann 1979, 339. О раннесредневековой концепции Европы: *Ullmann W.* A History of Political Thought. The Middle Ages. Harmondaworth, 1965, 70.

[24] С одной стороны ad. A. 842 (правильно 843) orientalia regna scilicet omnis Germania usque Rhenum, с другой стороны, ad. A. 876 Pannoniam Carantum quod corrupte Carantanum dicitur, более того, в это время уже чехи и моравы (MGH SRG Rec. Fr. Kurze, 75,112).

[25] Franci (occidentales), северо-галлийская провинция Neustria и Francia. Этому названию родственно в Регино уже и название Langobardi, которое обозначало уже скорее население Langobardia, как этнос тогдашних завоевателей, не говоря о дальнейшем элементе populus Italicus, как Romani или Spolitani. Вопрос анализировали в общих чертах: Ewig 1958, Sestan 1952.

[26] *Bader K. S.* Volk – Stamm – Territoriu // Historische Zeitschrift 176 (1953), 467; Beumann 1978, 318.

[27] В произведении Регино в единственном месте встречается Germani (ad a. 868 *Ludowicus christianissimus rex, qui germanis imperabat* (Kurze, 95) это, однако, пока едва ли означало более, чем один дериват *orientalia regna scilicet omis Rhenum.*

[28] К понятию *nationalites provinciales* см. *Lot F.* Formation de la nation francaise // Revue des deux mondes 1950 mai, 15 mai, 262-264; *Ewig E.* Beobachtung zur politisch-geographischen Terminologie des Fränkischen Grossreiche und der Teilreiche des 9. Jh. Spiegel der Geschichte // Festgabe für M. Braunbach. Münster/Westfalen 1964, 99-140.

[29] Чаще всего в силу германских военных походов-набегов, разорявших Запад, упоминание о норманнах Kurze 93, 105-110, 115, 117, 124, 130, 133. См. еще там же: 93, 131-133, 143, 148.

[30] Kurze 95. Характеристика венгров (там же 131) *gens ... ferocissima et omni belus crudelior*. (Gombos III, 2038).

[31] Напр., 860 г.: bella gerit adversus Sclavorum gentes, siguidem Marahensium regna ingressus. Kurze 78. Между прочим, ducatus, regnum, rex Behemensium, Marahensium (Там же. 112, 134, 143). Понятия «Богемия» или «Моравия» Регино не признает, несмотря на то, что территориальное соответствие западного «этнонима» (Austrasii - Austrasia, Baioarii - Baioaria и.т.д.) часто встречается в хрониках. Ср. еще: Carantani – Carantum, Carantanum (Там же, 112, 117, 132). Прочие западно-славянские племена: Abotriai, Lusiziani, Vucozui. Эти народы gentes, напр.. ad a. 882 cum Langobardis, Baioris, Alemannis, Thuringis, Saxonibus omnibus выступили против норманнов, а затем diximus ex diversis regnes et gentibus ... сформировал свой военный поход. Kurze 119.

[32] Kurze 132; Gombos III, 2039.

[33] Ср. Gombos, Index IУ, 73-75. Напр.. в связи с паломничеством 1054 г. Vita Lietberti episcopos Camaracensis: cultu, moribus et lingua barbaram (MGS XXX, 854. Gombos II, 2464). Еще у Otto von Freising, по сути дела, с аналогичным содержанием moribus aut lingua agrestis MGS XX, 368, Gombos III, 1767.

[34] *Musset L.* Les Invasions. Les vagues germaniques. Paris, 1965.

[35] Понятие «гентилизма» - результаты исследований систематично выражает (*Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Graz, 1961).

[36] Хроники, увековечившие появление венгров «из первых рук», как правило, сообщают полную «неизвестность» венгров, более того, чрезвычайно характерна формулировка Регино: gens ... retro ante seculis ideo inaudita, quia nec nominata (Kurze 131). См. Еще: Gombos III, 2, формулировку архиепископа Гинкмара (Gombos I, III) (сн. 3) и свидетельство Лиудпранда: Ungariorum gens ... nobis omnibus tunc temporis habebatur ignota. MGS III, 276; в письме ок. 900 г. Remi d'Auxere: Hungros, qui nunquam antea auditi sunt (Gombos II, 1200).

[37] MGS IУ, 312 (Gombos II, 1200), там же У111, 357. К подобной ошибочной идентификации: Borst 1957-63, II, 531, 539, 568, 573, 560. (Gombos II, 1201).

[38] MGS XXIII, 731-732; Gombos I, 23. 38.

[39] Кроме хроники Регино, важнейшее, что сохранили западные хроники относительно внутренних отношений венгров, их мира обычаев, а главное

- касательно способа ведения войны - несколько отрывков и легендарных фрагментов в Antapodosis Лиудпранда и сообщении Эккехарда (Ekkehard) Casus Sancti Galli (MGS II. 104), в письме от 900 г. зальцбургского архиепископа Титмара (Theotmar). Около 200 хроникальных и погодных упоминаний относительно военных походов-набегов X в. - отчасти заимствованные друг от друга - могут быть использованы с должной критикой, главным образом, в целях хронологизации набегов-походов-войн.

[40] В течение V -X вв. Херсонес, находящийся на Крымском полуострове, почти беспрерывно, временами и Босфорский пролив (в IX в. так называемая провинция «климата»), вместе с длинной прибрежной полосой до восточного побережья Черного моря - были частью восточно-римской империи.

[41] Оборона против напора Ислама, усугубленная внутренним кризисом, вызванным иконоборчеством, является наименее блестящей эпохой в истории византийской империи (Moravcsik BT I, 166). Переживание кризиса в Византии начинается с конца IX в., этот «первый ренессанс» касается даже и источников.

[42] Новейшее издание: Moravcsik 1984, 13. К этому ряду относятся письма Nikolaos Mysticos (924/925), Chronicon de Papis (до 928 г.) и прочие небольшие упоминания (там же, 24-27, 71-79). Литература вопроса: Moravcsik BT I, 226-227, 240-241, 465-456. О ранних византийско-венгерских связях коротко см. Moravcsik, Bizánc és a magyarság. Budapest 1953, 53.

[43] Moravcsik 1984, 14-23. Там же: La Tactique de Leon le Sage comme source historique hongroise // Acta Historica Hung. I (1952), 161-184; литература вопроса: BT I, 400-409.

[44] Константин Багрянородный. De Administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik - R.J.H. Jenkins. Washington, 1967. (DAI), ср. BT I, 356-390; Moravcsik 1984, 32-34.

[45] Moravcsik 1984, 52-62; BT I, 269-273; там же: Византийские хроники о венграх в период до обретения родины. Античные исследования 4 (1957), 275-288; там же: Sagen und Legenden über Kaiser Basileis I.: Dumbarton Oaks Papers 15 (1961), 59-126.

[46] Издание источников относительно венгров: МНК 150-196; французский период Ibn Rusta: *Wiet G.* Ibn Rusteh, Les atours précieux. Le Caire, 1965. 156-157. Ср.: *Minorsky V.* Hudūd al-'Ālam 'The Regions of the World. London 1937. *Reinaud M.* La géographie arabe // Introduction générale a la géographie des orientaux. Paris, 1949. Более новое издание Czeglédy: О предшественниках венгров и завоевателях родины. Ред. Györffy Gy. Budapest 1975, 86-89.

[47] *Beumann H.* Zur Entwicklung transpersonaler Staatsvorstellungen // Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen. Vorträge und Forschungen III. Lindau-Konstanz, 1956, 223.

[48] Wenskus 1961, 81.

[49] *Graus F.* Über die sog. germanische Treue // Historica 1 /1959/, 71-121; ср. : Deutsche und slawische Verfassungsgeschichte // Historische Zeitschrift 197 /1963/, 265-317; ср.: Herrschaft und Treue. Betrachtungen zur Lehre von der germanischen Kontinuität // Historica 12 /1966/, 5-44.

[50] О терминологических соответствиях см.: *Musset L.* Les invasions. Les vagues germaniques. Paris, 1965, 219-226; ср. Les invasions. Le second assant cøntra l'Europe chrétienne (VII-XI). Paris,1965.

[51] Его характеристика у германцев: Wenskus 1961, 46-54, 73-75.

[52] О подытоживании проблемы: *Györffy Gy.* Autour de l'État des semi-nomades: les cas de la Hongrie: Études Historiques Hongroises 1975. Budapest 1975 I, 221-237. Салтовская археологическая культура: VII-X веков: Cs. Bálint AOH 35 (1981), 397-412.

[53] Резюмировано: *Bartha A.* Hungarian Society in the 9th century. Budapest, 1975; там же: Восточная Европа 261-292, 503-52. *Györffy Gy.* Wirtschaft und Gesellschaft der Ungarn um die Jahrtausendwende. Budapest, 1983 (Studia Hist. Hung. 186).

[54] *Schlesinger W.* Über germanisches Heerkönigtum: Das Königtum (Vorträge und Forschungen III, Lindau-Konstanz, 1956, 105-141. - Проблема венгерского «кочевого» государства. Györffy 1958, 33-42, 584-595; там же: Die Rolle des buyruq in der alttürkischen Gesellschaft: AOH II (1960), 169-179; *Szűcs J.* König. Stephen in der Licht der modernen ungarischen Geschichtsschreibung // Südost Forschungen 31 (1972), 17-40.

[55] О хазарской империи в общих чертах Ligeti 1986, 353-360, 366-370. К рамкам проблемы: *Makkai L.* Les caracteres originaux de l'histoire economique et sociale de l'Europe orientale pendant le Moyen Age // Acta Hist. Hung 1970, 3-4.

[56] *Graus Fr.* Die Bildung eines Nationalbewusstsein im mittelalterlichen Böhmen (Die vorhussitische Zeit) // Historica 13 (1966), 5-48.

[57] Beumann 1956, 220.

[58] Gombos I, 341. К раннему венгерскому источнику Авентиния: Györffy 1948, 33.

[59] Beumann 1978, 317.

[60] Можно реконструировать из арабской формы al-maǧǧarīya, где -īya - арабский суффикс, а спирантный согласный g - также арабо-персидская особенность (Czeglédy MÖT 61). Реконструкция первого гласного в форме -a в расшифровке Czeglédy неоднозначна, однако, с точки зрения нашей темы

это не имеет значения. Текст Гардизи сохранил то географическое определение, согласно которому пограничная река венгров на Востоке Atil (Дон), на Западе Duba (Дунай). В венгерской традиции X в. название территории было Etelközü, то есть «междуречье» (Gyóni 1943, 21-23; Moravcsik BT II, 178; Czeglédy MÖT 42-44.

[61] В всемирной истории И.Малалы. Moravcsik 1984, 258-271, BT II, 192-193. Czeglédy скорее скептик и не принимает точку зрения в отношении взаимозависимости (MÖT 56-7, 60-61).

[62] У магистра П. ок. 1200 г. Hungarii ... in sua lingua propria Mogeri vocantur (SRH I, 33), но самая общая форма в грамотах (в формах топонимов и имен личных) 1121 Mogioroi: (Magyar Nyelv 29 (1933), 362), 1230: Mogior (RA 4607, 1239, 1240, 1256, 1268, 1279, 1284 и.т.д.: Mogor или Mogorey, Mogori (HO У11, 25, ÁUO II, 102; XI, 42, HO III, 14, 28, 31), где в конце слова суффикс топонима. Но форма встречается еще в ок. 1300 г., и даже спорадически позже; относящиеся к теме данные собрал Hóman 1917, 242-243. Изменение j gy проявляется уже ок. 900 г. в паре названия племени с высоким тоном (Μεγερη). *Babos E.* К древневенгерской ранней звуковой форме венгерского этнонима // Magyar Nyelv 53 (1957), 438-442; Ligeti 1986, 400. К изменению e>o>a Melich 1925-1929, 276-277.

[63] *Thallóczy L.* К вопросу истории древней веры в Венгрии // Századok 30 (1985), 200.

[64] *Zsirai M.* Происхождение этнонима «венгр» // Magyar Nyelv 53 (1951), 64-74 (с ранней литературой вопроса). См. также Czeglédy MÖT 56-63; Lotz J., К вопросу этимологии слова «magyar»: Magyar Nyelv 65 (1963), 385-389. Исконную корневую фонему слова *ma'nś теперь обычно сопоставляют со староиранским словом manus 'человек' (*Korenchy É.* Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972. S.13; *Harmatta J.* Иранцы, финно-угоры, иранцы и венгры // Исследования по венгерской древней истории. Ред. Bartha A., Czeglédy K., Róna-Tas A. Budapest, 1977. S.171). Ср. слова komi, mari, nenec со значением 'человек' (Németh 1930, 148).

[65] Вместо ранее предполагаемого тюркского слова är, также со значением «мужчина, человек» (TESz 1930, 247-249) с недавнего времени распространилось новое объяснение (Историко-этимологический словарь, I, 255-6, II, 816-7). Резюмирование венгерского этногенеза эпохи III-I тыс. с наиважнейшей археологической литературой по данной теме см. Fodor 1982, 117-182, 333-348.

[66] В уральских языках частоты пары слов такого типа, как ez~az, kever~kavar и.т.д. Сюда можно отнести вогульский этноним mansi и превогульскую его пару *mɛ'nś (Lotz цит. раб., 386, 388).

[67] У магистра П. - Hetumoger (SRH I, 33, 37, 39, 41 и т.д.) в хроникальной редакции XIV в. - het Mogor, Hetmogor (там же I, 294). Это название в Gesta XI в. - семь вождей, то есть «hétvezér» (septem duces) отчасти персонифицировалось, как видно из in gensis Ungarorum сообщения Рикардуса (Riccardus) от 1237 г. (SRH II, 535), отчасти переросло в мотив сказания о беженцах после аугсбургской битвы. Оба типа искажения сливаются в мотив septem Ungari в мировой хронике Альберикуса (Albericus) (MGS XXIII, 767). Ср. Hóman 1925, но в произведении магистра П., хотя название он упоминает, как правило, вместе с septem principales persone, в одном месте ясно, что употребление этнонима не полностью исказилось. В 35-ой и 36-ой главе речь идет об определенной вооруженной группе, посланной в качестве разведчиков, которая сильным дождем стрел атаковала противника, hoc cum vidissent Sclaui et Boemi ... quod ist iqui dicuntur Hetmoger, talibus uterentur armis, timuerunt valde ... (SRH I, 78). Персонификация этнонимов, как правило, свидетельствует о позднем формировании этой традиции.

[68] Németh 1930, 39-40; Györffy 1948, 98.

[69] Венгры в этническом отношении не были тюркским народом, но, по всей вероятности, этот народ ассимилировал много тюркских элементов до IX в. Однако, в этот период политическая организация венгров во многих отношениях имела тюркский характер.

[70] DAI 174-175, Moravcsik 1984, 46.

[71] О «кабарах» см. Györffy 1958, 60-87; *Göckenjan H.* Hilfsvölker und Grenzwächter im mittelalterlichen Ungarn. Wiesbaden, 1972. Вопрос освещает также Györffy Gy., Кабарский вопрос. 1983. XV/3, 20-28. В топониме Tárkány можно усматривать остатки болгаро-тюркского племени; это подтвердил археологическими доказательствами И. Фодор (Fodor 1982, 244-245).

[72] Annales Juvavenaes maximi ad a. 881: Primum bellum cum Vngaris ad Weniam. Secundus bellum cum Cowaris ad Culmite MGS XXX/2. 742.

[73] О военно-организационном порядке и географии обретения родины замечательно пишет Györffy 1948, 81-96; там же 1977, 129-130, 135, 143. Магистр П. SRH I, 49. Kálmán I. decr. c. 48, 48. Závodszky 189-190.

[74] DAI 174-175 Moravcsik 1984, 46. К названию венгров Τουρκοι, употреблявшемуся в Византии, и двуязычию венгерского правящего слоя вернемся позже.

[75] DAI 178-179) Moravcsik 1984, 49. Двумя информаторами императора Константина Багрянородного (которым мы обязаны основой сведений 38-40 глав) в отношении венгерского происхождения были правнук князя Арпада Termacsu (Tormás) и Bulcsu, носивший титул karcha, о которых импе-

ратор в конце всего повествования отмечает, что «на днях» (848 г.) они прибыли в Византию. Особую ценность нашему источнику придает тот факт, что часть описаний о чужеземных народах основывается на письменной фиксации устной информации, и ее император Константин отмечал очень точно, не внося изменений и не преодолевая их противоречий (Moravcsik BT I. 381).

[76] В действительности, в хазарской империи можно насчитать не один, а несколько тюркских диалектов, среди которых выделялся «болгаро-тюркский». Его запас слов уже давно вошел в венгерский язык. Резюмирование его в последнее время Ligeti 1986, 475-487.

[77] История языка - диалекты сформировались не на основе племен. См. *Bárczi G.* Древние венгерские диалекты. Budapest, 1947.

[78] Вопрос изготовления металлических изделий: *Fettich N.* (Изготовление металлических изделий, венграми, обретшими родину) // Arch. Hung. 21 (1937); там же: Леведийские венгры в археологическом освещении // Századok. 77 (1933), 250-276, 369-399; The Art of the Migration Period. University of Miami Pres Coral Gables, Florida, 1971. К вопросу о похоронных обрядах см. *Fodor I.* О некоторых древнеисторических вопросах архитектуры периода обретения родины // Fol. Arch. 24 (1973), 159-176; *Dienes I.* Об одном элементе угорской эпохи обычая погребения венгров, обретших родину // Археологическое исследование, 90 (1963), 102-112; там же: The Hungarians at the Time of the Conqust and their Ancient Beliefs // Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Ed. P. Hajdu. Budapest 1976.

[79] С современным произношением: Nyék, Megyer, Kürtgyarmat, Tarján, Jenő, Kér, Keszi. DAI 174-175. Moravcsik 1984, 46-47. Ср. Gyóni 1943, 40-41, 66-68, 70-72, 90-91, 96, 129.

[80] *Kniezsa I.* Народы Венгрии в XI веке // Альманах в память о св. Иштване. Budapest, 1938, II, 367-472. Новейшее издание: *Kristó Gy. - Makk F. - Szegfű L.* К вопросу о ранних венгерских топонимах. I. // Acta Univ. Szegediensis. Acta Historica 44. Szeged 1973, 32-38.

[81] Ок. 900 г. также, наверно, как описывает «Тактика» Льва Мудрого, венгры в мирное время разбрелись по «родам» (γένη) и племенам (φυλή), вели кочевой образ жизни (Moravcsik 1984, 19). Ценность сведения несколько ослабляется тем, что предложение - буквальная цитата из «Тактики» Маврикия, но и в отдельном тексте Льва Мудрого идет речь и венгерских племенах.

[82] Для материала топонимов характерно, что названия деревень, образованные от названия племен, любопытно проявляются «кучкой» ок. XI в. (не редко четыре, пять, даже шесть названий из известных семи, причем по соседству с ранними, вероятно, военными поселениями), как правило, во-

круг поместного центра. Вероятно, за явлением скрывается искусственное рассеивание элементов вооруженной свиты племен, их искусственное построение вокруг княжеских центров, которые в качестве усиления княжеской власти берут начало уже в последние десятилетия X в. (*Györffy Gy.* Названия топонимов, происходящих от названий племен // Лингвистические исследовании. Ред. Pais D. – Mikessy S. Budapest, 1960, 27-34).

[83] Németh 1930, 224-227; Dyörffy 1948, 97-124.

[84] Németh 1930, 250; Ligeti 1986, 375-379, 390-400.

[85] Ligeti 1986, 329.

[86] Декрет Кальмана ок. 1100 г.: *Zavodszky L.* Законы эпохи Св. Иштвана, св. Ласло и Кальмана и источники синодальных постановлений. Budapest, 1904, 193.

[87] Резюмирование вопросов истории поселения см. Kniezsa 1938.

[88] *Török Gy.* Die Bewohner von Halimba in 10. Und 11. Jahrhundert. Budapest, 1963; *Dienes I.* Un cimeére de Hongrois conquérants a Bashalom // Acta Arch. 7 (1956), 245-277; *Tocik A.* Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei // Arch. Slo. Cat. 3 (1968); *Mesterházy K.* Nemzetségi szervezés és az osztályviszonyok kialakulása a honfoglaló magyarságnál. Budapest, 1980.

[89] Kniezsa 1938.

[90] Ср. сноски 51-55.

[91] Из новейшей литературы по кругу вопросов: *Hajdú P.* Finno-Ugrian Languages and Peoples. London 1976; *Fodor I.* The Problem of tha Uralian and Finno-Ugrian Original Home // Folia Arch. 27 (1976), 149-170; *Erdelyi I.* Research on the Proto-Hungarian // New Hungarian Quarterly 28 (1977), № 68. 145-182 (с библиографией). Хорошее резюмирование вопроса у И. Фодора 1982, 115-182. Подытоживание новых результатов исследования этногенеза ранних венгров (а также ознакомление с относящимися сюда результатами советских исследований) см. *Veres P.* Lea antécédents da la conquete du pays par lea Hongrois // Studia Arch. 6 (1977), 283-308.

[92] Moravcsik 1984, 55-60; там же: Sagen und Legenden über Kaiser Basileis I. // Dumbortan Oaks Papers 15 (1961), 75.

[93] Moravcsik BT I, 58-65.

[94] *Moravcsik Gy.* Die archaisierenden Namen der Ungarn in Byzanz // Byzantiniache Zeitschrift 30 (1929/30), 247-253.

[95] Németh 1930, 175, 195; Marquart 1903, 57-58. Довод здесь таков, что «тюрки» упоминаются вместе с болгарами, но к болгарам относиться не может.

[96] Литературе по вопросу: Gyóni 1943, 136-138; Moravcsik BT II, 320-327. Поскольку древние тюрки после XI в. исчезли с горизонта Византии, а хазар называли так до IX в., название Τουρκοι в византийских источниках

употребляли в отношении так называемых тюрков Vardariot (народной группы, поселившейся по берегам реки Vardar), в географическом отношении не связанными с венграми, а также употребляли его при обозначении сельджуков и османских тюрков.

[97] Németh 1930, 201-202; Györffy 1958, 66; Moravcsik 1984, 25. Упомянутые здесь также «аланы» не что иное, как «кабарская» часть армии, воевавшая в авангарде венгров, которых Масуди упоминает также под названием алан, выступавших в авангарде венгров в походах-набегах против Византии в 934 г.

[98] Moravcsik 1984, 27, 28, 55, 83 и. т.д.; Moravcsik BT II, 225-227, 32; ср. Hóman 1918, 14-15.

К. Шандор

Некоторые графотактические расшифровки секейской и восточно-тюркской рунической письменности

Вопреки всем заслуживающим внимания попыткам многочисленных ученых, различные системы письменности памятников с руническими знаками, найденными в Восточной Европе, расшифровать пока не удалось. Среди этих систем имеется одна, которую мы достаточно хорошо знаем, так как ее использование, хотя и в искаженной форме, сохранилось до наших дней. Эта письменность называется секейской или венгерской (по-немецки: sekler).

Эту письменность, начиная с XIII в., во многих венгерских хрониках упоминают как специальную систему письма, вырезаемого на дереве, у секейцев - этнической группы, говорившей на венгерском языке. Из эпохи, предшествующей XVII в., сохранилось довольно мало памятников с этим типом письменности, наиболее древний датируется серединой XV в. Большинство древних памятников было найдено на секейской земле, и, по крайней мере, их автор был достоверно секейского происхождения. Этот факт и сообщения хроник указывают на то, что эта разновидность рунической письменности была известна исконно лишь секейцам. Хотя эта этническая группа и является частью венгров, по культуре во многих отношениях она отличается от культуры других частей венгерского народа. Все без исключения секейские рунические памятники были написаны на венгерском языке.

Большая часть наиболее древних памятников является надписями церковного характера, в которых обозначено, как правило, имя мастера, выполнившего реставрацию церкви, а иногда и год реставрации. Наиболее пространным памятником секейской рунической письменности является календарь, который может быть датирован второй половиной XV в.

Секейская руническая письменность (см. Таб. № I) распространилась в широких кругах с начала XVII в., после того, как вышла в свет книга Яноша Телегди (Janos Telegdi) «Элементы древнего языка гуннов». Произведение писалось в качестве «учебника», с целью ознакомления читателей с секейской рунической письменностью и ее популяризации. Этот период (начало XVII в.) приблизительно совпадает с прекращением «естественного» применения секейской рунической письменности; начиная с этого периода, эту письменность учили, в основном, как тайную письменность, или как курьёз.

По распространившейся издавна всеобщей точке зрения, секейцы являются оставшимися в Карпатском бассейне потомками гуннов, и от которых они и унаследовали свою письменность. По сравнению с научными взглядами XIX в. и предшествовавшего ему периода, большим прогрессом было то, что Геза Надь (Géza Nagy) в своем докладе соотнес секейскую рунику с восточно-тюркской рунической письменностью. Это произошло в 1890 г., когда восточно-тюркская руническая письменность еще не была расшифрована. Расшифровка Томсена подтвердила гипотезу венгерского ученого. Позже (1895 г.), он написал статью о происхождении секейской рунической письменности; в ней Г. Надь сделал попытку объяснить 17 букв секейского письма с помощью восточно-тюркской рунической письменности. Другой венгерский ученый Дьюла Немет (Gyula Németh), выступая против антинаучных теорий своих современников, а эти теории распространились в Венгрии в первые десятилетия нашего века, вызвал к жизни и развил теорию Г. Надя. Первоначально (1917-1920 гг.) Д. Немет

TABLE I

	Alphabets			Related by	
	Székely	Orkhon	Yenisei	G. Nagy	Németh
a					
b				• (b^3)	• (b^3)
c		–	–		
č					
d				• < t^1	• (d^2)
d'		–	–		
ä					
e		–			•
f		–	–		
g				• < k^2	• (g^2)
h		–	–		
i				•	•
y				• (y^2)	• < i
k				• < ik	• <ik
ak				• (k^1)	• (k^1)
l					
l'		–	–		
m					
n				• (n^1)	• (n^1)

	Alphabets			Related by	
	Székely	Orkhon	Yenisei	G. Nagy	Németh
n'			–		
ŋ	–				
o				•	
ö					
p				•	•
r				• (r^1)	• (r^1)
s				• (s^3)	• (s^3)
š				• < š	• ($š^2$)
t				• (t^3)	
t'		–	–	• < d^2	
u					
ü				•	•
v		–	–		
z					
ž		–	–	• < ž	• < $ž^1$
łt	–		–		
mb		–	–		• < Yen. <m>
nč	–				
nt					

принял идентификацию только 13-и букв секейского алфавита, позднее (1972 г.) этот список дополнился еще тремя буквами.

Выдающийся венгерский тюрколог Лайош Лигети (Lajos Ligeti) не разделял мнения Немета и Надя об отождествлении двух алфавитов, однако предположил восточно-тюркское происхождение еще одной буквы секейской руники (1925 г.). По его мнению, буква, обозначающая закрытую фонему **e**, может быть связана с соответствующей буквой енисейского алфавита.

Сопоставления указанных в таблице № I букв, за небольшим исключением, проблематичны, а, может быть, даже не возможны. Однако, в исследовании соотношения двух письменностей необходимо обратить внимание на то, что в последние десятилетия в Восточной Европе были обнаружены до сих пор неизвестные системы рунической письменности, и их существование сделало достоверным не прямую, опосредованную связь секейской и восточно-тюркской систем письма друг с другом. Звеном посредника между ними, вероятно, послужат системы восточно-европейских рунических письменностей. Необходимо принять во внимание также и то, что, прежде чем сопоставить набор знаков секейской и восточно-тюркской рунической письменности, необходимо выявить внутреннюю историю двух алфавитов, так как графическая система обоих алфавитов изменилась, прежде чем приняла известную нам форму. Хорошо известен тот, например, факт, что секейская руническая письменность имеет элементы глаголического происхождения и греческие элементы, заимствованные через посредство кириллицы (Hódoly I884; Németh 1917-20, 1934; Melich 1925; Király 1971a, 19716). Эти элементы рассмотрены в таблице № II. Кроме того, в секейской рунической письменности можно найти и такие буквы, которые были образованы из другой буквы для обозначения того или иного специфического венгерского звука (см. таблицу № III). Известная ныне система секейской рунической письменности не могла возникнуть ранее конца XIII в., так как современная система

TABLE II

Székely letters of Glagolic origin

	Székely	Glagolic
a		
e		
o		
f		
h		
i		

TABLE III

Letters designed from an already existed character

	<d'>	<	 <d>
	<n'>	<	<n>
	<y>	<	<i>

TABLE IV

Vowels written plene

1. long vowels and the ones in final position
2. (1+) *ő, ü, u*
3. (2+) *o, i*
4. (3+) *a*
5. every vowel

TABLE V

Letters for consonant combinations

	Székely	E. Turkic
ll	-	
mb		-
nč	-	
nt		

TABLE VI

Examples of tying letters (ligatures)

	ligature	components
/nc/		+
/lt/		+
/oo/		+
/la/		+

TABLE VII

The corresponding graphotactical features of the Székely and Eastern Turkic runic script

1. the type of writing (carved)
2. the way of writing (right to left)
3. similarities in plene writing of vowels
4. no letter duplication in signifying of geminates
5. in the names of consonants, the anaptyctic vowels are prefixed to the letters, when read

венгерских фонем, которая отражается в секейских рунических памятниках, сформировалась к этому времени.

Кроме незначительного числа буквенных соответствий восточно-тюркской и секейской рунических систем письма, кажущихся достоверными, в обеих системах имеется и графотактическое соответствие. В специальной литературе авторы, как правило, упоминают среди них одно-два, но акцент ставят в основном на буквенных соответствиях, однако, этот ряд соответствий систем вряд ли может быть случайным.

Хорошо известна литература, относящаяся к восточно-тюркской рунике (См.,напр., Текин 1968, Hovdhaugen I974, Кононов I960, Васильев 1983, Róna-Tas 1990), поэтому мы рассмотрим более подробно соответствующие черты только секейской рунической письменности. Между двумя письменностями, кроме очевидных и самих по себе малозначительных соответствий (обе письменности рунического типа; направление письма происходит справа налево), мы замечаем тождество и в способе разделения слов: в обеих системах оно осуществляется разделяющими слова точками (т.н. словоразделитель).

Сходство мы можем обнаружить и в правильности полного написания гласных. В известных до сих пор памятниках секейской письменности полного действующего правила уже не находим, но можем заключить таковое, главным образом, с помощью упомянутого пространного памятника, календаря XV в. Это следующее правило (см. таблицу № IV): в начале писали только долгие и стоящие в конце слова гласные; позднее - краткие лабиальные, за исключением <o>. Когда уже выписывали полностью краткие <o> и <i>, краткие <a> и <e> еще сохраняли свою необозначенность. Дольше всего сохранялась необозначенной <e> благодаря тому, что облегчающий произношение гласный в секейской письменности всегда подразумевали как e, и в его более позднюю эпоху уже считали частью буквы, ингерентной e.

В секейской рунической письменности точно так же, как и в восточно-тюркской рунической письменности, не уд-

ваивается знак согласного при написании деминальных согласных.

Судя по фрагментам алфавита, написанного манихейскими и руническими буквами (Le Coq, 1972, 532-537, XVII), в восточно-тюркской письменности во время произнесения, звук, облегчающий произношение гласного, всегда прочитывался перед буквой. При произношении звуков, обозначающих буквы секейской рунической письменности, мы следуем точно такому же правилу, с той лишь разницей, что в ней звук, облегчающий произношение, это всегда **e**, так как - в противоположность восточно-тюркской письменности - в секейской руническе не было передне-задней оппозиции между согласными графемами. Отсутствие этой оппозиции объясняется предположением, что эта особенность в восточно-тюркской рунической письменности не относится к наиболее древнему ее слою (Róna-Tas 1987).

Однако, секейский алфавит имеет один элемент, который, по мнению некоторых ученых, сохраняет память о том, что и в секейской рунической письменности был ряд палатально-велярных графем (напр., Németh 1934, 28; 1917-20, 26). Рядом с облегчающим произношение **e** читаемым <к>, который во всех фонетических позициях обозначает /к/, существовала и другая буква, обозначавшая исключительно звукосочетание <к>. Значение его - никогда не «заднеязычный <к>». Это указывает на то, что облегчающий произношение звук очень рано стал частью значения буквы. Этот знак действительно может быть остатком графемной оппозиции, отражающей фонемную оппозицию палатально-велярного <к>.

Графемная оппозиция исчезла, потому что в системе не было другой такой оппозиции. Но поскольку эта фонемная и графемная оппозиция в случае палатально-велярного звука <к> известна и в арамейской письменности, могущей быть воспринятой как конечный источник секейской рунической письменности, и в секейской рунической письменности нет никаких других доказательств того, что и эта система знала палатально-

велярную графемную оппозицию. Вышеназванную точку зрения мы не считаем обоснованной.

В секейской рунической письменности есть две буквы, которые обозначают сочетание согласных (см. таблицу № V), их взаимосвязь с буквами, обозначающими систему согласных алфавита восточно-тюркской письменности (если вообще таковая имеется) не ясна. В отношении формы буквы и звукового значения секейские буквы никоим образом не могут быть выведены из тюркских букв.

Секейская руническая письменность обладает такой особенностью, которая не характерна для восточно-тюркской рунической письменности: это частотная лигаляция (объединение) букв; однако, это лишь позже сформировавшаяся особенность секейской руники. Лигатуры исконно были самостоятельными изобретениями пишущего. Из этого можно заключить, что хотя лигатуры и встречаются во всех сохранившихся секейских алфавитах, но эти алфавиты никогда не содержат точно те же лигатуры, таким образом, только правило образования лигатур было частью секейской рунической письменности, сами же лигатуры — нет. При образовании лигатур для написания следующей буквы, вероятно, использовали все такие же линии предыдущей буквы, которые сделали возможным узнавание буквы: наверное, заменяли друг друга не только полностью тождественные линии, как это видно из таблицы № VI.

Подытоживая сказанное, мы можем установить, что секейскую письменность в силу исторических и историко-письменных аспектов нельзя непосредственно вывести из восточно-тюркской рунической письменности. В силу идентификации некоторых букв с <ë>, а главным образом, на основе графотактических аналогий между двумя системами, однако, мы можем предположить, что обе они могут восходить к одному и тому же источнику, хотя почти невозможно, что этот общий источник мог быть непосредственной предпосылкой какой-либо из них. Более вероятно, что звенья цепи между

восточно-тюркской и секейской рунической письменностью мы найдем среди систем рунической письменности, обнаруженных в Восточной Европе, особенно среди памятников, найденных в Карпатском бассейне.

Литература

Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской руничсской письменности азиатского ареала. М., 1983.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л., 1980.

Hódoly L. A székely vagy régi magyar irás aredete.[Происхождение секейской или древней венгерской письменности]

Hovdhaugen E. The relationship between the two Orkhon inscriptions // Acta Orientalia Havnie, 55-82.

Király P. К вопросу о глаголических письменах в системе древневенгерских рунических знаков // Konstantin Kiril filosof. Dokladi ot simpoziuma, posveten na 1100-godisninata od smartta mu. Sofia. 1971a.

Király P. Cyrillské litery v staromadarské runové abecede? // Studia Pravoslavica. Praha, 1971b.

Le Coq A. A., von. Köktürkisches aus Turfan: Sprachwissenschaftlihe Ergebnisse der deutcshen Turfan-Forschung. Text-Editionen und Interptetationen von Albert August von Le Coq, Friedrich Wilhelm Karl Müller, Willi Bang, Annemarie von Gabain, Gabdul Rasid Rachmati, Wilhelm Thomsen. Gesammelte Berliner Akademieinchriften 1908-1938. Band I, 532-548. Leipzig.

Ligeti L. A magyar rovasirás egy ismeretlen betüje [Одна неизвестная буква венгерской рунической письменности] // Magyar Nyelv, 50-52.

Melich J. Néhány Megjegyzés a székely irásról [Несколько замечаний по поводу секейской письменности] // Magyar Nyelv, 153-159.

Nagy G. A székely irás eredete [Происхождение секейской письменности] // Ethnographia, 1895. 269-276.

Nagy G. A régi magyar irás eredete. [Происхождение древней Венгерской письменности] // Nyelvtudományi Közlemények, 1917-20, 31-44.

Németh Gy. A magyar rovásirás. [Венгерская руническая письменность]. Bp. 1934

Németh J. The runiform inscriptions from Nagy-Sxent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe // ALH, 1971, 1-72.

Róna-Tas A. On the development and origin of the East Turkic «runic» script // AON, 7-14, 1987.

Róna-Tas A. An introduction to turkology. Szeged, s.a. 1990.

Sebestyén Gy. A magyar rovásirás hiteles emlékei. [Достоверные памятники венгерской рунической письменности] Bp., 1915.

Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic. Uralic and Altaic series 69. The Hague.

«Chronica». Annual of the Institute of History University of Szeged. 2001. Volume 1.

В свет вышло новое периодическое издание - «ХРОНИКА». Ежегодник Института Истории Сегедского университета (Венгрия). Ответственный редактор первого тома Ласло Надь отмечает в своем предисловии, что с помощью этого ежегодника Институт Истории намеревается укрепить свои связи (и без того, добавим от себя, очень тесные) с учеными и академическими институтами во всем мире. «С помощью этого нового начинания иностранные историки и читатели смогут окунуться в исследовательскую работу ученых и коллег Института Истории» (С. 3).

Помимо публикаций результатов индивидуальных исследований, ежегодник планирует информировать читателей о продолжающихся проектах и исследовательских работах.

«История Евразии в Средние века и Новое время» - так можно было бы назвать первый том ежегодника.

Том открывается статьей Терезе Олайош «К истории оногуров». В статье рассматривается гипотеза, объясняющая это племенное название как «десятистрельный род» и проводятся определенные параллели с вариантами этнонима (H)ung(a)ri(i), зафиксированного в источниках средневековых авторов. Анализируя источники и результаты целого ряда исследований, в частности, - отмеченное на карте 860 г. пребывание племени оногуров в районе Карпат, - автор делает вывод о присутствии этого племени в регионе уже в первой половине IX в.

Статья Золтана Костольника «The Monomachos Crown (Domestic Intrigue and Diplomatic Reality Prevalent at the Hungarian Court during the mid-Eleventh Century)» подробно разбирает

значение так называемой «короны Мономаха» (диадемы, посланной по преданию византийским императором Константином IX Мономахом и использованной при коронации в 1047 г. венгерского короля Андрея I, а потом и его сына Соломона в 1058 г.) в дипломатической истории Венгрии и рисует полную драматизма историю венгерского двора в середине XI в. Тема византийского наследства, легитимности императорской власти, безусловно, будет интересна историкам Киевской Руси.

Статья Дьюлы Кришто «Influences de la direction politique française en Hongrie au début du XIIIe siècle» посвящена французско-венгерским политическим связям в начале XIII в.

Статья Иштвана Зимоньи («Die Aussage eines mongolischen Kriegsgefangenen zur Zeit der Belagerung von Kiev im Jahre 1240»), вероятно, вызовет большой интерес историков Киевской Руси в нашей стране. Автор приходит к чрезвычайно интересному и обоснованному выводу о том, что фрагмент с перечислением братьев Бату, сохранившийся в составе Галицко-Волынской летописи, Летописного свода 1518 г. и Никоновской летописи, скорее всего, восходит к свидетельству монгольского военнопленного времени осады Киева в 1240 г., а транскрипция монгольских имен отрывка указывает на тюркское (точнее, огузское – куманское, т.е. половецкое, или среднекипчакское) посредничество при их передаче.

Традиционно сильная венгерская тюркология представлена в ежегоднике еще двумя статьями. В первой из них (Der ungarisch-türkische Friedenvertrag im Jahre 1444) Шандор Папп обращается к предпосылкам и обстоятельствам заключения венгерско-турецкого мира 1444 г.

Шандор Ласло Тот в статье «Ottoman Plans of Expansion in Hungary in the Fifteen Years' War (1593-1606)» исследует планы великого везира (вторично с января 1593 г.) Коджи Синана относительно завоевания венгерских земель за Дунаем. Автор приходит к выводу, что эти устремления играли чрезвычайно

важную роль в османских планах завоевания и присоединения Габсбургской империи и, в частности, Вены.

Русскоязычная статья Б.К. Варга «Спорные вопросы юридического положения Украины в составе России с 1654 г.» представляет собой весьма любопытную попытку суммировать взгляды русских дореволюционных историков и правоведов относительно статуса Украины по отношению к России после 1654 г. Работа наглядно демонстрирует неопределенность юридической природы договора, принятого Переяславской радой. Автор приходит к выводу, что соединение двух государств ни в коем случае нельзя квалифицировать ни как *личную унию*, ни как *реальную унию*, ни как *полную инкорпорацию*, ни, тем более, как *вассальную зависимость*. По все видимости, отметает автор и теорию *протектората*, предложенную А.Я. Ефименко, принимая, таким образом, определение акта 1654 г. как *инкорпорации на особых условиях*, которое, по мнению И.Б. Розенфельда, и является для юриста правильным и единственно возможным.

Статья Ласло Марьянуч «Beiträge zur Banatpolitik des Staatstrates am Anfang der 1770er Jahre» рассказывает о политике Государственного совета в Темешварском банате (округе) в начале 1770-х гг.

Статья Агнеш Дьяк «Volkszählung in Ungarn in den Jahren 1850-1851» посвящена переписи населения Венгрии, предпринятой Габсбургами в 1850-51 гг., и знакомит читателя с интереснейшими материалами по данной теме из австрийских и венгерских архивов. В приложении к статье А. Дьяк публикует таблицу (составленную по результатам переписи) численности представителей различных национальностей (в абсолютных цифрах и процентах) в собственно Венгрии, Семиградье, Сербии, Воеводине, Темешварском банате, Хорватии и Словении в 1850 г.

Статья Эникё Шайти («Changes in the Situation of the Hungarian Minority in Yugoslavia during the Period of Royal Dicta-

torship») знакомит читателей с историей венгерского меньшинства в Югославии в1929-1941 гг.

Наконец, последняя статья ежегодника (István Eördögh «Jozef Tiso e la quastione ebraica in Slovacchia») посвящена еврейскому вопросу в Словакии накануне Второй мировой войны.

Традиционный для подобного рода изданий раздел рецензий открывается отзывом Ласло Балога на серию изданий по венгерской до-истории. В разделе представлены рецензии Шаролты Хоммонаи на серию «Сегедская библиотека средневековой истории», журналы Acta Historica (Шандора Ласло Тота) и Mediterrán Tanulmányok (Акоша Фервагнера и Кристиан Комар), также издаваемые Сегедским университетом.

Нетрудно заметить, что большинство статей так или иначе связано с историей Венгрии. Однако, это нисколько не снижает интерес к ежегоднику со стороны специалистов, не являющихся хунгроведами.

Особо стоит отметить многоязычие ежегодника. Статьи написаны на французском, немецком, английском, русском и итальянском языках. Уровень редакторской работы чрезвычайно высок, что выгодно отличает издание от некоторых других двух-, трех-язычных собратьев. Многоязычие, безусловно, преследует основную цель издания – сделать его доступным научным академическим кругам во всем мире. Принципиальное стремление редколлегии к многоязычию расширяет востребованность издания и заслуживает самой высокой оценки.

Новый ежегодник удался. Остается пожелать его издателям сохранить высокий научный уровень, достигнутый в первом выпуске и надеяться на скорейшее появление второго. Желаем успехов!

Илья Зайцев
Дмитрий Васильев

Список сокращений

AEMA – Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden.

ALingu./ ALH. - Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

AOH - Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

BSOAS - Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London.

JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society

MNy. - Magyar Nyelv. Budapest.

NyK. - Nyelvtudományi Közlemények. Budapest.

UAJb – Ural-Altaische Jahrbüher

Научное издание

Бюллетень Общества востоковедов
Выпуск 9

HUNGARO-ROSSICA

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Сдано в набор 16.07.2002. Подписано к печати 30.07.2002.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 18,5. Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 61

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
121019 Москва, ул. Знаменка, 11